

9 (C-M)

0-51

633 (2-2H)

INSPECTOR

BOOKS



Л. М. Мухоморовъ

ОБОГАТА

В. С. С.

Библиотека

Я. К. Пожарского



63.3(2-2M) пред. Выг-27
9(С-М) 704424 +
0-5110

Окрестности
Москвы

1880	100-00
16.10.09	

ГОРЬКАЯ ПУША

704424

л/ф

РФ

ОКРЕСТНОСТИ МОСКВЫ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ И ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ
ИХЪ ВИДѢ.

ДЛЯ ВЫБОРА ДАЧЪ И ГУЛЯНЬЯ.

Характеристика и бытъ московскихъ жителей
дѣдовскихъ и нашихъ временъ.

Гулянья, празднества, увеселенія и другія замѣчательныя событія.
Очеркъ земледѣлія и садовъ съ древнѣйшихъ временъ.

С. М. Любецкаго.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

*И лъ выиду на широкіа поля,
Тамъ проглядой такъ и опять на тебл.*

МОСКВА.

Типографія К. Индриха, Рождественскій бульварь, д. Малюшина.

1880.

9(С-М)
0-51

63.3 (2-2М)

МОСКВА

ГОРОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИМЕНИ П. А. ЧУБАСОВА

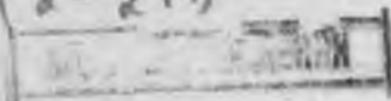
УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

704424

№ 392

63.3 (2-2М)



ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. П. А. ЧУБАСОВА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА I. Общій взглядъ на дачи и на дачную жизнь. На- ступленіе весны въ городѣ и въ деревнѣ	1
ГЛАВА II. Дачи, находящіяся за Тверской заставой и въ окрестностяхъ ея	12
ГЛАВА III. Мѣстность около Трехгорной заставы	24
ГЛАВА IV. Дачи за заставами: Калужской, Прѣсененской и Дорогомиловской	26
ГЛАВА V. Фили, Мазилово и Кунцево	36
ГЛАВА VI. Дальнія дачи за Мюзеской заставой	42
ГЛАВА VII. Дачи за Крестовской заставой, по боковой сторонѣ Троицкой дороги	47
ГЛАВА VIII. Останкино, Леоново, Свиблово, Медвѣдково	60
ГЛАВА IX. Взглядъ на большія дороги вообще	82
ГЛАВА X. Алексѣевское, Ростокино, Большія Мытищи, Танинское, Пушкино, Братовщина, Поклонная гора	88
— — Софрино, Галычино, Рахманово, Воздвиженское, Гора Волкуша, Виванія, Деулино	102
ГЛАВА XI. Дачи за Сокольничьей заставой и окрестно- сти ихъ	108
ГЛАВА XII. Мѣстности за Спаской заставой съ своими окрестностями	123
ГЛАВА XIII. Мѣстности и дачи въ окрестностяхъ заставъ Проломной и Симоновской	137
ГЛАВА XIV. Село Коломенское	142

ГЛАВА XVI. Село Кусково — Спаское; праздникъ въ Ку-
сковѣ, по случаю прибытія въ него Имп. Екатери-
ны II. 149

ГЛАВА XVII. Окрестности Кускова: Гиреево, Бедрино;
Воздушный театръ въ немъ, Косино. 167

ГЛАВА XVIII. Продолженіе описанія окрестностей Куско-
ва и Косина. 180

ГЛАВА XIX. Дачи и мѣстности за Серпуховской заставой:
Царицыно, Дубровица и проч. 194

ГЛАВА XX. Мѣстности близъ Рогожской заставы: Воксаль
и Горенки съ бывшемъ знаменитымъ своимъ садомъ. 210

ГЛАВА XXI. Ближнія дачи за Мюзской заставой 258

ГЛАВА XXII. Очеркъ исторіи земледѣлія, садовъ и укра-
шенія ихъ съ древнѣйшихъ временъ. 271

ГЛАВА XXIII. Общій взглядъ на весеннія и лѣтнія гулянья
и праздники; разныя преданія объ-нихъ. 301

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на дачи и на дачную жизнь. Наступленіе весны въ городѣ и въ деревнѣ.

У иностранцевъ каждая мѣстность, каждое зданіе, относящееся къ какой нибудь эпохѣ изъ ихъ исторіи, увѣковѣчены въ описаніяхъ. «Хочется знать старину, какова бы она ни была, хоть чужую, а своя гораздо милѣе», сказалъ Карамзинъ.

По количеству важныхъ событій въ нашей исторіи, у насъ, сравнительно, мало памятниковъ минувшаго времени, и тѣмъ заботливѣе должны мы сохранять ихъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, такому отношенію къ нашей старинѣ много мѣшаетъ малое знакомство съ нею, почти полное забвеніе воспоминаній, связанныхъ съ тою или съ другою мѣстностью. Чтобы не ходить далеко, укажемъ хоть на окрестности Москвы; многія изъ нихъ дышатъ историческими воспоминаніями, и грустными и отрадными; но воспоминанія эти составляютъ достояніе лишь немногихъ любителей старины.

По возможности восполнимъ эготъ пробѣлъ, но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ вообще о дачахъ, находящихся въ окрестностяхъ Москвы(*).

Что такое наши дачи, когда они получили свое названіе? Встарину вся Москва, со всѣми своими пригородьями, выселками и приселками, принадлежала удѣльнымъ великимъ князьямъ; а потомъ царямъ, которые раздавали земли, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ окружности ея, въ видѣ награды, ближнимъ своимъ боярамъ за ихъ заслуги; эти награды или подарки назывались *дачами*, которые находились не только на окраинахъ Москвы, но тѣснились и въ самомъ Кремлѣ. Тогдашнія загородныя мѣстности отдѣлялись отъ главныхъ частей города деревянными надолбами и рвами; а со временъ Екатерины отдѣлились камерь-коллежскимъ валомъ (**).

(*) Собственно о Москвѣ, о святилахъ, о древнихъ урочищахъ и о прочемъ много было писано (въ томъ числѣ есть и мои скромныя лепты); окрестности же ея могутъ служить дополненіемъ жизни, быта, и вообще характеристики нашей столицы.

(**) Онѣ имѣетъ въ своей окружности около 40 верстъ; самая большая ширина Москвы отъ Преображенскаго до Воробьевыхъ горъ — 11 верстъ; далѣе отъ Троицкой до Даниловской заставы — 8 съ 1/2 верстъ.

Выѣзды лѣтомъ въ подмосковныя дачи и въ свои помѣстья сановитыхъ господъ начались болѣе со временъ Петра I-го; но этимъ благомъ могли пользоваться только богатые люди. Въ концѣ прошлаго столѣтія градоначальники Москвы жила въ лѣтнее время въ Петровскомъ дворцѣ, а завѣдывающіе кремлевскою экспедиціею—въ Царицынѣ. Съ теченіемъ времени Москва стала рости богатырски и раскидываться на всѣ стороны; въ былыя времена дачи, находившіяся въ самой Москвѣ, имѣли широкой просторъ и полную сельскую обстановку: тѣнистые сады и огороды; тогда почти у каждаго домовладыки находились плодовые деревья и ягодныя растенія, пруды, мыльни, пчельники и пр. Въ послѣдствіи времени широкія мѣстности въ Москвѣ мало по малу стали застраиваться домами; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ окрестностяхъ столицы начали размножаться загородныя дачи; съ каждымъ годомъ потребность въ нихъ ощущалась все болѣе и болѣе.

Что нужно для дачъ?—чистый воздухъ, проточная, свѣжая вода, сухая почва земли и обиліе лѣса (преимущественно пихтъ и сосенъ). Что дачи полезны въ гигиеническомъ отношеніи, всякому извѣстно и по теоріи и по практикѣ; но требованія отъ дачной жизни не у всѣхъ одинаковы: нѣкоторые переезжаютъ на дачи, какъ въ лѣчебницу,

для поправленія здоровья, чтобъ жить лицомъ къ лицу съ природой; имъ нуженъ воздухъ, лѣсъ, въ которомъ бы можно было отдохнуть сладко—дремотно, подъ обмахиваньемъ древесныхъ вѣтвей, — а другіе ѣдутъ на дачи для удовольствія, третьи для какихъ-нибудь видовъ. . . . и живутъ въ такъ называемыхъ *загородныхъ городкахъ*, напр. въ Петровскомъ паркѣ или въ душно-пыльныхъ Сокольникахъ или болотномъ Петровскомъ-Разумовскомъ и въ Останкинѣ, гдѣ настоящей акваріумъ, гдѣ привольно жить земноводнымъ. Многіе обращаютъ вниманіе на внѣшность дачныхъ пріютовъ, на ихъ фигурныя фізіономіи, на игрушечные висячіе балкончики, увитые плющемъ и т. д. Инымъ нуженъ не отдыхъ на дачахъ, но балы, концерты, фейерверки и изысканный туалетъ (вериги своего рода). Но лѣтняя природа за городомъ даетъ свои даровые концерты: дремотный, но гармоническій шумъ дубравъ, глухіе раскаты грома, солисть-соловей, меланхолическіе высвисты иволги, игривый, веселый жаворонъ и другіе пернатые южные переселенцы—вотъ самоучки артисты для загородныхъ концертовъ; а огненные пороховыя потѣхи замѣняются тамъ грозной красотой — зигзагами молніи, обливающей огнемъ своимъ темныя облака или вспышками восходящаго и закатаго солнца, подобными бенгальскому огню. Вдали отъ горо-

довъ живѣе бьется пульсъ жизни. У всякаго свой вкусъ и чувства: иные любятъ гулять до усталы, до изнеможенія, другіе устаютъ лежавши или сидя за картами.

Лишь только мѣсяць Мартъ (бокогрѣй) начнетъ принимать въ свое распоряженіе природу, всѣ газеты наполняются объявленіями, зазывными приглашеніями на дачную жизнь въ разныхъ близкихъ и дальнихъ загородныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ нашу столицу. Еще ледъ затягиваетъ лужи тонкимъ слоемъ, снѣжныя мотыльки кружатся въ воздушномъ океанѣ, еще густые туманы, будто прозрачнымъ газомъ, обволакиваютъ природу, еще многіе горожане прогуливаются по московскимъ тротуарамъ, укутанные въ пушистые мѣха и обутые въ камчадалскіе сапоги, а мысли о наймѣ дачъ уже тѣснятся въ ихъ воображеніи.

Въ Мартъ городскимъ жителямъ едва замѣтно наступленіе весны; изъ большихъ городовъ зиму выгоняютъ ломами, топорами, скребками, метлами, растопленный снѣгъ смегается съ тротуаровъ, мостовыя обнажаются, по нимъ скрипятъ еще санные полозья, а порою пограмыхиваютъ уже колеса; но посмотрите что дѣлается въ деревняхъ еще при равнемъ наступленіи весны, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ поселяне появленія ея.

Ксенія полухлѣбница уже давно прошла, половина запаснаго хлѣба давно уже съѣдена, пора подумать о новомъ посѣвѣ; старинная русская поговорка говоритъ: «не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника».

У поселянъ свой календарь; вотъ наступаетъ *Василій капельникъ*, онъ пожметъ зиму и, говорятъ, съ тѣхъ поръ она заплачетъ капельками, подтаенные снѣга зароняютъ слезки съ крышъ. Съ *Евдокии* исчезаютъ морозы лихіе, а тутъ за ними слѣдуетъ *Герасимъ грачевникъ*, прилетаютъ грачи черноносые, а за нимъ и жаворонки, веселые летунчики-иѣвунчики, игрунчики, вотъ и *Федуль* теплою вешнимъ подуль, а тамъ скоро и *Алафьи-Руфы*, весь ледъ порушить и *Дарьи прорубницы*, намочить бабамъ хвосты, а батюшка *Антонъ водополю* всю зиму помететъ, столкнетъ, а тамъ ужъ оглобли выверни, да сани убирай подь навѣсь, вплоть до *Еремья запрягальника*; стихія Божья, стихія вольная вода повсюду разливается, а на Апостола Пуда ужъ и пчелокъ вынимаютъ изъ подь спуда.

Да, послѣ кругой зимы, жгучихъ морозовъ и полугодоваго оцѣпененія природы, отрадно видѣть проблески, ккъ будто помолодѣвшаго, солнышка, выводящаго за собой весну красную; впрочемъ зима отступающая, не вдругъ еще передаетъ права свои

веснѣ, она еще упирается и огрызается морозами и вьюгами.

Вотъ паступаетъ и Апрѣль, часто суровый (какое-то пятое время года), свирѣпый Берей тормошитъ, ерошитъ обнаженные макушки деревъ, весеннее солнце еще плохо, недобросовѣстно исправляетъ свою должность, а мысли о наймѣ дачъ у горожанъ не охлаждаются порывистымъ вѣтромъ, поддерживаемая надеждой на щедрый бенефисъ, даваемый намъ лѣтомъ природою. Въ городахъ все еще идетъ по прежнему, декорация почти все таже. Но въ деревняхъ, при вѣяніи ласковаго вѣтерка, жизнь начинаетъ уже мало по малу шевелиться между поселянами. Въ началѣ Апрѣля, а иногда съ Благовѣщенія, они переселяются изъ избы спать въ издѣя, въ сараи и въ холодники; старики, кряхтя, спускаютъ босыя ноги съ полатей и кутниковъ, надѣваютъ ошурки, оттопки и переселяются съ кочедыкомъ на завалинки, на припекъ солнышка, ковырять лапотъ; старухи также покидаютъ свое теплое гнѣздо—печку, взрослые ребята, въ тулупахъ, въ накидку, выходятъ изъ избъ своихъ отмыкать тряпицы изъ прищуренныхъ окошекъ, чтобъ пропустить свѣжій воздухъ въ свои закоптѣлыя жилища и снять съ полуразвалившихся трубъ опрокинутые горшки. И вотъ съ приближеніемъ весны, приближается

и свѣтлый праздникъ, молодежь начинаетъ охорашиваться, дѣвки сбрасываютъ съ себя кислые овчинные шубняки и напяливаютъ лѣтніе кумачныя сарафаны; парни, мѣняютъ бараньи (бѣковыя) шапки и треухи на полрковья шляпы, сбрасываютъ зипуны и надѣваютъ красныя рубахи съ запонками, затыкаютъ за поясъ мѣдную расческу и предовольные собой, выходятъ на улицу; но погодите, еще не насталъ Егорій съ *припекомъ*, еще щука не разбила хвостомъ своимъ ледъ на рѣкѣ, еще птичка овсянка не запѣла *веснянки*, а дѣвица красная свою завѣтную пѣсенку: *скучно, матушка, весною жить одной*; еще дѣвушки не бѣгали на рѣку почерпнуть свѣжей водицы, пока воронъ не взмугилъ ее, не обмочилъ въ ней крыла своего, еще черноносые грачи не облепили макушки сосенъ, какъ черными шапками, хотя домовитые большаки (хозяева домовъ) уже справили сохи, закрѣпили въ боронѣ зубья и перетянули шины на колесахъ.

Но вотъ, особенно на солнцекѣ, остатокъ снѣга уже растопился, побурѣлъ, блеснули ручьи на поляхъ, забѣгали змѣйками, заиграли, зарѣзвились, какъ шаловитыя дѣти—вотъ поднялся паръ отъ земли, это она *отходитъ*, надъ ней виснуть, бѣгутъ въ перегонку лиловыя или аспиднаго цвѣта облака, чреватыя дождемъ, вотъ они какъ будто

лопнуть, изъ нихъ брызнетъ живительная влага, природа оросится, омоется ею; вотъ раздастся небесная канонада, первый раскатъ грома, пора очнуться природѣ, и дѣятельно приняться за свое хозяйство. Вотъ послышатся гулкія и горячія пѣсни прилетныхъ птицъ, для нихъ также наступаетъ время обзаводиться своимъ семействомъ, подумать о потомствѣ. При первомъ весеннемъ дождѣ, въ селеніяхъ поется пѣснь:

Пади дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкииъ лень,
Поливай ведромъ.

При первомъ громѣ есть обыкновеніе умываться съ золота или серебра, а въ деревняхъ съ куриного яйца. Видятъ ли горожане вполне великолѣпную картину водополя?—у насъ рѣка сжата гранитными берегами, но посмотрите на иную, хотя по виду скромную, небольшую рѣчку за городомъ, гдѣ нѣтъ ей преградъ, посмотрите, какъ она вздымаетъ, подымаетъ постепенно ледяную грудь свою и вдругъ съ трескомъ, съ грохотомъ взметнетъ ее, и послышится какая-то хрустальная музыка, задвигаются чудовищныя глыбы сизаго льда, напирающія другъ на друга, вода, стремительно вырвавшаяся изъ цѣпей своихъ, размечется и разольется

ки, то рѣшетчатые мосты, то косогоры — настоящая дорога жизни.... Каково пробираться по нимъ въ дождливое время!

Куда-же переѣхать? думаютъ городскіе жители; кажется вездѣ хорошо, но не совсѣмъ, совершенства не найдешь нигдѣ. Взглянемъ и на извѣстныя дачи и на полузабытыя, но не лишенныя своей поэтичности, стояція въ вѣковомъ безмолвіи, подъ меланхолическою сѣнію деревъ.

ГЛАВА II.

Дачи, находящіяся за Тверской заставой и въ окрестностяхъ ея:

Петровский паркъ, Зыково, Всесвятское, Покровское, Ходынка, Тушино и прочія дачныя мѣстности.

Прежде всего выйдемъ за триумфальныя ворота за Тверской заставой (*), гдѣ по обѣ стороны дороги,

(*) Ихъ строилъ памятный архитекторъ, Юс. Ив. Бове; онъ прибылъ въ Москву въ 1801 г., принялъ православную вѣру и послѣ нашествія Французовъ исправилъ Никольскую баню (взорванную непріателемъ), выстроилъ зданіе губерпскихъ присутственныхъ мѣстъ, передѣлалъ Гостинный дворъ и сгорѣвшій Петровский театр; по его рисунку разведенъ и Кремлевскій садъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ, Княгинѣ Трубецкой (урожденной Гурьевой).

ведущей къ парку, столпилось множество дачъ, дополняющихъ Петровскій паркъ и Москву. Съ 1776 года мѣсто, занимаемое нынѣ Петровскимъ дворцомъ и паркомъ, было совершенно пустынно, оно принадлежало Высокопетровскому монастырю, почему и называется *Петровскимъ*. Дѣвѣе отъ него разстилается песчаное Ходынское поле. На всемъ этомъ пространствѣ издавна существовали глиняныя копи, кой-гдѣ, какъ оазисы, виднѣлась тощая зелень, лачуги огородниковъ, поляны, засѣяныя рѣпой, да землянки ямщиковъ Тверской слободы, которые копали тамъ глину и песокъ. Въ началѣ текущаго столѣтїя близъ *подъезднаго* Петровскаго дворца, выстроеннаго въ 1776 г., по повелѣнїю Имп. Екатерины II, архитекторомъ Казаковымъ въ Мавританскомъ вкусѣ (*), около такъ называемой Петровской рощи, находилось уже нѣсколько дачъ (тогда ихъ называли *загородными домами*) Степ. Степ. Апраксина, Княг. Волхонской, Г-на Ошанина, (прежде Кн. Мих. Петр. Голицына) и Г-жи Лобковой. Тамъ находилось и нѣ-

(*) Екатерина, прїѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, въ первый разъ остановилась во дворцѣ въ 1787 г. Она отослала оттуда приготовленную для нея стражу, сказавъ, что желаетъ быть подъ охраною преданнаго ей народа, толпы котораго, тѣсняя около дворца, остерегали другъ друга, говоря: «не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки».

сколько трактировъ; одинъ изъ нихъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ: *Gastronome Russe*; его содержалъ французскій поваръ и въ немъ давались бальные вечера и происходили людныя гулянья въ роцѣ. Въ 1812 г. эта роца много пострадала отъ непріятелей; въ ней вырублены были самыя большія деревья, для устроенія биваковъ (*).

Надѣво отъ Петровскаго дворца разстилается необозримое *Ходынское поле*. Эта мѣстность замѣ-

(*) Непрѣтели, надѣясь на продолжительное пребываніе въ Москвѣ, устроили себѣ на окраинахъ города роскошныя землянки съ рамами, дверями и съ награбленной мебелью; даже съ зеркалами. Когда въ Кремль вспыхнулъ пожаръ и когда находившіеся тамъ зарядные ящики гвардейской артиллеріи были въ опасности, Наполеонъ, съ окружавшей его свитой, поспѣшно пачалъ выбираться изъ Москвы, по раскаленной мостовой въ Прѣсенской заставѣ, а оттуда полемъ въ Петровскій дворецъ; гвардія его поселилась на Ходынскомъ полѣ. Москвитяне говорили: «мы, по старинному русскому обычаю, поподчивали Бонапарта жаркой баней». При выступленіи непріятелей изъ Москвы, изъ селъ: Петровскаго-Разумовскаго, Всесвятскаго, Покровскаго и другихъ, выступили поселяне, скрывавшіеся въ лѣсахъ и помогли казакамъ разбить французскій отрядъ, находившійся около Петровскаго дворца; множество непріятельскихъ труповъ похоронено въ глиняныхъ ямахъ за Тверской заставой.

чательна тѣмъ, что въ 1775 г. тамъ праздновался славный Кудчукъ-Кайнарджскій миръ съ Турками; на Ходынкѣ воздвигнуты были города (разумеется въ миниатюрѣ), крѣпости (подобія отнятыхъ у турокъ), залы, галереи, театръ, бесѣдки и пр. Виновникъ этого торжества, Гр. Румянцевъ, предъ самымъ торжествомъ, по желанію Екатерины, вступилъ въ Москву по римскому обычаю, на колесницѣ, чрезъ триумфальную арку и ворота съ разными аллегорическими изображеніями. Ходынское поле представляло великолѣпную панораму громадою своихъ построекъ; каждое зданіе въ немъ, отличавшееся своимъ цвѣтомъ, въ турецкомъ вкусѣ, съ минаретами, кіосками, каланчами, имѣло видъ крѣпости. Тамъ изображены были моря: Черное и Азовское, орды и корабли; они назывались *Азовымъ*, *Таганрогомъ*, *Еникале*, *Таманомъ*, *Кинбургомъ* и пр. На островѣ Таманѣ (Фанагорія) устроенъ былъ театръ для балансеровъ, въ Ногайскихъ ордахъ стояли жареные быки съ позолоченными рогами, на каланчахъ били фонтаны разными винами, въ Таганрогѣ находились залы для обѣда, а около него кипѣла ярмарка; въ Еникалѣ былъ залъ для собранія, въ Кинбургѣ—театръ, на моряхъ корабли съ парусами и флагами, изображавшими сіяющіе кресты надъ луной. На этихъ же корабляхъ устроены были и мѣста, съ которыхъ

театръ, (проданный послѣ на дрова) и заведены были минеральныя воды; какой-то извертливый спекуляторъ нѣмецъ открылъ будто бы въ одномъ изъ тамошнихъ колодцевъ частицы извести, желѣза и другія цѣлебныя частицы; денегъ на устройство тамошней лечебницы потрачено было много, но все это оказалось шарлатанствомъ. Въ тамошнія ванны никто не садился, воды не пили, въ галлерейхъ не гуляли. Устройство Петровскаго парка относится къ 1834 г. Онъ устроился скоро, всю мѣстность отъ Тверской заставы до Петровскаго дворца разобрали по участкамъ, большое пространство ея взялъ тогдашній начальникъ комиссіи для построеній въ Москвѣ, А. А. Башиловъ, (улица Башиловка), онъ построилъ и затѣйливый вокзалъ въ паркѣ, со всѣми возможными увеселеніями, тамъ пылали и крутились фейерверки, гремѣла музыка и гикали цыгане (*). Въ паркѣ построили и красивый лѣтній театръ съ греческимъ портикомъ, (въ настоящее время все это обветшало). По разнымъ сторонамъ разостлались широкія утрамбованныя дороги, насади-
на Ирѣсенскихъ прудахъ. Въ 1821 г. открытъ былъ Кремлевскій садъ; его называли *корзиною цвѣтовъ*, а бульвары—*зелеными липовыми улицами.*

(*). Послѣ тамъ помѣщался Нѣмецкій Клубъ, тоже съ разнообразными потѣхами.

лись рощицы и кустарники, устроилось шоссе съ бульварами и отъ самаго города обставилось дачами, въ которыхъ въ настоящее время живутъ и зимою.

Но надобно сознаться, что въ Петровскомъ паркѣ мы видимъ болѣе искусственную природу; тамошніе луга и деревья напудрены пылью. Это лѣтній городокъ, Москвы уголокъ, сообщеніе его съ городомъ очень удобно и дешево по конно-железной дорогѣ (только мѣста въ вагонахъ надобно брать съ боя). Жизнь въ паркѣ весела, шумна и разнообразна, даже зимою прокачиваются въ заманчивые пріюты его бѣшенныя тройки съ гуляками-пассажирами, изъ которыхъ тоже нѣкоторые доходятъ тамъ до бѣшенства. Пусть всякій судить самъ, можно ли лѣтнюю жизнь въ паркѣ назвать *дачною*.

Къ Петровскому парку, какъ бы прибавкомъ или приселкомъ, принадлежитъ неприглядная деревнюшка старое *Зыково*; это какая-то меланхолическая мѣстность, тоже изобилующая дачами, раздѣленными темными переулками; однимъ словомъ: это задній дворъ парка. Близъ него находится *Новое Зыково*, тоже полудеревня на солнцепекѣ, *среди долины равныя*.

За паркомъ, черезъ поле, по большой Петербургской дорогѣ, расположено село *Всесвятское*. Пре-

жде принадлежало оно князьямъ Грузинскимъ, послѣ казни; тамъ разбитъ садъ, въ которомъ, въ день Всѣхъ Святыхъ, происходило нѣкогда большое гулянье; дорога чрезъ это село нынѣ покинутая, пустынная, а прежде была весьма оживленная мчащимися по ней дилижансами, тянувшимися обозами и летучими почтовыми тройками. Во Всесвятскомъ, въ небольшомъ деревянномъ дворцѣ его, до построения Петровскаго, останавливались: Императрицы Анна, Елизавета и Екатерина II, прїѣзжая въ Москву для коронацій (*). Всесвятское прежде было окружено рощами, особенно впрво отъ него тянулся большой тѣлистый, грибной и ягодный лѣсъ петровскій; къ сожалѣнію, въ настоящее время онъ вырубленъ, почти все село обнажено отъ него; впрочемъ въ немъ перестроено изъ крестьянскихъ избъ много лѣжныхъ пріютовъ, въ которыхъ обитаютъ большею частію семейства офицеровъ, по близости къ ходынскому и кадетскому лагерямъ. Во Всесвятскомъ красуется соперникъ Петровской Стрѣльны, трактиръ Якорь, съ своими приманками.

Вблизи отъ Всесвятскаго находится село *Покровское Глѣбовыхъ Стрѣшневыхъ*; лѣсистая мѣстность

(*) Разную провизію доставляли въ этотъ дворецъ изъ Западнаго дворца, находящагося у Красныхъ воротъ, гдѣ изстари въ погребахъ его хранился *царской кусъ*.

освѣжаетъ тамъ воздухъ, къ тому же это село отстоитъ далѣе отъ Москвы, нежели паркъ и многолюдное Всесвятское; тамъ отдаются прекрасныя дачи внаймы; — я не говорю уже про небольшія тамошнія окрестныя деревеньки, какъ напр. про *Коптево* и т. п. Всѣ они радушно предлагаютъ свои услуги для горожанъ, особенно когда дачная жизнь сдѣлалась насущною потребностію для московскихъ жителей.

Нельзя пройти молчаніемъ мѣстность, находящуюся влѣво за селомъ Покровскомъ — это памятный въ нашей исторіи бывший Тушинской лагерь, стоянка втораго самозванца Лжедмитрія, прозваннаго *Тушинскимъ воромъ*. Тушинская поляна находится почта за 15 верстъ отъ Москвы, близъ Москвы-рѣки, на низменномъ мѣстѣ, (по дорогѣ въ г. Волоколамскъ и въ Новый Іерусалимъ.) Въ XIV ст. Тушино принадлежало кievскому боярину, Квашнѣ, который, по преданію, спасъ жизнь Іоанну Калитѣ, во время битвы его съ тверитянами, подъ Переяславлемъ и за то получилъ себѣ во владѣніе весь кругъ рѣки Выходни. Въ XVI ст. вся эта мѣстность сдѣлалась собственностію воеводы Тушина и пошла въ приданое за дочерью его, вышедшею замужъ за Князя Телятевскаго; но попопстриженіи своемъ въ схимонахини, она отказала по духовной отчину свою Преображенскому мона-

стырю, существовавшему на обрывистой горѣ, прилегающей къ Москвѣ-рѣкѣ и состоявшему въ зависимости отъ Троицкой Лавры (*). 1608 г. лѣтомъ самозванецъ приблизился къ Москвѣ-рѣкѣ и выбралъ для своего становища мѣсто между рѣками Москвой и Выходней, въ Тушинѣ, а царское войско расположилось на Ходынскомъ полѣ, самъ же царь Василій Шуйской, лично начальствуя надъ отборными полками, стоялъ на Прѣснѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии царь Михаилъ Ѳедоровичъ встрѣчалъ отца своего, Патриарха Филарета, возвращавшагося изъ польскаго плѣна. При Шуйскомъ находился подвижной *Гуляй-городокъ*, устроенный на возахъ, съ котораго стрѣльцы стрѣляли въ непріятелей.

Взглянемъ мысленно на эту мѣстность, окрестности которой были тогда очень оживлены: у самозванца было до 50 тысячъ сброднаго войска, состоявшаго изъ поляковъ, запорожцевъ, донскихъ казаковъ и русскихъ измѣнниковъ; къ зимѣ подѣлали они себѣ землянки и шалаши изъ хвороста и соломы, покрыли ихъ дрянью и кожами,

(*) Онъ основанъ былъ еще въ XIV ст.; теперь остались едва замѣтные слѣды его, а церковь обращена въ приходскую, что нынѣ селеніе *Спасское* (по Волоколамской и Рузской дорогамъ).

станъ окопали и огородили частоколомъ, устроили погреба, даже подѣлали башни для стратегическихъ наблюденій и построили широкія ворота для встрѣчи Марины. Туда съ разныхъ сторонъ тянулись обозы со всякимъ продовольствіемъ; тамъ былъ настоящій базаръ, говоръ и толкотня продавцевъ и покупателей.

За Тушинымъ, на рѣкѣ Выходнѣ, красуется *Братцево*, Гр. Апраксина, (бывшее Гр. Людомирскаго), съ величавымъ барскимъ домомъ.

На петербургской дорогѣ по обѣимъ сторонамъ ея настроено много дачъ: за Покровскомъ же, на рѣкѣ *Химкѣ*, на гористой мѣстности, находится людное и красивое дачное селеніе *Иваньково*, за нимъ *Никольское* и *Химки* съ полустанкомъ. Мѣстности и въ окрестностяхъ *Химокъ* очень живописны, напр. *Дивово*, *Кирево* и пр. Въ 30-хъ годахъ въ *Химкахъ* были гулянья, на которые городскіе жители ѣзжали въ дилижансахъ веселыми толпами, (какъ по чугунной скатерти ѣздятъ въ Царицыно). По петербургской дорогѣ и вдали, почти до *Клина*, настроено много хорошихъ и удобныхъ для лѣтней жизни дачъ. Въ 6-ти верстахъ отъ *Химокъ* находится село *Ивакино*, на рѣкѣ *Клязьмѣ*, съ большимъ домомъ, паркомъ и садомъ.

Въ заключеніе описанія мѣстностей на боль-

шой петербургской дорогѣ скажемъ, что въ 40 верст. отъ Москвы, въ селѣ Чашниковѣ, въ 1737 г. у причетника, Георгія Данилова, родился сынъ, нареченный Петромъ, (который въ послѣдствіи времени былъ Московскимъ Митрополитомъ) и при постриженіи его въ иноки назанъ *Платономъ*. Это былъ тотъ самый Платонъ, о которомъ Волтеръ писалъ Екатеринѣ: «Поелику вы въ Петербургѣ имѣете уже Платона (т. е. равнаго одному изъ семи греческихъ мудрецовъ, Платону), то я увѣренъ, что Графы Орловы замѣняютъ собою греческихъ героевъ: Мильціада и Ѳемистокла.

Дачи по Звенигородской дорогѣ.

По Звенигородской дорогѣ, близъ Москвы, на седьмой верстѣ, расположено село *Хорошево*; оно стоитъ на Москвѣ-рѣкѣ; тамъ производятся раскопки замѣчательныхъ окаменѣлостей. Обокъ съ нимъ находится слобода *Конюшки* съ казармами; нѣкогда въ Конюшкахъ стояли казенныя лошади. Вся эта мѣстность также хороша, декоративна, особенно большой тамошній лѣсъ. За Хорошевымъ по ту сторону Москвы-рѣки, село *Троицкое*, бывшее Гр. Бутурлина, нынѣ Карзинкина, тоже съ густой сосновой рощей и на горномъ возвышеніи *Крылатское*, все прекрасныя для дачъ мѣстности.

ГЛАВА III.

Мѣстность около Трехгорной заставы.

ГАГАРИНСКІЕ ПРУДЫ.

Къ числу дачъ, вошедшихъ нынѣ въ районъ Москвы, принадлежали *Гагаринскіе пруды* (Студенець), и донынѣ вся тамошняя окрестная мѣстность, далеко за Трехгорной заставой, усѣяна дачами. Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія помянутые пруды бывали также посѣщаемы московскою публикой, какъ Нескучный садъ и нынѣ Петровскій паркъ, особенно въ Ивановъ день, 24 Іюня и въ Духовъ. Тамъ была устроена большая красивая деревянная галерея при гостинницѣ и нѣсколько дачныхъ домиковъ, на самыхъ крутизнахъ горъ. Тамъ, во время одного люднаго гулянья, извѣстный скрипачъ Дицъ, котораго называли тогда: «волшебный смычокъ», въ первый разъ игралъ сочиненную имъ музыку съ варьяціями на модную и любимую встарину пѣснь Ив. Ив. Дмитріева: *Стонетъ сизый голубочекъ* (*). Тамъ показывали разныя панорамы

(*) Ив. Ив. Дмитріевъ писалъ къ Дицу:

О, какъ меня ты восхитилъ,

Что голубка ты воскресилъ.

и стояла таинственная палатка съ замѣчательною надписью: *Здѣсь показывается женщина-невидимка*. Тамъ на животъ одного иностраннаго фокусника ставили наковальню и стучали по ней тяжелыми молотами, послѣ чего этотъ проказникъ съ завязанными глазами, при громкомъ аплодисманѣ публики, переплывалъ Москву-рѣку на противоположную сторону и обратно. Зимой устраивали тамъ горы. Въ послѣдніе времена Гагаринскіе пруды перешли во владѣніе Графа Закревскаго и долго назывались Закревскою дачею. Въ то время тамошній садъ былъ улучшенъ, тамъ надѣланы были, чрезъ наполненныя водой каналы, пловучіе мостики и садъ былъ украшенъ газономъ и цвѣтами. Его съ гостинницей бралъ на аренду одинъ спелулянтъ, и сдѣлалъ надъ воротами, по своему мнѣнію, оригинальную надпись (сострилъ вѣрно французъ каламбуристъ): *Входъ бесплатный, съ дѣтей половину, а кто сюда не взойдетъ, съ того штрафъ (*)*. Замѣтимъ, что Трехгорный колодезь изстари славился своею чистою и свѣжею водою (**).

(*) Разсказъ маститаго старожила.

(**) Когда еще не были открыты фонтаны Мытищенской воды въ Москвѣ, люди со средствами посылали каждадневно бочки за трехгорной водою; это стоило 30 р. ассигн. въ годъ. Многіе жители Москвы пользовались Мо-

ГЛАВА IV.

Дачи за заставами: Калужской, Прѣсененской и Дорогомиловской.

Воробьевы горы, Волынское, Давыдково, Лужники, Троицкое-Голеницево.

За Калужской заставой остановимся на широкомъ поёмномъ лугу, по которому изгибается Москва-рѣчка; за нею чернѣются роци Воробьевыхъ горъ, а на лѣво, какъ будто сквозь сѣтку тумана, мелькають замоскворѣцкія зданія. Москва-рѣчка, то приближается къ подошвамъ горъ, то отклоняется отъ нихъ. На полугорѣ находится Андреевская богадѣльня (*), выше дача Мамонова и Васильевское, бывший загородный домъ съ роцами и садами Кн. Долгорукаго-Крымскаго (послѣ Кн. Юсупова), все живописныя мѣстности. За Васильевскимъ, по берегу Москвы-рѣчки, тянутся къ Дорогомиловской заставѣ Воробьевы горы; онѣ оканчиваются тамъ, гдѣ рѣчка Сѣтунь впадаетъ въ

скворѣцкою водою; или брали ее изъ колодцевъ, особенно на дальнихъ окраинахъ города, гдѣ находились на большихъ улицахъ колодцы съ журавцами.

(*) Она устроена была въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ, для празднопатавнихся женскаго пола, въ видѣ работнаго дома.

Москву-рѣку. Близъ Воробьевыхъ горъ находится лѣтній пріютъ питомцевъ Воспитательнаго дома (*).

Воробьевы горы прежде назывались царскимъ селомъ Воробьевымъ; въ немъ живаль лѣтомъ еще Іоаннъ III въ уютномъ сельскомъ домикѣ; туда же удалился во время большаго Московскаго пожара и внукъ его, Іоаннъ IV (Грозный); оттуда, съ содроганіемъ сердца, смотрѣлъ онъ на Москву залитую огнемъ, туда явились къ нему мудрые совѣтники: іерей Сильверстъ и Адашевъ, увѣщевая его раскаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и обратиться къ Москвѣ съ теплою любовію сердца. Воробьевы горы съ отлогими уступами своими изображаютъ амфитеатръ, стоящій предъ Москвою; на нихъ видны еще остатки берозовой рощи, насаженной, по преданію, Петромъ Великимъ, который также приказалъ выстроить тамъ для себя простой деревянный дворецъ. При Екатеринѣ II перенесенъ былъ туда сельскій дворецъ съ Ходынки, по окончаніи тамошнихъ празднествъ, по случаю Кудчукъ-Кайнарджскаго мира съ Турками; предъ этимъ дворцомъ находился *красный лугъ*, а около него разведенъ былъ садъ съ утрамбованными до-

(*) На Воробьевы горы можно переѣзжать и на лодкѣ, отъ Лужниковъ, близъ Новодѣвичьяго монастыря.— За Калужской заставой находится памятное въ исторіи *Тарутино*, на берегахъ Нары.

рожками, аллеями и проспектами. Тамъ находились въ прошедшемъ столѣтїи зеркальный и стеклянный заводы; теперь отъ всего этого не осталось и слѣда... Воробьевы горы посѣщались иностранными государями, въ томъ числѣ и послѣднимъ польскимъ королемъ, Станиславомъ Августомъ Попятовскимъ, который въ концѣ XVIII ст. (въ 1797 г.), былъ въ Москвѣ и, осматривая окрестности ея, ѣздилъ верхомъ на Воробьевы горы и, сидя на нихъ, любовался величественной панорамой столицы; оттуда взоръ охватываетъ ее на далекое пространство. Старинные владыки Москвы съ краснаго крыльца также часто любовались мѣстностію своего Воробьева села. Извѣстная Г-жа Лебрюнь, путешествуя по Россїи, неподвижно простояла на горахъ два часа, (пишетъ Карамзинъ въ своихъ запискахъ) смотря на Москву. Съ Воробьевыхъ горъ и Наполеонъ злобно смотрѣлъ на пылающую Москву. Воробьевы горы извѣстны также своими ягодными садами; тамъ охотно поселяются дачники.

Всѣ близь лежащія около горъ мѣстности по берегамъ Москвы-рѣки, съ своими деревеньками: *Давыдовымъ*, особенно *Волынскимъ*, прекрасны; есть мѣста, забытыя роскошью, за то природа къ нимъ благосклонна; они также служатъ убѣжи-

(*) Географ. Лексиконъ Полунина, изд. 1773 г.

щемъ отъ душевной городской жизни Московскимъ переселенцамъ. Москва-рѣка отдѣляетъ отъ горъ *Лужники* (заливные луга) съ небольшою церковью, во имя св. Троицы, на стѣнахъ которой, на одну сажень вышины отъ земли, находится надпись, что вода, при разливѣ Москвы-рѣки, иногда доходитъ до сего мѣста. Около церкви группируется нѣсколько домиковъ и около нихъ посятся огороды съ разною зеленью. Новодѣвичій монастырь, съ толпою церковныхъ зданій своихъ, увѣнчанныхъ золотыми крестами, съ вычурными башенками и съ высокой стройной колокольней, стоитъ будто у подножья горъ, въ своей каменной оградѣ, какъ въ бѣлой рамѣ. Съ горъ кажется монастырь какою-изящною рѣзною игрушкою

1812 года Декабря 25, *когда уже ни единого врага не осталось въ русской землѣ* (кромѣ плѣнныхъ), Александръ I-й издалъ въ Вильнѣ манифестъ, въ которомъ далъ обѣтъ воздвигнуть на Воробьевыхъ горахъ великолѣпный храмъ, во имя Христа Спасителя; этимъ хотѣлъ онъ ознаменовать важное событіе и возблагодарить Бога за спасеніе Россіи. Долго происходили къ тому приготовленія и представлялись проекты разныхъ художниковъ; изъ нихъ былъ выбранъ и одобренъ для исполненія планъ архитектора Витберга. 1817 г. Окт. 12 (день изгнанія непріятелей изъ Москвы) происходила

на Воробьевыхъ горахъ съ большимъ торжествомъ закладка храма. Витбергъ хотѣлъ воздвигнуть храмъ, который бы представлялъ не одну груду камней, хотя и въ изящной формѣ, а высокую идею, въ которой изображалась бы мысль, глубоко вложенная въ форму. Много истрачено было для этого подвига денегъ и трудовъ, но онъ не осуществился. Одни полагаютъ, что рыхлая, разсыпчатая почва земли не могла вынести тяжести такой громады, каковою долженъ быть храмъ въ нѣскольکو ярусовъ; другіе замѣчаютъ, что постройка его не осуществилась по недоброжелательству къ Витбергу конкурентовъ его и другихъ особъ. Карамзину тоже не совсѣмъ нравилось исполненіе этой постройки. «Кто будетъ ходить туда молиться», замѣтилъ онъ въ своихъ запискахъ о Москвѣ, представленнхъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; «храмъ отстоитъ далеко отъ города; онъ будетъ стоять въ уединеніи, кто отправится туда, особенно зимой, въ ненастную погоду, по снѣжнымъ сугробамъ».

Съ Воробьевыхъ горъ развозится извѣстный песокъ; иногда прикрываетъ онъ и грѣхи писанія.... Москва-рѣка, струящаяся подъ горами, теперь значительно обмелѣла; она не служитъ уже зеркаломъ для горъ: теперь чрезъ нее, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и птицы могутъ ходить пѣшкомъ.

По праздникамъ, лѣтомъ, многіе горожане лю-

бять отправляться гулять на *Воробьевку*; пустынная по буднямъ дорога, тянущаяся отъ *Новодѣвчьяго монастыря* извилинами, между огородами, въ *Лужникахъ*, въ праздники очень оживляется, иногда туда, къ такъ называемой *Агашиной будкѣ*, сходятся поселяне изъ разныхъ мѣстностей и водятъ веселые хороводы, оглашаемые приличною той мѣстности пѣснею:

По зеленымъ лужкамъ
Разливалася вода,
Ай люли, люли, люли—
Разливалася вода,
Разцвѣтали тамъ цвѣтки
Все лазоревыя и т. д.

Близъ переправы чрезъ *Москву-рѣку*, для дополненія удовольствій и разгула простонародія, появилось и *кабачаровское пристанище*, съ неизбѣжною падписью: *распивочно и на выносъ*; въ число этихъ выносовъ попадають и тѣ, которые сами не могутъ двигаться, потому что они съ избыткомъ почерпають вдохновительную влагу, содержимую въ стеклянныхъ переплетахъ. Къ несчастію, для нѣкоторыхъ она сдѣлалась новою стихіею.

По сю сторону *Москвы-рѣки*, ближе къ *Новодѣвичьему монастырю*, на концѣ *Дѣвичьяго поля*, до 20 годовъ находились дачи, и въ настояще время остатки ихъ замѣтны по большимъ садамъ, про-

стирающимся съ одной стороны до Хамовниковъ, а съ другой до Москворѣчья. Вспомнимъ, что въ 1610 г. Сент. 4-го, на Дѣвичьемъ полѣ собраны были московскіе вельможи и польскіе магнаты, часть русскаго войска, стрѣльцы и польскіе солдаты, для присяги королевичу Владиславу, избранному въ русскіе цари; тамъ стоялъ наложь съ крестомъ и Евангеліемъ, окруженный духовными сановниками. Въ концѣ прошедшаго столѣтія на этомъ полѣ фокусникъ Пинетти устроилъ амфитеатръ и показывалъ въ немъ свои чудныя метаморфозы, пускалъ шары съ иллюминаціею и пр. Тамъ былъ смотръ полковъ, заячьи садки, экипажныя и пѣшеходныя гулянья, лѣтомъ и зимой. Предъ отечественной войной французскій фокусникъ, *Жени Латуръ*, показывалъ тамъ опыты своей несгораемости; онъ входилъ въ раскаленную печь, въ которой жаръ простирался до 125 град. и преспокойно садился въ ней обѣдать. (Полагаютъ, что онъ былъ французскій шпіонъ) *Сѣверная почта, 1812 г.*

Въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы, за Дорогомиловской заставой, на шоссированной Смоленской дорогѣ находится *Поклонная гора*, (*) на которую,

(*) Почти всѣ древніе русскіе города на въѣздъ и выѣздъ изъ чужбины и къ чужбинѣ имѣютъ *Поклонныя горы* и *Красныя села*. На поклонныхъ горахъ встрѣчали дорогаго дальняго гостя и провожали его въ дальній путь-

приближаясь къ Москвѣ, выѣхалъ Наполеонъ; тамъ, какъ будто изъ подъ распахнутаго занавѣса, открылась предъ нимъ чудная панорама столицы: неоглядная масса зданій, среди зыбной зелени садовъ. Пораженный этимъ зрѣлищемъ, Наполеонъ пріостановился, долго разсматривалъ Москву въ зрительную трубку—и самодовольно улыбнулся. Въ верстѣ отъ Москвы, за этой же заставой, на покатиستمъ холмѣ, въ виду Воробьевыхъ горъ, противъ монастыря, скромно пробирается рѣчка *Сьтуль*; выходя изъ Троицкой деревни, она сливается съ Москвой-рѣчкой, недалеко отъ кургана (заключающаго въ себѣ могилы падшихъ воиновъ), памятника многихъ битвъ москвитянъ съ врагами. На эту рѣчку, (по преданію,) приходили осиротѣвшіе *сѣтовать* о потерѣ своихъ родичей.

Теперь остановимъ наше вниманіе тоже на замѣчательномъ въ историческомъ отношеніи селѣ *Троицкомъ-Голенищевѣ*. Туда любилъ удаляться отъ

дорожку; на нихъ выражажась радость и печаль. Всѣ эти горы и села были и есть въ Москвѣ и подъ Москвою, подъ Владиміромъ на Клязьмѣ, подъ Юрьевымъ Польскимъ, подъ Пронскомъ, подъ Михайловымъ и т. подобными городами, отмѣченными печатью славяно-русскою. На московскую Поклонную гору, въ 1812 г., Растопчинъ созывалъ народъ пускать шаръ, изъ котораго хотѣлъ онъ поражать приближавшихся непріятелей.

шумной городской жизни св. Митрополитъ Киприанъ, (родомъ сербъ) какъ въ мѣсто *неплещно* и *безмятежно*. Туда пріѣзжалъ къ нему бесѣдовать и за благословеніемъ, В. Кн. Василій Дмитриевичъ (сынъ Дим. Донскаго, въ концѣ XIV ст.). Лѣтній пріютъ Митрополита былъ окруженъ густымъ лѣсомъ; сидя на стеклянномъ крыльцѣ, въ виду Воробьевыхъ горъ, любилъ смотрѣть онъ на закатъ солнца въ благоговѣйномъ размышленіи. Вотъ наступила тогда еще черная година для Россіи: въ лѣтописяхъ сказано, что въ то время *творились знаменія великія, какъ при злобномъ Батыѣ, на небѣ выступало солнце кровавое, бысть бури великія и вѣтры многіе, а у Спаса Нерукотвореннаго, предъ святымъ ликомъ Ею, сама свѣща загорѣлася*. И вотъ, въ то время появился на востокъ новый, самый страшный бичъ для Россіи: свирѣпый *Тимуръ-Аксакъ*. (*) Какъ молніей сокрушилъ онъ войска хана Тохтамыша, благодѣтеля князя Василя, и съ безчисленными, разноязычными полчищами, чрезъ навалку труповъ, двинулся къ берегамъ Волги. Въ лѣтописяхъ сказано, что желѣзо его притупилось о кости человѣческія, мечи заржавѣли отъ крови...

Не останавливали его ни пучины морскія, ни

(*) *Аксакъ* знач. Хромой, Тимуръ-хромецъ, онъ же Тамерланъ.

степи безводныя, ни зной палящій; по многимъ градамъ и весямъ русскимъ разлилось огненное море; изъ Коломны видно уже было широкое зарево пожаровъ, рязанцы, въ сильномъ страхѣ, толпами бѣжали въ Москву просить, молить о защитѣ В. Князя. Они объявили ему, что грозный Тимуръ раскинулъ уже огромный станъ свой по берегамъ Сосны и Двины, а передовой отрядъ его беретъ роздыхъ на пепелищѣ Ельца. Ужаснулся и Кн. Василій; человѣческая помощь была бессильна противъ подобнаго, страшнаго, неумолимаго врага; и вотъ князь отправился за совѣтомъ въ Троицкое-Голенищево къ Митрополиту, какъ нѣкогда отецъ его прибѣгалъ къ преп. Сергію — и св. мужъ успокоилъ его надеждою на помощь заступницы богохранимой Москвы. (*) Такъ и совершилось. Между тѣмъ, какъ князь собиралъ войско, 26 Авг. на *Кучковомъ полѣ*, гдѣ нынѣ Срѣтенскій монастырь, съ плачемъ и рыданіемъ,

(*) Москва искони называлась домою Пресв. Богородицы, какъ нѣкогда Новгородъ домою св. Софій.—Когда Наполеонъ перешолъ чрезъ русскую границу, Митроп. Платонъ прислалъ въ наше войско икону, съ изображеніемъ св. Сергія, который благословлялъ Донскаго на битву съ татарами. Во все время отечественной войны, эта икона, вмѣстѣ съ иконою Смоленской Б. М., находилась постоянно при арміи Кутузова.

повергаясь ницъ, встрѣчали Москвитяне икону Владимірской Б. М., и въ тотъ же день Тимуръ, какъ значится въ историческомъ преданіи, убоясь знаменія небеснаго, *бѣжалъ, никѣмъ же гонимъ*, изъ предѣловъ Россіи.

ГЛАВА V.

Фили, Мазилово и Кунцево.

За заставами Трехгорною и Прѣсенскою, на берегу Москвы-рѣки, находится еще дачная деревня Шелепиха съ фабриками и *Фили* (Нарышкиныхъ) съ незатѣйливыми дачами. Село *Покровское*, что на Филяхъ, отдѣлено отъ деревни; оно расположено по ту сторону рѣки, близъ Кунцева, на большой смоленской дорогѣ. (*) Село Покровское замѣчательно своею древнею двухъярусною церковью (теперь все въ ней поновлено, кромѣ фасада). У этой церкви живописныя окна и надписи большею частію на нѣмецкомъ языкѣ; образа въ ея иконостасѣ фряжскаго письма, въ ризницѣ церкви хранится Евангеліе, печатанное въ Москвѣ, въ 1689 г. Петръ I ѣ посѣщалъ эту цер-

(*) Въ настоящее время по смоленской желѣзной дорогѣ можно найти много хорошихъ дачъ, вдали ось города, напр. *Юдино* и *Галицыно*, и въ другихъ мѣстностяхъ.

ковъ и пѣлъ на ея клиросѣ; царское мѣсто устроено тамъ на западной сторонѣ. Въ 1812 г. непріятели похозяйничали тамъ по своему: нижній этажъ церкви они обратили въ конюшню, а верхній въ швальню.

Еще не отгремѣла Бородинская битва, непріятели были еще далеко, они не вторгнулись еще въ Смоленскъ (въ ворота Москвы, какъ говорили тогда). Наканунѣ 12 іюля въ столицѣ ожидали прибытія Государя. Народныя толпы двинулись за Дорогомилловскую заставу встрѣчать своего дорогого гостя; народъ расположился на Поклонной горѣ, въ ожиданіи прибытія его, около бывшей тамъ дубовой роши. Начинало уже смеркаться, а Государь все еще не ѣхалъ; наконецъ отъ проѣзжавшихъ по той дорогѣ узнали, что онъ остановился отдыхать въ селѣ Перхушковѣ, и прибудетъ въ Москву на другой день утромъ; опечаленный этимъ извѣстіемъ народъ сталъ расходиться.

Наступила ночь, но крестьяне деревни Филей и села Покровскаго (въ 3-хъ верстахъ отъ заставы) не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не увидятъ Государя. вмѣстѣ съ тѣмъ, желая встрѣгить его, по коренному русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью, они отправили въ с. *Перхушиково* конныхъ гонцевъ, узнать, когда онъ отправится въ

путь. Гонцы, исполнивъ свое дѣло, быстро прискакали назадъ и увѣдомили поселянъ, что Государь уже ѣдетъ. По обычной своей скромности, онъ хотѣлъ уклониться отъ торжественной встрѣчи москвитянъ и въѣхать въ Кремль, не бывъ ни-къмъ видимымъ.

Въ самую полночь Государь прибылъ на Поклонную гору; священникъ села Покровскаго (Григорій Гавриловъ) ожидалъ уже его тамъ въ полномъ облаченіи; держа на серебряномъ блюдѣ крестъ, а маститый старецъ, дьяконъ, стоялъ съ горящею свѣчой, трепетный блескъ которой, въ темную, безлунную ночь, озарялъ благоговѣйную картину. Государь ѣхалъ шибко, въ открытой коляскѣ, но увидѣвъ священную встрѣчу, приказалъ остановиться, и, вышедъ изъ экипажа, съ глубокимъ вздохомъ приложился къ Распятію. . . . Понятно, что волновало его душу; какой величественный сюжетъ представляется для поэта и для художника!

На Филяхъ любилъ гулять Ив. Ив. Дмитріевъ; онъ воспѣлъ ихъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ: *Завѣщаніе*, въ которомъ проситъ похоронить его на филевскомъ кладбищѣ слѣдующими стихами:

*И въ кучь тѣль простонародныхъ
Пуускаи истлѣетъ мои составъ.*

Мѣстность тамошняя живописна; на Филлахъ можно найти спокойную и здоровую дачную жизнь, тамъ есть лѣсъ, чистый воздухъ и проточная вода; но развлеченій нѣтъ, потому и дачниковъ тамъ немного. Дорога на Фили идетъ чрезъ Дорогомиловской (нынѣ Бородинскій) мостъ; направо отъ Москвы на этой дорогѣ находится Дорогомиловское кладбище, на которомъ, въ 1812 г., похоронено много русскихъ воиновъ, раненыхъ на бородинскомъ сраженіи. Вслѣдствіи этого, 26 авг. ежегодно тамъ бываетъ поминовеніе объ нихъ. Въ верстѣ отъ Филей, по большой Можайской дорогѣ, находился домикъ, обнесенный небольшимъ рвомъ (онъ недавно сгорѣлъ) принадлежавшій крестьянину Фролову, гдѣ послѣ военнаго совѣта, собравшихся въ немъ русскихъ генераловъ, рѣшилась сдача Москвы непріятелямъ; тамъ находилась и книга, въ которую, посѣщавшіе этотъ домикъ, особы, вписывали свои имена и висѣли портреты генераловъ.

За 6 верстъ, по большой Смоленской дорогѣ, (нѣсколько вправо отъ нея) стоитъ на прицорѣ солнца невзрачная дачная деревенька *Мазилово*; она находится почти о бокъ съ *Кунцевымъ*, (*) въ

(*) Въ настоящее время около Кунцева выстроено нѣсколько новыхъ дачъ, близъ полустанка, (который находится за Кунцевымъ около двухъ верстъ) на Смоленско-Брестской дорогѣ.

которомъ людямъ, съ небольшими средствами къ жизни, дорого нанять дачу. Село Кунцево Царь Алексей Мих. подарилъ тестю своему, Кириллѣ Полуехтовичу Нарышкину, вмѣстѣ съ Петровскимъ-Разумовскимъ. Долго Кунцево принадлежало фамиліи Нарышкинымъ, которые гостепріимно пускали въ него всѣхъ, для прогулки по саду и рощамъ. Теперь эта лучшая мѣстность въ окрестностяхъ Москвы перешла во владѣніе нѣсколькихъ хозяевъ и входъ въ нѣкоторыя части тамошняго сада эгоистически возбраненъ.

Лѣтняя жизнь въ Кунцевѣ очаровательно-прекрасна; оно расположено на горной вершинѣ и потому воздухъ тамъ чистъ и прозраченъ; онъ напоенъ свѣжестью зелени и ароматами разныхъ цвѣтовъ, растущихъ тамъ въ изобиліи; вдали отъ пыльной настойки, каждая травка, каждый листокъ, тѣ же благовонныя кадила въ миниатюрѣ. Внизу, при подошвѣ этого селенія, свободно катить свои волны Москва-рѣка, удаленная отъ фабричныхъ спекуляцій. Виды съ Кунцовскихъ вершинъ разнообразны: тамъ найдете вы и мрачныя и улыбающіяся мѣстности. Тамъ найдете вы природныя глубокіе овраги, въ родѣ пропастей, надѣ которыхъ растутъ искривленные деревья; черезъ эти овраги перекинуты мостики. Трудно сойти, лучше сказать: сползти на дно этихъ овра-

говъ. (*) Въ Кунцевѣ находится одно замѣчательное мѣсто, называемое *проклятымъ*; на немъ высятся курганы, на которыхъ стоятъ какіе-то каменные болваны; полагають, что встарину тамъ было татарское, вѣроятно языческое кладбище; отовсюду озирають вась 'угрюмыя, щетинныя деревья; тамъ вѣетъ какою-то мертвенностію, пустотой, окаменѣвшею природой. Какія чувства могутъ возбудиться въ душѣ человѣка при взглядѣ на эту мрачную картину въ лунную ночь!...

Кунцево неоднократно было описано и изящною прозой, и вдохновенными стихами, и живописною кистию художниковъ.

Въ 1817 г. Прусской король, прибывъ въ Москову къ открытію памятника Минину и Пожарскому, въ лѣтнее время жилъ въ Кунцевѣ; тамъ устроенъ былъ для него театръ. Въ Кунцевѣ, въ 20-хъ годахъ, слѣпецъ поэтъ Козловъ, въ элегическомъ настроеніи духа, писалъ свои грустныя, безотрадныя стихотворенія. (**)

(*) Нѣчто подобное можно видѣть въ Александринскомъ, (бывшемъ Пескучномъ саду.)

(**) Кто не помнитъ изъ старожиловъ его *Чернца*:

*За Кіевою, гдѣ Днѣпръ широкою
Мелезъ дикихъ скалъ кишитъ, шумитъ,
У роици, на горѣ высокою,
Обитель иноковъ стоитъ. и т. д.*

ГЛАВА VI.

Дальнія дачи за Мюозской заставой.

Село Савинское.

Въ числѣ московскихъ окрестностей есть много мѣстъ, ознаменованныхъ разными историческими событіями, вписанными въ исторію; но существуютъ и такія, которыя замѣчательны изъустными преданіями, похожими на поэтическія легенды; они заимствованы отъ нашихъ предковъ изъ рода въ родъ. Не заглядывая вглубь старины, замѣтимъ, что есть еще и живые свидѣтели, старожилы, съ умиленіемъ воспоминающіе о житье бытѣ дѣдовскихъ временъ, о пышной, широкой жизни русскихъ баръ, или о простотѣ ихъ быта, о радушіи и гостепріимствѣ ихъ. Къ таковымъ принадлежалъ владѣтель села Савинскаго, бояринъ Лопухинъ, который, по преданію, заплатилъ за село Савинское тысячу рублей (ассигнаціями) и все серебряными копѣечками. (*)

Это подмосковное селеніе находится также на проселочной дорогѣ, ведущей изъ Москвы въ г. Дмитровъ, въ 40 верстахъ отъ столицы, не доѣзжая до города десяти верствъ. Въ прежнія времена по

(*) См. стар. Путеводитель по Москвѣ, изд. 1792 г.

сѣтителі Савинскаго вѣзжали въ дремучій сосновый боръ, (нынѣ почти уничтоженный; мы представляемъ эту мѣстность во второй половинѣ прошедшаго столѣтія), посреди котораго вилась тряская дорога. За стѣною этого темнаго, креповаго лѣса, вдругъ представлялась миловидная картина сада, не наряженаго въ липовыя кудри и шпалеры акаціи, но украшеннаго болѣе самую природою, представляющемъ живописную мѣстность. Барскій домъ въ Савинскомъ прежде былъ также незатѣйливой, но самой простой деревенской архитектуры, безъ колоннадъ и фронтисписовъ. Это просто были невысокія барскія хоромы, широкая брусная изба, раздѣленная по старинному вкусу на двѣ половины, къ которымъ вело крыльцо съ навѣсомъ о трехъ ступеняхъ; по обѣ стороны хоромъ не совсѣмъ симметрически расположены были службы: конюшни, сарай, птичные и скотные дворы съ соломенными крышами, а самыя хоромы съ черепичною. Внутри барскаго помѣщенія также все было упрощено: тяжелая дубовая мебель, широкіе, желтые диваны и стулья домашней работы. Тогда еще не мѣняли вѣковое на часовое.

Предъ домомъ разстилалась муравчатая лужайка, илжк минованная алыми гвоздичками, какъ огоньками, а за нимъ виднѣлось тогда мутное, непроходимое болото, кишашее разными пресмыкающи-

мися. Но что до этого за дѣло — вѣдь говорится: изба красна не углами. Посѣтители хлѣбосольнаго хозяина Савинскаго были сыты—пересыты, какъ вообще велось и говорилось встарину: «до икоты, до перхоты,» послѣ чего, по тогдашнему обыкновению, часто отдыхали въ саду, подъ раскидистой яблоней или просто на благоуханномъ сѣнникѣ.

По сосѣдству съ Савинскомъ проживалъ въ лѣтнее время извѣстный своимъ умомъ и свѣдѣніями въ хозяйствѣ, Генераль-Фельдмаршалъ Брюсъ. Онъ былъ друженъ съ владѣльцемъ Савинскаго и прихаживалъ къ нему пѣшкомъ; садясь запросто въ саду на дубовый пенъ, и любуясь окрестною мѣстностію, онъ говаривалъ хозяину: «хорошо, братъ Владиміръ, отрадно у тебя здѣсь; но я бы развелъ садъ и на болотѣ твоёмъ.» Сынъ боярина Лопухина, сенаторъ, Иванъ Владиміровичъ, въ молодыхъ лѣтахъ своихъ слышалъ эти слова отъ девяностолѣтняго родителя своего, они глубоко запали въ его память и когда онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ Савинскаго, тогда привелъ въ исполненіе совѣтъ Брюса: въ Савинскомъ быстро все преобразилось, явилась лучшая, новая декорація.

Въ топографическомъ отношеніи замѣтимъ, что Савинское и теперь не окружено ни рвами, ни оградю; съ двухъ сторонъ обтекаетъ его глубокая рѣка и крутымъ поворотомъ образуетъ полуост-

ровъ, который широкимъ, искусственнымъ рукавомъ отдѣляетъ его отъ материка. Къ главному протоку изъ рѣки проведено нѣсколько каналовъ, въ разныхъ направленіяхъ; садъ Савинской представляетъ собой миниатюрный архипелагъ: тамъ воды разбѣгаются небольшими ручейками, которые рѣзвятся какъ маленькія дѣти — и теряются въ букетныхъ рощицахъ за холмами, потомъ, сверкая серебряною питью, появляются на лужайкахъ, освѣжая ихъ своими разсыпчатыми брызгами, какъ водяною пылью и образуютъ нѣсколько красивыхъ островковъ.

Нѣкоторые посѣтители Савинскаго, мало знакомые съ тою мѣстностію, гуляя по какой-нибудь тропинкѣ сада, вдругъ, неожиданно, встрѣчали воду, преграждавшую имъ путь; они поворачивали въ сторону по извивающейся дорожкѣ — и опять приходили къ водѣ, тщетно отыскивая выходъ изъ водянаго лабиринта. За то находили они себѣ въ этихъ извилинахъ сюрпризы: какую-нибудь укромную хижинку, занавѣшенную древесными вѣтвями или бесѣдку въ видѣ избы, обвитую ползучими рястеніями, для отдохновенія. На рыбацьемъ островкѣ находилось нѣсколько шалашей, обложенныхъ берестою; въ нихъ, для желающихъ, приготовлены были сѣти и уды для ловли рыбы. Взойдя на пригорокъ, видна была рѣка, а на самой

горѣ возвышалась деревенька и суконная фабрика. Направо представлялся зеленый курганъ а на немъ лежала мраморная плита съ надписью, что здѣсь нѣкогда стояла церковь, около которой, обросшіе мохомъ надгробные камни, являли сельское кладбище. Отсюда-же представлялась березовая рощица, украшенная бюстами Сократа, Декарта, Лейбница и Канта.

Подъемный мостъ, висящій на цѣпяхъ, подводилъ къ руинамъ рыцарскаго замка; въ пощаженныхъ временемъ воротахъ одной башни его, изображался ликъ Спасителя изъ паросскаго мрамора; за замкомъ устроенъ былъ плотикъ, чрезъ который переправлялись на *Юнговъ островъ*, къ памятнику Фенелона, описаннаго Жуковскимъ: «Лучшее мѣсто въ саду Савинскаго есть Юнговъ островъ, писалъ онъ, на которомъ находится урна, посвященная Фенелону; на одной сторонѣ ея изображена Г-жа Гюйень, другъ Фенелона, а на другой Ж. Ж. Руссо, стоящій въ глубокомъ раздумьѣ предъ бюстомъ Камбрейскаго Архіепископа. (*) «Замѣтимъ, что художникъ, изобразившій этотъ памятникъ, выбралъ ту самую минугу, когда Женевскій философъ воскликнулъ: «почему я не слуга Фенелона, чтобъ удостоиться быть его камердинеромъ!»

(*) См. Вѣстникъ Европы 1809 г., № 4.

Еще въ прошедшемъ столѣтїи люди средняго состоянїя, не имѣвшіе своихъ помѣстій и средствъ нанимать дорогія дачи, выѣзжали лѣтомъ въ разныя деревушки и жили тамъ неприхотливо. Такъ и въ Савинскомъ, по тѣснотѣ крестьянскихъ избъ, благодумствовали нѣкоторые дачники въ сараяхъ изъ наскоро сколоченныхъ досокъ или въ продувныхъ плетенникахъ.

ГЛАВА VII.

Дачи за Крестовской заставой, по боковой сторонѣ Троицкой дороги.

Марьиная деревня и Марьиная роща.

Почти вся Троицкая дорога отъ Москвы до самой Лавры съ боковыми дорогами своими изобилуетъ дачами; одна изъ самыхъ старинныхъ дачъ была за Переяславской слободой, нынѣ 1-я Мѣщанская улица. Она принадлежала Г. Пашкову, остатки ея у самой заставы видны и теперь (развалины каменныхъ палатъ и оранжерей); далѣе начинался сплошной Алексѣевской лѣсъ, направо сливаясь съ сокольниками, а палѣво съ Марьиной рощей, подлѣ которой находится Марьиная деревушка, принадлежавшая, какъ и самая роща, Кн.

Черкасскому, потомъ Графу Шереметеву. (*) Встарину Марыина деревня переполнена была дачниками, по причинѣ близости ея къ городу и по со-сѣдству съ густой, обширной рощей, гдѣ можно было набрать грибовъ и ягодъ. Въ этой деревнѣ жили также непритомливо: и въ курныхъ избахъ и въ свѣтлицахъ, и въ чуланахъ. Тогда хибарки Марыинскія окружены были душистыми бѣлоствольными берзами и кудрявыми палисадниками, находившимися у каждой избы. Въ настоящее время она стоитъ обнаженная, на солнцепекѣ; кое-гдѣ около нея высятся тощія березки, рябинникъ и запыленныя акаціи, а сзади пролегаетъ Николаевская желѣзная дорога, оглашаемая пронзительными свистками и пыхтѣньемъ огнедышащихъ паровозовъ. Мелкіе дачники живутъ тамъ и теперь, а нѣкоторые даже и зимою. Марыина деревня давно уже вошла въ районъ Москвы; (**) чрезъ

(*) Въ прадѣдовскія времена вся эта мѣстность была также въ числѣ царскихъ отчинъ; тамъ отведено было лютеранамъ кладбище; надгробные памятники на тамошнихъ могилахъ существуютъ и донинѣ. Между схороненными тамъ иностранцами находится могила пастора Глюкъ, воспитателя Екатерины I. По преданію, домъ его находился на Маросейкѣ.

(**) Отъ Марыиной деревни и роща получила свое названіе.

нее къ заставѣ идетъ дорога извилинами и косогами. Удобно ли тамъ жить и сообщаться съ городомъ—это дѣло тѣхъ, кто пріютился въ ней.

О бокъ съ Марьиной деревней находится Марьяна роща; въ старинныя времена она была очень густа, мѣстами даже непроходима; по преданію, въ ней водились дикіе звѣри и недобрые люди; при царяхъ, особенно при Алексѣѣ Михайловичѣ, она оглашалась звуками охотничьихъ роговъ и тьяканьемъ гончихъ собакъ. Во время, такъ называемыхъ, *Троицкихъ походовъ* царей на богомолье, къ преп. Сергію, въ Марьиной рощѣ было первое становище; тамъ тщательно расчищались мѣста для ставки шатровъ, въ которыхъ цари со всею многочисленною свитою, отрядомъ стрѣльцовъ и обозомъ, отдыхали. Когда свирѣпствовала въ Москвѣ моровая язва (въ началѣ 70-хъ годовъ прошедшаго столѣтія), въ оконечности рощи, ближе къ Бутыркамъ, отведено было кладбище для умершихъ чумою (*). Еще прежде этаго, въ 1749 г.,

(*) Во время моровой язвы воспрещено было хоронить покойниковъ въ Москвѣ, и потому кладбище, бывшее на Божедомкѣ (Божій домокъ), переведено было въ Марьину рощу, къ церкви св. Лазаря, гдѣ буйвище было просторнѣе. Туда же свозили замерзшихъ, находимыхъ въ захолустьяхъ Москвы. Въ 1783 г. тамъ выстроена была каменная церковь.

по именному повелѣнію Имп. Елизаветы, иждивеніемъ Луки Долгова, въ этой роцѣ выстроена была деревянная церковь, во имя Сошествія св. Духа, съ придѣлами Лазарева Воскресенія и Евангелиста Луки. Въ 1812 г. непріатели въ Марьиной роцѣ устроили себѣ биваки, подѣлали шалаши и цѣлые бараки изъ сколоченныхъ досокъ и большихъ иконъ, ограбленныхъ церквей. По изгнаніи же непріателей изъ Москвы, въ роцѣ свозили трупы людей, лошадей и другихъ животныхъ и сожигали ихъ тамъ на огромныхъ кострахъ.

При устроеніи нынѣшняго кладбища въ Марьиной роцѣ, въ Троицкую субботу и во всю седмичную недѣлю, также по праздничнымъ днямъ, сходились туда на *жальники*, (т. е. на могилы) родичи покойниковъ, и съ плачемъ, съ воплемъ, и съ разнымъ причитаньемъ восклицали унылыми голосами: *ноютъ ваши косточки во сырой земль*. Потомъ обметали могилки, что называлось *прочищать глаза покойникамъ* и чинили имъ поминанія, состоявшія въ томъ, что обдѣляли нищую братію полушкой, пили вино, ѣли блины, кутью, христо-воскресныя яйца; иные пили чай на могильныхъ плитахъ. Оставшаяся тамъ яичная скорлупа и битыя сткляницы свидѣтельствовали объ этихъ поминкахъ (*).

(*) Въ Стоглавѣ порицаются вообще нѣкоторые старин-

бища въ Маріиную рощу, были ямники, гдѣ нынѣ Екатерининскій институтъ на Вожедомкѣ, гдѣ церковь Іоанна Воина.

Для характеристики тогдашняго времени и годовокружнаго гулянья въ Марьиной рощѣ, представимъ, какъ въ туманной діорамѣ, эту картину во всѣхъ широкихъ рамахъ ея.

Тамъ нѣкогда гулянье было ежедневное, но въ праздники, особенно въ Семикѣ, когда Марьяна роща была *именинница*, тамъ происходилъ самый широкій разгулъ: съ ранняго утра предки наши приходили и пріѣзжали на кладбище, гдѣ, недалеко отъ церкви, находился глубокій ямникъ, наполненный трупами людей умершихъ *напрасно*, т. е. насильственной смертію. Они отыскивали тамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и дѣлали имъ честное погребеніе (*). Между тѣмъ плачь и вой ихъ заглушался звуками плясовыхъ и закатистыхъ пѣ-

ные обряды «послѣ поминокъ», сказано тамъ, «играютъ въ бѣсовскія игры, скачутъ, пляшутъ и въ ладони бьютъ, и сатанинскія пѣсни поютъ; особенно въ русальные и Ивановы дни сходятся на ночное плещеваніе и на всякія Богомерзскія дѣла, святыми отцы отреченныя».

(*) Нѣкоторыя трупы лежали въ ямникѣ всю зиму, почему и сложена была пѣсня: «Тамъ ночь велика, спи до семика.» Этотъ день назывался *Праздникомъ мертвыхъ и Зеленыя Святки*.

сень, раздававшихся съ ранняго утра въ рощѣ, гдѣ начиналось уже семичное гулянье. Народъ валомъ валилъ на тюльпу (*). Гдѣ теперь остатки орѣшника и просѣкъ, ведущій къ Останкину, находился трактиръ-Гербергъ, а недалеко отъ него, по направленіи къ Бутырской рощѣ, другой; кромѣ этихъ двухъ, самый людной и обширный трактиръ, Заикина, стоялъ по сосѣдству съ кладбищемъ; около этихъ гостепріимныхъ заведеній находились садики съ разставленными въ нихъ столиками и съ бесѣдками (**).

Чего, чего тамъ бывало не посмотрятъ и не наслушаются гуляки: кто азартно бранился, кто мирился и цѣловался. Въ пролѣскахъ развивалась полная картина семика; изъ ближнихъ и дальнихъ деревень, изъ всѣхъ пригородьевъ Москвы сходились туда поселяне обоего пола съ березками, на которыхъ развѣвались алые платки и ленты; тамъ перевивались цвѣтистые хороводы, оглашаемые пѣснями; фабричные парни, тоже съ пѣснями, веселились въ своемъ кружкѣ; кромѣ ихъ жаживали туда слѣпыя пѣсельники изъ Екатерининской богадѣльни, что въ Преображенскомъ;

(*) Такъ называлось встарину семичное гулянье.

(**) Онъ существуетъ и до нынѣ, какъ ональный, тихій и безмолвный, съ закрытыми ставнями.

у нихъ былъ кривой вожатый, (у двадцати чело-
вѣкъ одинъ глазъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли широкіе бѣлые
шатры, называемые колоколами, съ полоскавшимися
въ воздухѣ флагами; они содержали подъ своими
завѣсами огромные деревянные чаны съ виномъ,
ихъ называли *дубовые штофы*; на стѣнкахъ ихъ, на
крючкахъ, висѣли мѣрные кружки, отчего и кабаки
именовались *кружалами*; по этому встарину и го-
ворили: «выпить кружокъ винца.» Кругомъ этихъ
шатровъ кишилъ народъ; тамъ всякій занимался
своею любимою потѣхою: кто игралъ въ орлянку,
кто въ чехарду, кто тѣснился смотрѣть на богатыр-
ской кулачный бой, кто на фокусниковъ-морочилъ,
кто тѣшился островами паяцовъ или пискотнею ку-
колъ въ балаганахъ, кто вертѣлся на колыхалкахъ
(на качеляхъ) и, важно подпершись, на каруселяхъ.

Оттуда также раздавалась пѣснь:

Въ роцѣ Марьиной гулянье,

Въ тотъ же день былъ и Семикъ.

Въ этотъ день особенно распотѣшивался народъ
въ былые времена. Тамъ былъ хаосъ ухорѣзныхъ
звуковъ: дребезжанье барабановъ, сильный звукъ
бубень и свирѣстелогъ, флейтъ, хриплыхъ клар-
нетовъ, цимбаловъ, дуды-загуды и пр. (Дуда была
самый старинный и любимый русскими инстру-
ментъ, тогда говорили: «безъ дудочки, безъ дуды»

ходятъ ноги не туды.) Кто одиночкой пѣлъ и плясалъ *поду сухую* съ подходцемъ, въ подсядку и въ присядку, даже бабы оттопывали свою импровизированную пляску, съ визгливымъ восклицаніемъ: «эхъ, кабы бабѣ сапоги, ударила-бы въ три ноги!».. Кто на щипокъ хватывалъ струнки на балалайкѣ, да такъ, что если одна струна запоетъ, другая ей отвѣтъ даетъ, а кто пилилъ и на скрипицѣ плясовую.

Въ числѣ народныхъ потѣхъ тамъ находились деревянныя горы, съ которыхъ скатывались на тележкахъ. «Любо, гуляй, въ лѣсу и въ полѣ—двѣ воли, мы за море за весельемъ не ѣдимъ, свое дома найдемъ,» говорили тогда гуляки. Для довершенія тамошняго разгула и эквилибристы выдѣлывали свои штуки и представлялись живыми, подвижныя картины въ циркѣ, напримѣръ: Ярко нарумяненная Діана, облаченная въ прозрачный фантастическій костюмъ, со всею свитою своей торжественно входила въ храмъ подъ музыку и тому подобныя потѣшныя явленія. Тамъ показывали какое-то морское чудище въ рыбьей чешуѣ и моржа въ бочкѣ и обезьяну съ шиньеномъ на головѣ. А сколько соблазна для чревоугодія тамъ было: гречники-черепеники, маковая избойна, груды золоченыхъ пряниковъ, навалка казачей: «московскіе казачи ѣдятъ и богачи!» восклицали юмористы тор-

говцы, «только давай деньги, и ѣшь даромъ.» Тамъ наклады были и яблоки пирамидами и вареная груша и орѣхи щелканцы. Кто пилъ бузу (игристый напитокъ изъ гречневой муки, въ родѣ кислыхъ щей) или сладкій липецъ-медокъ (про который говорили: «нашъ медъ течетъ золотомъ, а въ голову бьетъ молотомъ»), кто сбитень, кто струистое бархатное пиво, брюходуй, а кто и простой квасокъ сыровецъ; (самый жидкій квасъ назывался полосканецъ). Тамъ въ этотъ день было нѣчто въ родѣ ярмарки, тамъ по тропинкамъ, на разостланныхъ рогожахъ, продавались дѣтскія игрушки, зеркальцы, пукетовыя ленты, гребенки подковой, съ подвѣсочкомъ серьги, витыя колечки, костяные рожки, для угощенья носа табакомъ «мыльце для рыльца», цвѣтныя кушаки и тисненныя рукавицы, лубочныя картины, иллюминированныя, лучше сказать: размазанныя вохрою и сурикомъ. (*)

(*) Годъ отъ году исчезаютъ слѣды нашей доброй старины; рѣдко, развѣ гдѣ нибудь въ захоlustьѣ, въ деревенской избѣ, можно найти, впрочемъ не полное собраніе лубочныхъ картинъ, а прежде, (въ XVII в.) ими, по свидѣтельству Патріарха Іоакима, украшались не только крестьянскія избы, кѣлти и сѣни, но и барскія хоромы, даже царскіе терема, что значится въ актахъ археографической экспедиціи; этимъ картинамъ были отведены почетныя мѣста близъ иконъ; они писались *на лубъ*, потому что бумага въ то

А какая дешевизна была во всемъ!

Толпища народа двигались на галлерейхъ трактировъ, особенно около буфетовъ; тамъ ожесточенно раздавалась своя сборная музыка; въ то время тамъ были извѣстны: торбанистъ Губкинъ и

время была дорога; раскрашиваемиъ, лучше сказать, размазываемиъ ихъ занимались и въ самой Москвѣ и въ подмосковныхъ селеніяхъ. Тогда коней красили зеленою краскою, деревья сандалною, одежду сурикомъ, а домъ синимъ сандаломъ. Они раздѣлялись во 1-хъ на *религіозно-нравственныя*: напр.: Страшный судъ, Борьба ангеловъ съ духами злобы, Дѣйствицы св. Іоанна, одна возводящая къ небу а другая въ адъ, изображеніе семи смертныхъ грѣховъ и во 2-хъ на *церковно-историческія* (библейскія); Иосифъ, проданный братьями, Изгнаніе Адама и Евы изъ рая, Избіеніе младенцевъ въ Внеліемѣ Продомъ, Притча о блудномъ сынѣ, Видѣнія изъ Апокалипсиса и т. д. Еще существовали картины *сатирическо-поучительныя*: пьяница, утащенный изъ кружала дьяволомъ, Изображеніе богача, утопающаго въ роскоши, и за нимъ стоящая смерть съ косою, Быкъ, сдѣлавшійся мяспикомъ, мужикъ судьбою, осель погоищникомъ, ученикъ, сѣкущій своего мастера, дѣти пеленають старика, свинья лежащая на розахъ, Веселое гулянье кота съ кошкою на шестеркѣ мышей, запряженныхъ въ колесницу, мыши, погребаяющія кота, и пр. пр.

Что касается до лубочныхъ сказокъ, то они всегда составляли забаву для дѣтей вмѣстѣ съ напѣвами колыбельныхъ пѣсень.

плясунъ Парамонъ; у нѣкоторыхъ маститыхъ старожилловъ, быть можетъ, осталась въ памяти пѣснь про нихъ:

Игралъ Губкинъ на гитарѣ,

Парамонъ пошелъ плясать.

Губкинъ игралъ съ присвистомъ и съ прищелкиваньемъ, а Парамонъ, бравурно вскинувъ шапку на голову, такъ отчеканивалъ и дробилъ ногами, что про него говорили: «Парамонъ и лежа умѣетъ плясать, ногами вензеля писать.»

Въ другомъ трактирѣ появлялись фаланги цыганъ обоего пола; тогда они были гораздо поэтичнѣе нынѣшнихъ, тогда мушоны ходили не въ кургузыхъ обтянутыхъ пальто, а въ кафтанахъ съ перехватами и въ широкихъ шальварахъ, а жены ихъ не въ шелковыхъ платьяхъ, яркихъ цвѣтовъ, а въ плахтахъ (родъ епанчи) часто въ полинялыхъ лохмотьяхъ, съ корычневыми, загорѣлыми лицами, въ алыхъ, также полинялыхъ шпаляхъ, перекинутыхъ чрезъ одно плечо; въ ушахъ ихъ мотались мелкія, серебряныя монеты. Цыгане водилъ съ собой ручныхъ медвѣдей, цыганята предъ публичкой ходили колесомъ или на рукахъ, вздернувъ кверху ноги, какъ мачты. Послѣ каждого представленія заставляли они медвѣдя обходить публику съ шапкой въ лапахъ за подаваніемъ, говоря: подайте ему сиротѣ, что-нибудь на хлѣбъ, вѣдь у него нѣтъ

ни отца, ни матери. Между тѣмъ цыганки извивались въ сладострастныхъ пляскахъ, такъ, что всѣ косточки у нихъ зудѣли, а у зрителей невольно дергались плечи, особенно когда, бывало, какая-нибудь миловидная цыганка-смуглянка, размахисто проплясавъ свой національный танецъ съ кастаньетами, подскочить къ щедрому гулякѣ, и устремивъ на него свои щекоотящіе искристые глаза (*), воскликнетъ: «аль не любишь?» Иногда всѣ цыгане пѣли хоромъ, иногда одна какая-нибудь избранная солистка закатывалась:

Зеленая роица всю ночь прошумѣла,

А я, молодешенька, всю ночь не спала...

Марьину рощу нѣкогда посѣщали и чинные господа, гербовыя кареты, запряженныя парадно, цугомъ одномастныхъ лошадей, тянулись отъ Кре-

(*) Нѣкогда была пляска съ шашью, рѣзвая, живая, извѣстная подъ именемъ *Цыганки*, которую танцевали по всѣмъ тащмейстерскимъ правиламъ русскія барышни; барченки отхватывали козачка скакуна. Многіе вѣроятно помнятъ музыку и слова пѣсни:

Я цыганка молодая,

Я цыганка не простая,

Знаю воровить;

Положи-ко мнѣ на ручку,

Положи-ка денегъ кучку:

Всю правду скажу.

стовской заставы въ рощу и дѣлали по ней круги. Туда съѣзжались армяне и греки въ своихъ національныхъ костюмахъ, они пировали особнякомъ. Въ будничные дни московскіе и ближніе деревенскіе обыватели хаживали въ рощу за грибами. Въ семякъ нѣкоторые гуляли тамъ всю ночь, особенно, когда вскатывался на небо *молодикъ* (новый мѣсяцъ), гуляки привѣтствовали его восклицаніемъ: «свѣти мѣсяцъ, посвѣтлѣй, гулять веселѣ!» Въ чащѣ лѣса иногда слышалась и казенная пѣсня карауль! не смотря на то, что по рощѣ ходили сермяжные рыцари полиціи, будочники, которыхъ тогда называли: *хватулы*. Бывало утромъ, послѣ гулянья, находили въ лѣсу непроспавшихся еще гулякъ, съ недочетомъ волосъ на бородѣ, послѣ драки, или съ шишкой на лбу, послѣ ласковой зуботычины, разутыхъ и раздѣтыхъ учтивыми лѣсными камердинерами (которыхъ называли раздѣваиразуваичи). Безпечные сладко покоились, нѣжно обнимая кусты и пни. Сколько приключеній, романическихъ и сатирическихъ была свидѣтельница Марына роща, сколько тайнъ прикрывали густые развѣсы деревь ея! . . .

Отчего же въ настоящее время видимъ мы въ ней какую-то пародію лѣса? — Съ устройеніемъ желѣзной дороги, проходящей чрезъ нее о около нея, много вырублено деревь, а посадокъ другихъ, мо-

лодыхъ, не было; земля въ ней вся вытоптана, рѣдко гдѣ показывается недоростокъ блѣдной травки, къ тому же тамъ старыя деревья годъ отъ году все болѣе и болѣе падаютъ трупами; потому и остался какой-то островъ рощи, въ которомъ гуляютъ теперь только кочующіе выходцы московскихъ трущобъ и подваловъ, довольствующіеся воздухомъ, пропитаннымъ пылью, угольнымъ дымомъ отъ самоваровъ и виномъ, которое можно добывать контрабандою въ ящикахъ бродящихъ тамъ шарманщиковъ. Какая разительная противоположность между минувшимъ и настоящимъ!

Былыя времена, былые люди....

ГЛАВА VIII.

Останкино, Леоново, Свиблово, Медвѣдково.

Изъ Марьиной рощи ведетъ дорога къ Останкину; къ нему пролегаетъ нѣсколько дорогъ: отъ Крестовской заставы по взѣрошенному шоссе, около села Алексѣевского; чрезъ Бутырки по топкой полянѣ; и чрезъ Марьину деревню. Вообще путь сообщенія Москвы съ Останкинымъ весьма дурень; въ дождливое время невылазная грязь, да и въ сухое: косогоры, (сухопутная качка) и спотыкливая ямины.... Проѣхавъ Марьину де-

ревню, встрѣчается такая чертомоина, чрезъ которую надобно двигаться держась обѣими руками за что нибудь, чтобъ не вышвырнуло васъ изъ экипажа. Здѣсь надобно самоотверженно предаваться лихорадочной трясучкѣ, а пожалуй и морской болѣзни. Въ самомъ Останкинѣ, на болотистой почвѣ, таковыя же дороги. Издавна ведется поговорка: волшебникъ мильонъ чародѣйственно устроилъ на болотахъ въ Останкинѣ и въ Петровскомъ-Разумовскомъ вертограды, но не преобразилъ тамошней природы. Есть преданія, что еще Царь Грозный забавлялся въ Останкинѣ звѣриною охотою, а бояре Черкасскіе и Шереметевы съ незапамятныхъ временъ пріѣзжали туда на отдыхъ.

Въ настоящее время, не доѣзжая до Останкина, влѣво и подалѣе вправо, сверкаетъ уже предъ вами вода, но не живая, проточная; влѣво — остатокъ бывшаго большаго пруда, (просто лужица), при которомъ нѣкогда находилась мельница; вправо Алексѣевской прудъ, заманчиво приглашающій въ знойное время на купанье; но онъ лѣтомъ заростаеъ болотной травой и представляетъ собой такъ называемую батвинью. Кромѣ того непременно надобно замѣтить, что въ срединѣ его находятся опасныя мѣста, коварно прикрытыя водой, въ которыхъ часто тонуть неосторожные: По понедѣльникамъ приходитъ туда орава мастеровыхъ,

по дорогѣ къ Алексѣевскому кабаку и ведутъ себя очень не цензурно. (*) Впрочемъ надобно сознаться, что искусство сдѣлало свое дѣло. Подъѣзжая къ Останкину, открывается предъ вами декоративная панорама: за обширнымъ прудомъ высится двухъэтажный, деревянный, оштукатуренный домъ дворецъ, легкой, изящной, миловидной итальянской архитектуры, съ бельведеромъ и съ красивыми пристройками. (**) Онъ выстроенъ при Графѣ Николаѣ Петровичѣ Шереметевѣ, въ 1796 г. Планъ его начертить знаменитый зодчій Гваренги; но довершилъ и измѣнилъ нѣкоторыя части его не менѣе знаменитый нашъ русскій архитекторъ Казаковъ. Всякое изящное искусство имѣетъ свой краснорѣчивый языкъ; въ постройкѣ этого дома есть своя идея: представить колоссальную игрушку, роскошную виллу, улыбчивый уголокъ Италіи. Фасъ дома, обращенный къ Москвѣ, всецѣло отражается въ обширномъ прудѣ, разстилающемся предъ домомъ; прудъ обрамленъ лугами

(*) Понедѣльничать, значитъ бездѣльничать.

(**) На бельведерѣ сохранялось старинное оружіе: карбины, пицали и пр., съ надписями на разныхъ языкахъ; между оружіемъ находилось много сабель и шпагъ съ эфесами въ золотой оправѣ, и съ украшеніями изъ драгоценныхъ камней, нѣсколько знаменъ, (одно Мальтійское, воинскія трубы, булавы и тесакъ Кн. Дим. Ив. Шуйскаго.

шись на дочери Кн. Черкаскаго и получивъ въ приданое Останкино, жилъ, по временамъ прїѣзжая въ него, въ небольшомъ домѣ, возлѣ церкви; противъ пруда устроено было пристанище, въ родѣ бесѣдки, для кучеровъ, съѣзжавшихся въ Останкино съ графскими гостями. Гр. Николай Петровичъ проживалъ болѣе въ Кусковѣ, а въ Останкино прїѣзжалъ также по временамъ осматривать свое хозяйство, не смотря на то, что прекрасный, нововыстроенный домъ его и изящно разбитый садъ привлекали туда московскую публику, имѣвшую дозволеніе осматривать внутренность дома, который представляетъ цѣлую поэму, составленную изъ мрамора, бронзы и живописи; уборка и расположеніе комнатъ, дорогіе обои, большія венеціанскія зеркала, мозаичные полы и таковыя же съ позолотою двери, хитротканные ковры, роскошная мебель, античныя бюсты и урны, японскія вазы, китайскія куклы-игрушки — все это чаруетъ душу.

Въ настоящее время многого тамъ уже нѣтъ; въ 1812 г. французскій Маршалъ Ней стоялъ въ Останкинѣ съ коннымъ отрядомъ; непріатели похитили изъ дома нѣкоторыя рѣдкости и драгоцѣнности, которыя не успѣли припрятать; долго осиротѣлыя рамы свидѣтельствовали о похищеніи

картинъ. (·) Нижній этажъ Останкинскаго дома болѣе приспособленъ къ житью, нежели верхній; парадное антре ведетъ къ нему со двора. Въ верхнемъ этажѣ, между двоерядными колоннами, устроенъ театръ, а противъ него партеръ; театръ окруженъ настоящими чертогами; видъ изъ верхняго этажа, чрезъ просѣку Марьиной рощи въ Москву, прекрасенъ. Снаружи дома лѣпныя украшенія и статуйки въ разныхъ позахъ на пьедесталахъ — весь этотъ ансамбль довершаетъ очарованіе глазъ.

Садъ въ Останкинѣ раздѣляется собственно на *англійскій садъ* и на *паркъ*. (··) Противъ дома разстилается большой лугъ съ каймою изъ цвѣтовъ, на немъ высятся сибирскіе кедры, какъ колоссальные часовые; далѣе, по обѣ стороны, тянутся декоративныя липы съ боковыми аллеями, въ простѣнкахъ аллей мелькаютъ притаившіеся миѳологическіе бюсты; при окончаніи же сада и при началѣ парка сверкаетъ садовой прудъ (жаль, что невычищенный), а за нимъ представляется, какъ въ панорамѣ, село Свиблово. Налѣво отъ дворца находится сумеречная кедровая рощица,

(·) При переправѣ чрезъ Березину многое изъ похищеннаго непріятелями въ Москвѣ, было отбито у нихъ казаками, въ томъ числѣ и нѣкоторыя Останкинскія вещи.

(··) Онъ устроенъ большею частью изъ разсадниковъ Кусковскаго сада.

картинно распуская свои иглистые креповыя вѣтви; чрезъ нея выходъ въ такъ называемую *аллею вздоховъ*. За ней, влѣво, видны слѣды бывшихъ оранжерей, на мѣстѣ которыхъ устроены довольно красивый павильонъ съ площадкой для танцевъ; въ немъ бывають любительскія театральныя представленія, оглашаемая очень щедрыми апплодисманами.

Паркъ въ окружности своей обширенъ, тамъ лѣсъ—старикъ. Жаль что каждая волна времени отнимаетъ у него ежегодно по нѣсколько мастиныхъ деревьевъ; между тамошними дубами особенно замѣчателенъ дубъ—богатырь, патриархъ тамошнихъ дубовъ. По всему парку извиристо разбѣгаются дорожки; одна изъ нихъ ведетъ къ *Каменкѣ*, — это лучшее мѣсто въ всемъ паркѣ; здѣсь искусство, въ единобратствѣ своемъ съ природою, уступило могучей силѣ ея. Нѣкогда тамъ, въ широкихъ ложбинахъ, колыхалось семь прудовъ; это была цѣпь прудовъ, соединенныхъ между собою каналами; живыя ключи рѣчки наполняли ихъ водою до краевъ отлогихъ береговъ. По прудамъ плавали красивыя ялики—игрушки съ пѣсельниками и съ гостями владѣльца Останкина; въ настоящее время отъ прудовъ остались одни ложбины, поросшія осокой. Впрочемъ тамошнее мѣсто не совсѣмъ лишилось своей поэтичности: по

обоимъ противоположнымъ берегамъ представляется амфитеатромъ отлогій скатъ горъ, поросшій лѣсомъ; на одномъ изъ бывшихъ прудовъ зеленѣется оазисомъ островокъ, на которомъ нѣкогда, среди угрюмаго ландшафта, стояла миловидная бесѣдка.

Вокругъ Останкина почти во всѣ стороны зыблются лѣса; въ немъ есть и дуга съ самородными цвѣтами. Гулянья въ Останкинѣ ведутся изстари; особенно бывали они народны и веселы во время сѣнокоса, куда прїѣзжало графское семейство пить чай на душистомъ сѣнѣ. Въ Троицынъ день въ Останкино изъ всѣхъ окрестныхъ деревень сходились поселяне обоего пола съ березками и водили хороводы. Дачи стали нанимать въ Останкинѣ не прежде двадцатыхъ годовъ; тамъ проживали артисты московскаго театра и устраивали концерты въ открытомъ мѣстѣ, въ саду.

Хорошо, прїятно въ Останкинѣ гулять, но не жить, особенно въ дождливое лѣто.

Императоръ Павелъ, по вступленіи своемъ на престолъ, прибывъ въ Москву, посѣтилъ и Останкино; онъ встрѣченъ былъ музыкою, въ честь его раздались привѣтственные канты (*) (музыка Коз-

(*) Не возвращень ли намъ судьбиной:

Великій Петръ съ Екатериной,

Се Павелъ первый и Марія,

ловскаго), отъ самой Крестовской заставы до этого селенія устроены были символическіе прозрачныя транспаранты и горѣли смоляныя бочки. Послѣдній Польскій Король, Станиславъ Августъ Понятовскій, во время бытности своей въ Москвѣ, изъявилъ желаніе осмотрѣть ея окрестности; онъ посѣтилъ Кусково, потомъ Останконо (1-го Іюня, 1797 г.) Графъ Н. П. по этому случаю устроилъ для него блестящій праздникъ; послѣ десерта шло тамъ театральное представленіе (Самнитскіе браки), садъ былъ роскошно иллюминированъ, передъ балкономъ дома ярко горѣлъ вензель короля. Въ 1801 г. Императоръ Александръ I-й, послѣ коронаціи своей (бывшей 15-го сентября) изъявилъ желаніе посѣтить нѣкоторыхъ вельможъ своихъ. Тогда начался рядъ увеселеній въ Москвѣ; 1-го Октября прибылъ онъ съ молодою супругою своею въ Останкино; тамошній садъ потерялъ уже роскошь свою въ осеннее время, за то домъ великолѣпно убранъ былъ тропическими растеніями, особенно бюстъ Государя на высококомъ пьедесталѣ; хоръ пѣвчихъ на встрѣчу ему звучно и стройно пропѣлъ извѣстный тогда гимнъ:

Се подданныхъ отецъ и мать,
Ты въ жертву имъ должна, Россія,
Свою всю душу изліять.

вили ее срубленными березками, такимъ образомъ, что она представляла собой настоящую рощу.

Вотъ въ назначенное время послышались звуки раскатистаго ура!... въ Останкино прибылъ Государь со всею фамиліею своею и съ уважаемымъ гостемъ—прусскомъ королемъ. На встрѣчу Царю раздалась пѣснь: *Ты возвратился, благодатный,* (музыка къ ней сочинена была композиторомъ Антонелли, по случаю возвращенія Государя съ Вѣнскаго конгресса). Взвился занавѣсъ — и взорамъ всѣхъ представилось раздольное русское лѣтнее гулянье. Сюда собраны были все лучшіе тансеры и тансерки театра, также пѣвцы и пѣвицы; здѣсь былъ и русскій хороводъ съ мелодическими пѣснями: *Заплетиси плетень, заплетися,* — *А мы просо спяли, спяли* и раздавалась веселая, размашистая пѣснь: *Подъ липою была шатерь.* Въ числѣ пѣсельниковъ былъ и памятный Москвѣ Булаховъ (смѣнившій Дружинина и поступившій на сцену театра изъ пѣвцовъ Гр. Шереметева). «У него бархатный голосъ», говорили старожилы. Тамъ раздавались и вакхическія пѣсни цыганъ и хоръ извѣстнаго тогда Лебедева, пѣвшій плясовую пѣснь: *Ахъ вы сныи мои сныи* и раздавался дружный хоръ русскихъ солдатъ, (соч. Давыдовымъ) въ честь нашихъ воиновъ, одержавшихъ побѣды надъ французами. Тансерка Медвѣдева въ ало-бархатномъ

сарафанъ и бокшникъ, тихо, плавно выплыла на сцену, какъ лебедь на озеро и картинно пропоясала съ Лобановлмъ по русски, подъ пѣсню: *Возль рѣчки, возль моста.*

Несмѣтныя толпы народа окружали домъ, и если не все видѣли, то слышали звуки русскихъ пѣсенъ, такъ глубоко затрогивающихъ душу; есть еще маститые старожилы, которые съ умиленіемъ воспоминаютъ этотъ импровизированный праздникъ.

Самая замѣчательная эпоха, совершившаяся для Останкина, была въ 1856 г., когда Государь Императоръ Александръ II, предъ священнымъ коронованіемъ Своимъ, избралъ себѣ мѣстопробываніе въ Останкинѣ, гдѣ Графъ Дим. Ник. заботливо приготовилъ царственную квартиру съ прекрасной, изящной обстановкой; для пріѣзда Государя устроено было особенное шоссе (·).

Останкинскій садъ, паркъ и собственно графскія дачи до сихъ поръ содержатся чисто и опрятно; но многія хибарки дворовыхъ, какъ преклонныхъ лѣтъ старики, требуютъ подпорокъ, костылей; за исключеніемъ новопостроенныхъ дачъ новыми владѣльцами, взявшими въ Останкинѣ землю

(·) Въ настоящее время оно представляетъ какую-то вспаханную полосу и почтенныя руины развалившагося моста.

на аренду, житье-бытье тамъ для дачниковъ не совсѣмъ удобно по многимъ причинамъ, особенно въ дождливое время, когда испаренія тамошнихъ болотъ усугубляютъ сырость, представляя разныя туманныя фантастическія явленія. Извозчики тамошіе монополиды, они за провозъ въ Москву берутъ очень дорого, а изъ Москвы и плохія подъяремники везутъ туда неохотно, не ожидая найти тамъ обратныхъ сѣдоковъ. Годъ отъ года пустѣетъ эта мѣстность; по праздникамъ она нѣсколько оживляется отъ пріѣзда Московскихъ посѣтителей, большею частію купеческихъ семействъ, по старой памяти, любящихъ пройтись по саду и послѣ засѣсть пить чай не подъ вѣтвями раскидистыхъ деревь, а въ какомъ-то кустарникѣ-недорослѣ. Кстати Останкино не богато хорошей водой: ее возятъ изъ Алексѣевского водопровода; весь садовый прудъ настоянъ лягушками. Лѣса тамошіе хороши, разнообразны и мѣстами живописны, однимъ словомъ: это бочка меда и ложка дегтя, это лакомое кушанье, подаваемое на грязномъ блюдѣ.

Будемъ надѣяться, что когда выселятся оттуда дворовые, при новомъ владѣльцѣ и при заботливомъ попечительствѣ надъ нимъ, Останкино получитъ вторую молодость.

Изъ Останкина идетъ дорога въ село Свиблово, (съ небольшимъ одна верста). По преданію это село

тоже принадлежало нѣкогда къ царскимъ отчи. намъ; царевна Софія подарила его любимцу своему, Кн. В. В. Голицыну; въ послѣдствіи времени оно перешло во владѣніе Г-на Высоцкаго, а послѣ, вмѣстѣ съ Казеевымъ и Леоновымъ, его купилъ около 20-хъ годовъ текущаго столѣтія извѣстный богачъ своего времени, П. Ив. Кожевниковъ, сынъ чайнаго торговца, Ивана Петровича (*). Петръ Ив.

(*) Отецъ держалъ его строго: старикъ былъ скупъ и велъ жизнь циническую. Нѣкоторые старожилы помнятъ еще, какъ Ив. Петр. привозилъ сына съ собой на биржу въ телѣжкѣ, одѣтаго въ тулупчикъ, подпоясанный кушакомъ. Домъ отца Кожевникова находился сперва въ Златоустовскомъ переулкѣ, незатѣливый, одноэтажный, а послѣ на Страстномъ бульварѣ, (нынѣ Гр. Мусина-Пушкина), съ суконнымъ магазиномъ. Отецъ рано женилъ своего сына, чтобы онъ не избаловался, на дочери купца Шошина. Подобный ему, скромный, малограмотный, но умный богачъ, тоже чайный торговецъ, былъ купецъ Журавлевъ; домъ его находился у церкви Мартына Исповѣдника; онъ велъ обширную торговлю съ чужими краями, особенно съ Англіею. Однажды англичане, прибывшіе въ Москву по торговымъ операціямъ своимъ, желали познакомиться съ Журавлевымъ; они отыскиали домъ его и увидали на дворѣ старика съ метлой: эй дворникъ, гдѣ хозяинъ? спросили они его. — А на что вамъ? — отвѣчалъ старикъ, онъ занятъ дѣломъ. — И мы по нужнымъ дѣламъ къ нему, отозвались англичане. — Ну, коли такъ, пойдѣте, я васъ проведу къ

завелъ въ Свибловѣ суконную фабрику, выписаль изъ Англіи дорогія машины и вообще улучшилъ суконное производство. Въ Свибловѣ былъ широкій проторъ молодому богачу для разныхъ продѣлокъ; компаніонами его были не одни купцы, (поживившіеся отъ него) но и превосходительныя особы, въ томъ числѣ памятный своею дѣятельностію въ устройствѣ Москвы, по изгнаніи изъ нея непріятелей, Оберъ-полиційм. А. С. Шульгинъ (*). Кожевниковъ по большей части жилъ въ Свибловѣ и зимою; къ большому тамошнему каменному дому и флигелямъ онъ пристроилъ нѣсколько деревянныхъ дачъ, которыя были заняты его клеветами. Садъ свибловскій есть длинная аллея съ боковыми куртинами и благоуханными цвѣтами; изъ нихъ приготовляли пышные букеты для пріѣзжавшихъ туда изъ Москвы дамъ, въ числѣ которыхъ

нему, сказалъ старикъ, и привелъ ихъ въ гостиную дома, усадилъ и сѣлъ съ ними. Это оказался самъ почтенный Журавлевъ, къ изумленію англичанъ. — Опъ выстроилъ церковь Мартына исповѣдника, (наслѣдники dokonчили ee). —

Разсказъ 80-ти лѣтняго старожила Евф. Дан. Матвеевскаго.

(*) Онъ былъ женатъ тоже на богатой купеческой дочери, Кусовниковой; домъ ея находился на Никольской, (послѣ Чижова).

первенствовали артистки театра: Мочалова, (сестра незабвеннаго трагика) и дансерка Медвѣдева; изъ ихъ башмачковъ пирующие гости Кожевникова пили шампанское, а пиры тамъ шли Лукулловскіе; на транспарантахъ горѣли вензеля поѣздительницъ, въ трескучихъ, кипучихъ огненныхъ фейерверкахъ горѣли, обрацаемые въ дымъ, мильоны Кожевникова....

А каковы были зимнія катанья изъ Москвы въ Свиблово на дорогихъ кровныхъ рысакахъ и на скоробѣжкахъ (иноходцахъ), на ухорскихъ ямскихъ тройкахъ съ завивными пристяжными! Громко гудѣлъ даръ Валдая, брызгалъ снѣговой дождь изъ подъ копытъ ретивыхъ коней, раздавалась пѣсня: *Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза....* Въ Свибловѣ шли праздники за праздниками, тамъ будни существовали только для однихъ фабричныхъ. Всѣ замѣчательные феномены, приѣзжавшіе въ то время въ Москву изъ чужихъ краевъ: фокусники, музыканты, пѣвцы, были приглашаемы въ Свиблово потѣшать хозяина и его гостей. Въ началѣ текущаго столѣтія появилась въ нашей столицѣ, (тоже феномень своего времени, только не чужеземный, а свой, доморощенный,) пѣвица, цыганка Степанида (*); каждый приѣздъ ея въ Свиблово сопровождался большимъ прибытіемъ гостей

(*) Она извѣстна была болѣе подѣ именемъ *Стешки*.

восхищаться ея голосомъ. Такъ какъ, при описаніи Московскихъ окрестностей, воспоминается частію жизнь дѣдовскихъ временъ, то не могу пройти молчаніемъ появленія этой замѣчательной пѣвицы, которую прозвали: *Русская Каталани*.

По необыкновенному таланту своему и по методѣ, которую она сама изобрѣла, Степанида принадлежала къ отличнымъ артисткамъ нашего отечества и всей Европы; это мнѣніе объ ней принадлежитъ самымъ строгимъ и безпристрастнымъ судьямъ, въ томъ числѣ и самой Каталани. Знаменитая пѣвица такъ растрогана была пѣніемъ простой цыганки, что невольно прослезилась, слушая грустный, мелодическій романсъ (слова Мерзлякова):

Жизнь смертнымъ — тяжелое бремя

Страданіе — участь людей,

Надѣйся на будущее время —

А слезы украдкою лей....

Каталани обняла Степаниду и подарила ей перстень въ тысячу рублей (*)

Про Степаниду говорили современники ея: «у нея: какъ у соловья, въ горлышкѣ звучать, переливаются тысячу колокольчиковъ.»

Труппу ея составляли двое мужчинъ и три женщины, одинъ игралъ на скрипкѣ, другой на ги-

(*) См. Отеч. Записки, изд. П. Свинынымъ, 1822 г.

Есть преданіе, что въ 1812 г. Наполеонъ, бывши въ Москвѣ, услыхалъ о дарованіи Степаниды и поручилъ Лессепсу отыскать ее и пригласить къ нему; но она въ то время находилась въ Ярославлѣ, куда удалились нѣкоторые литераторы наши и артисты московскаго театра (*)

Когда Императоръ Александръ Павловичъ изъяснилъ желаніе осмотрѣть прославленную суконную фабрику Кожевникова въ Свибловѣ, всѣ тамошніе рабочіе облечены были въ щегольскія красныя рубахи; все было тамъ вычищено, вылощено, дорожки усыпаны пескомъ и усажены березками; а когда ожидали туда пріѣзда Императрицы Маріи Ѳеодоровны, то для встрѣчи ея отъ самой границы владѣній Кожевникова до дома его дорога была устлана алымъ сукномъ. (**). Наконецъ дѣла роскошнаго хозяина прошли въ самое меланхолическое положеніе, — онъ оказался несостоятельнымъ. Банкротство тогда считалось за рѣдкость; эта язва, эта финансовая гангрена принадлежитъ болѣе нашему времени. Изъ роскошныхъ палатъ своихъ Кожевниковъ долженъ былъ отправиться въ дол-

(*) Степанида умерла на 38 г. своей жизни, въ 1822 г. *Отч. Зап. 1822 г.*

(**) Ив. Петр. Кожевниковъ, за образцовое устройство своей фабрики, пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 3-й степени.

говое отдѣленіе. Фабрикой его завѣдывалъ Фроленко, Свибловымъ управлялъ родственникъ Кожевникова, А. И. Квасниковъ, а въ недавнее время это имѣніе купилъ Г. Халатовъ.

Свиблово стоитъ на высокомъ, мѣстѣ, на самомъ берегу Яузы; воздухъ тамъ чистый, здоровый; садъ въ немъ незатѣйливъ и запущенъ, но длинная и широкая липовая аллея представляетъ пріятное мѣсто для гулянья, (въ ней бывають балы); за ней начинаются лѣса, влѣво къ Медвѣдкову а вправо къ Леонову. церковь тамъ безмолвствуетъ: рѣдко, рѣдко оглашаетъ она окрестность колокольнымъ звономъ. Видъ изъ большаго дома чрезъ Яузу на Медвѣдково (*) хороши, издали это декорація; но самое село Медвѣдково, съ неопрятными лачугами, расположенное на солнцекѣ, представляетъ мало удобствъ для дачной жизни. Оттуда дорога въ Москву идетъ чрезъ Татьянкинъ лѣсъ на Ростовкино. Жаль, что и въ Свибловѣ нѣтъ порядочной овощной лавки для удобства дачниковъ; на краю его, по направленію къ Останкину, стоитъ неприглядный и грязный Капернаумъ для крестьянъ окрестныхъ деревень. Фабрики въ Свибловѣ унылы и безмолвны, дачниковъ тамъ немного; что было и что стало! Sic transit....

Вправо отъ Свиблова находится село *Леоново*,

(*) По преданію, оно принадлежало Кн. Пожарскому.

тоже при р. Яузѣ; оно принадлежало Павлу Григ. Демидову, онъ тамъ развелъ и садъ; Леоново замѣчательно тѣмъ, что оно нѣкогда принадлежало Новикову, оказавшему важныя услуги нашему отечеству. Еще въ молодыхъ лѣтахъ своихъ Новиковъ оставилъ военную службу, завелъ огромную типографію, сдѣлался неутомимымъ труженикомъ по части изданія полезныхъ книгъ, онъ познакомилъ Россію съ лучшими произведеніями Европы, и сталъ издавать журналъ, подъ названіемъ: «Живописецъ;» къ несчастію онъ возбудилъ зависть нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и подозрѣніе въ томъ, что изданія его будто бы смущаютъ умы легковѣрныхъ и направляютъ ихъ къ либерализму. Не смотря на то, что Новиковъ находился подъ покровительствомъ Цесаревича Павла Петровича, его сослали въ заточеніе; семь лѣтъ просидѣлъ онъ въ крѣпости, до воцаренія Имп. Павла. Послѣ того Новиковъ поселился по Бронницкій дорогѣ (за 50 верстъ изъ Москвы), въ селѣ Тихвинскомъ (Авдотьино тожъ). Тамъ жилъ онъ съ бывшимъ своимъ сотрудникомъ, Гамалеемъ, въ ветхомъ запущенномъ господскомъ домѣ, какъ отшельникъ, болѣзненный, блѣдный, обросшій волосами. Леоново часто посѣщали современные Новикѣ литераторы.

Это мѣсто и до сихъ поръ уединенно; оно гра-

ничить съ Ростокинымъ, долго тамошняя церковь также была безмолвна; въ настоящее время она исправлена, стоитъ на видномъ нагорномъ мѣстѣ и сзываетъ колоколомъ своимъ на богомолье. Тамъ тоже настроено нѣсколько высокихъ красивыхъ домовъ—дачъ, въ которыхъ охотно поселяются дачники на чистый воздухъ. Въ отношеніи жизненныхъ продовольствій тамъ ощущается недостатокъ; они получаютъ отъ разнощиковъ или привозятся изъ Москвы.

Теперь обратимся уже не къ боковой, а къ большой Святотроицкой дорогѣ.

ГЛАВА IX.

Взглядъ на большія дороги вообще.

Троицкая дорога, богомольцы, царскіе троицкіе походы.

Не только въ самую глубокую старину, но и въ прошедшемъ столѣтіи всѣ окрестности московскія на много верстъ были порослены густымъ лѣсомъ; не только проселочныя, но и большія дороги, нешоссированныя, ухабистыя, были заселены по большей части деревушками, избы котерыхъ представляли какія-то бобровыя норы, какіе то наросты на земной поверхности и проѣздъ по нимъ аже цѣлыхъ обозовъ былъ опасенъ отъ нападе-

нія удалой вольницы. Объ этомъ свидѣтельству-
ють названія деревень, напр. на Дмитровской до-
рогѣ: *Лихоборы, Лупиха*; по Волоколамской — *Ба-
ни*, по Рогачевкѣ: *Гнилуша, Свистуха*, по Влади-
мирской — *Обираловка*, по Звенигородской: *Оборви-
ха, Раздоры, Голчуха, Уборы* (гдѣ убирали уби-
тыхъ, хоронили *концы въ воду*) и пр. пр.; особен-
но дурно было двигаться дорожнымъ при крутыхъ
спускахъ и подъемахъ на дорогахъ, при овра-
гахъ, переправахъ, при лѣсистыхъ захолустьяхъ
на станціяхъ, гдѣ находились разные выселки,
приселки, слободки и т. п. жилища крестьянъ. (*)

Троицкая дорога или Ярославка, (**) изстари
была самая людная, (***) по числу богомольцевъ,
отправлявшихся въ Троицкую Лавру. До устрое-

(*) См. Выпускъ 9-й иѣсенъ, изданныхъ П. А. Безсоно-
вымъ, 1872 г.

(**) Иначе Переяславка, (она ведетъ къ гор. Переяславлю
Залѣсскому; по ней и нынѣшняя 1-я Мѣщ. улица имено-
валась встарину Переяславскою слободою.) По Ярославской
дорогѣ шли обозы съ рыбою въ Москву; Ярославль сла-
вился своими ленточными фабриками; онъ упоминается въ
одной изъ старинныхъ иѣсенъ: *Ты хороишь, пригожеъ, на
горь стоишь*; также упоминается въ ней и объ лентахъ:
Лента алая, Ярославская.

(***) Также дороги: Серпуховская и Рогожская; по нимъ
тянулись неокончаемые обозы съ разными товарами.

нія шоссе эта дорога была очень грязна и глиниста, но не смотря на то, усердные поклонники св. Сергія изъ самыхъ дальнихъ краевъ Россіи проѣзжали и проходили по ней. Эти путешествія раздѣлялись и раздѣляются на *молитвенныя, подвижническія, обѣтныя, благодарственныя, умильтельныя*. (*) Троицкая дорога извѣстна уже пять вѣковъ: Св. Угодникъ, какъ сказано въ жизнеописаніи его, *сокрывъ себя въ пустыню, не могъ скрыть имени своего*. Эта дорога обильна историческими воспоминаніями: по ней ѣзжали и ходили наши прадѣды, вселенскіе и русскіе святители, великіе князья и цари, многіе именитые иностранцы, знатные русскіе сановники; въ подражаніе св. Сергію, который *никогда не ѣздилъ на конь, ходили на поклоненіе мощамъ его пѣшкомъ*. Патриархи отправлялись въ этотъ путь съ цѣлою свитою и клиромъ; на перепутьяхъ, гдѣ они останавливались, около хоромъ ихъ, тѣснился народъ, прося ихъ благословленія. Сколько полчищъ враж-

(*) У насъ на Руси съ ранней весны до рабочей поры, массы простаго народа отправляются на Богомолье; изъ южной Россіи большею частію въ Кіевскія пещерки, изъ Сѣверной въ Соловки, а изъ средней на поклоненіе Московскимъ Святителямъ и въ Троицкую Лавру.

Чтеніе общества исторіи и древностей російскихъ, 1847 г., № 8-й.

дебныхъ Россіи, во время ляхолѣтъя, кишило по этой дорогѣ. По ней везли съ Бѣлаго моря мощи св. Филиппа Митрополита и тихо, скромно двигался поѣздъ изъ Москвы въ Лавру съ гробами, подъ черными покровами, въ которыхъ находились останки тѣлъ Царя Бориса Годунова, жены его и сына Θεодора, сопровождаемые нѣсколькими монахами и обливавшюся слезами дочерью Бориса, царевною Ксенією. По этой дорогѣ везли тѣло царскаго Кума (*), Патріарха Никона, съ Бѣлоозера въ Новый Іерусалимъ. Сколько воспоминаній! (**)

(*) Къ которому Царь Алексѣи Мих., въ день именинъ его, ходилъ съ пирогомъ, а послѣ Патріархъ, бывъ въ опалѣ, и самъ таскалъ кирпичи, для построенія храма въ Новомъ Іерусалимѣ.

См. Отеч. достопамятности 1823 г.

(**) Вообще о большихъ русскихъ дорогахъ, въ отношеніи разныхъ приключеній, происходившихъ на нихъ, составлена прекрасная, поэтическая загадка:

Если бы я встала,
То бы небо достала,
Если бы у меня были руки и ноги,
Я бы вора связала,
Если бы у меня былъ языкъ,
Я бы все рассказала.

Отгадка—*Большая дорога.*

Не пропустимъ молчаніемъ и знаменательного троицкаго похода В. Кн. Димитрія Донскаго къ преп. Сергію, для испрошенія его благословенія предъ Куликовской битвой.

Всѣ наши Императоры и члены ихъ семействъ неоднократно посѣщали и посѣщаютъ это святое мѣсто, бывая въ Москвѣ. (·)

Царскіе походы къ Троицѣ совершались по установленному церемоніалу: предварительно посылались въ монастырь гонцы, съ извѣщеніемъ о прибытіи въ него царя съ его семействомъ; вслѣдствіе этого начинались тамъ большія приготовленія, для встрѣчи и принятія его. Крестьяне, приписанные къ троицкому монастырю, высылались исправлять московскую дорогу и чинить мосты. Въ царскіе путевые дворцы (находившіеся въ Алексѣевскомъ, Танинскомъ, Пушкинѣ, Братовицнѣ и Вздвиженскомъ) отряжались разные придвор-

(·) Походъ къ Троицѣ совершила и Имп. Екатерина II; вышедши изъ Москвы съ большою свитою къ Троицѣ, она доходила до опредѣленнаго маршрутомъ мѣста, потомъ возвращалась въ Москву въ экипажѣ; па другой день она доѣзжала до того мѣста, гдѣ была наканунѣ, и опять шла пѣшкомъ далѣе, до другаго селенія, гдѣ ждалъ ее экипажъ; потомъ опять возвращалась. Такимъ образомъ путешествіе ея въ Лавру продолжалось слишкомъ недѣлю; но это было болѣе прогулкой, нежели богомольемъ.

ные чины: стряпчіе, сытники, стольники, постельники, бараши, (шатерники) и пр. съ постельнымъ бѣльемъ, со столовою посудою, со стряпнею (запасная казна), съ разъемнымъ столами, съ разгибными стульями и съ прочими укладистыми вещами. Обозники разчищали, приготавливали мѣста для *слазокъ*, гдѣ выходили цари изъ своихъ колымагъ, чтобы поразмять члены, пройтись пѣшкомъ по этой дорогѣ; имъ разставляли, подъ сѣнію деревь, для отдыха, парчевые шатры на пушистомъ собольемъ подбоѣ. Эти походы уподоблялись торжественному шествію. Впереди царскаго поѣзда ѣхалъ отрядъ стрѣльцовъ, вооруженныхъ аллебардами, за ними большая на высокихъ колесахъ, въ видѣ кареты, колымага царская, запряженная шестью (иногда болѣе) рослыми лошадьми; она управлялась бородастымъ возницею, державшимъ въ рукахъ поднятый вверхъ позлащенный бичъ; съ боковъ колымаги ѣхали охранные вершники, стража. Царскій экипажъ двигался степеннымъ шагомъ. Царица и все семейство царское слѣдовало сзади; за ними тянулись во многихъ повозкахъ разные придворные чины и женскій штатъ Царицы, въ крытыхъ повозкахъ. Хвостъ этого длиннаго поѣзда составлялъ обозъ съ разною утварью и съѣстными дорожными припасами.

Троицкіе походы царскіе со всѣми роздыхами,

обѣдами, полдниками и ужинами продолжались по нѣскольку дней; утромъ и вечеромъ на пристанищахъ для царей устанавливали иконы изъ везомой запасной образной ихъ; помолившись усердно, они закусывали не спѣшно, съ прохладю и отправлялись далѣе. Горожане и поселяне изъ дальнихъ мѣстъ и городовъ собирались на эту дорогу встрѣчать и провожать царскій поѣздъ; они подносили всему царскому семейству кто что могъ: хлѣбъ-соль, ягоды, образки троицкой работы, ручки (полотенцы) съ кружевными цвѣтными коймами, костяныя расчески (гребни), деревянную посуду, брагу, мартовскій квасъ и пр. Казначей, по царскому приказу, одѣляли ихъ деньгами: алтынами и гривнами. Подавали также ручную милостыню копѣечками и толпившимся тамъ нищимъ, и калѣкамъ.

ГЛАВА X.

Алексѣевское, Ростокино, Большая Мытищи, Танинское, Пушкино, Братовщина, Поклонная гора.

Послѣ пригородья (къ которому принадлежала и Переяславская слобода) и огородовъ съ шалашами за Крестовской заставой, среди пролѣсья, шла большая дорога, на которой первое селеніе

было (и есть) Алексѣевское. (*) До построения въ немъ деревянной церкви во имя Алексѣя Божія человѣка, съ таковою же звонницей, оно было простою деревнюшкой. Царь Алексѣй Мих. соорудилъ въ немъ каменный храмъ во имя Тихвинской Божіей Матери, съ придѣлами св. Николая и преп. Сергія; но онъ не дожилъ до его освященія. Нынешняя же церковь, по разобраніи старой, выстроена въ 1824 г. Есть преданіе, что самый старинный, храмъ, бывшій въ Алексѣевскомъ, во имя св. Сергія, перенесенъ былъ въ это село изъ Ростокіна, которое нѣкогда также было селомъ. Черезъ село Алексѣевское протекаетъ рѣчка Копытовка, названная такъ, быть можетъ, отъ формы своего теченія. Это село принадлежало нѣкогда къ Радонежской десятинѣ; пыгглавая величественнаго вида церковь воздвигнута въ немъ на взгорье; она замѣчательна по иконостасу и вообще по своему устройству; близь нея находился *путевой дворецъ* Ц. Алек. Мих. Это зданіе было невысоко, сажень 30 въ длину; на лѣвой сторонѣ отъ Москвы находились покои царя, на правой жили царевны, въ срединѣ царица; у царевенъ были окна выше отъ земли, чтобы нескромное любопытство не могло въ

(*) По всей Троицкой дорогѣ до самой Лавры и Внеаніи и по окрестности ихъ находятся дачи, напр. около Хатькова монастыря.

нихъ заглядывать; печи въ немъ стояли большія, съ аллегорическими фигурами на изразцахъ, называвшихся *печатными*, потолоки и стѣны обиты были выбѣленнымъ полотномъ, а двери только въ однихъ царскихъ комнатахъ краснымъ сукномъ съ желтыми петлями, окрашенными зеленою краскою. (*) Тамъ долго сохранялись остатки плодovitаго сада, ямины отъ погребовъ и развалины бани. (**)

Изъ всего этого мы видимъ, что въ то время внутреннія украшенія дворцовъ не могли истощить царской казны. Къ сожалѣнію мы не совсѣмъ знаемъ старинные обычаи; многое знаемъ мы отъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, которые описывали тогдашній бытъ ея (Герберштейнъ Оларій, Маржеретъ и пр.)

По другимъ преданіямъ извѣстно, что путевой дворецъ состоялъ изъ низенькаго продолговатаго сосноваго строенія, въ которомъ расположено было только семь небольшихъ комнатъ съ тремя выходами при крыльцахъ. Въ первой горницѣ (пріемной) стояла изразцовая, росписная голландская печь на ножкахъ, съ подпечьями и конурками (какъ полагаютъ, для кошекъ), на изразцахъ изображались разные девизы, напр. *Купидо обуздываетъ льва*; подъ подсолнечникомъ подпись: *Кое*

(*) Вѣстн. Европы, 1802 г., № 4.

(**) Баня встарину называлась *лазня*.

мьсто солнца, и я за нимъ; подъ совою: Вижу и во тьмъ тьмущей и пр. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ, на другихъ печахъ, представлены были въ ярко-желтыхъ шапочкахъ голландскіе рыбаки на ловлѣ сельдей; въ комнатѣ царевны Софіи, подъ кіотою, висѣлъ на стѣнѣ стеклянный шкапчикъ, въ которомъ лежали: гребень, полотенце, греческое мыло, сурмилы, румяны и прочія дѣвичьи снадобья. Прадѣды наши помнили еще окно, подъ которымъ сиживалъ царь, посматривая на путь—дорожку Троицкую. Отъ этого почтеннаго зданія не осталось теперь ни кирпичика, ни бревнышка, ни черепочка *жилаго дѣла*, какъ говорили встарину. (*)

Село Алексѣевское достопамятно еще тѣмъ, что въ немъ юноша Петръ, по возвращеніи отъ Троицы, куда ѣздилъ онъ спастись отъ ярости стрѣльцовъ, встрѣтилъ ихъ съ топорами и плахами, которые принесли они на повинныя свои головы, умоляя царя о помилованіи (**).

Близъ села, на правой сторонѣ, находится памятникъ благодѣяній Екатерины II; это прекрасный

(*) Русскія преданія, изд. Макаровымъ.

(**) Въ с. Алексѣевскомъ, около церкви, въ 1812 г. стояла артиллерія непріятелей. См. книгу Приключеніи моск. жителя, изд. въ томъ же году. Въ Алексѣевскомъ, особенно на горкѣ, живетъ много дачниковъ; тамъ есть своего рода удобства.

ютомъ которой были окрестные лѣса. Одинъ изъ нихъ, простирающійся отъ Ростокина влѣво,—до сихъ поръ носитъ названіе *Татьянкиной роуи*. Современникомъ Таньки былъ извѣстный мошенникъ и ловкій сыщикъ Ванька Каинъ, который сперва прикрывалъ ея дѣяніе, потомъ выдалъ ее сыскной полиціи, вслѣдствіе чего она была повѣшана. (•)

Въ Ростокинѣ москвитяне встрѣчали перваго русскаго царя Іоанна, еще не грознаго, возвращавшагося съ большимъ торжествомъ, по взятіи татарскаго гнѣзда, Казани; со слезами восторга и умиленія, народъ стремился лобызать руки и одежду его. Снявъ съ себя бранные доспѣхи, надѣлъ онъ заповѣдную наслѣдственную шапку (корону Мономаха) и пошелъ за крестнымъ ходомъ въ городъ. Это былъ лучшій эпизодъ изъ всего его царствованія....

Гору, возвышающуюся за Ростокинымъ, называютъ *Поклонною*. Вообще многіе русскіе города

(•) Память о Танькѣ Ростокинской сохранилась въ старинной пѣснѣ: *Шла Татьяна пьяна, изъ покровскаго кружала*. Есть преданіе, что когда эта разбойница была повѣшана, въ эту же ночь подъ ногами ея, въ видѣ скамейки, оказалась навалка труповъ; это было сдѣлано клеветами ея, въ родѣ поминокъ и въ честь ея удалства: «Матка-то была хороша», говорили они.

на выѣздахъ имѣють свои поклонныя горы; на нихъ встрѣчали дальняго гостя, на нихъ же съ грустію и слезами провожали ихъ въ дальшій путь; съ нихъ виднѣлся городъ съ блестящими крестами храмовъ, которымъ усердно поклонялись путники, также вскрѣчавшіе и сопровождавшіе ихъ.

Троицкіе походы цари совершали не прямо чрезъ Малыя Мытищи, но сворачивали чрезъ Ростокино влѣво, на село *Танинское*; нѣкогда оно принадлежало храброму сподвижнику Донскаго, Владиміру Андреевичу, дядѣ его. По устнымъ преданіямъ страшно было это селеніе; въ XVI ст. при Грозномъ, тамъ видны были слѣды Малюты, въ берегахъ тамошняго пруда находились потайныя глубокія землянки; изъ Танинскаго отправили на казнь Сильвестра и Адашева, тамъ, по словамъ Кн. Дим. Оболенскаго, надо рвомъ стояла *Содомова палата*, гдѣ шумно и разгульно пировали опричники Грознаго: Малюта, Басмановы, Василій Грязный, Кн. Вяземскій и пр. Тамъ изреклись смертныя приговоры Курбскому, Турову, Шереметеву, Бутурлину и прочимъ; тамъ сажали живыхъ людей въ мѣшки и топили ихъ въ болотной трясинѣ, тамъ русскіе палачи научились отъ татаръ кнутобитію и т. д. Въ Танинскомъ Борисъ Годуновъ роскошно пировалъ съ своими царедворцами, тамъ же

искусно была подготовлена встрѣча царицы Маріи съ Лжедмитріемъ, гдѣ она должна была признать его своимъ сыномъ, послѣ чего самозванецъ провожалъ ее въ Москву, почтительно идя предъ каретою ея съ обнаженною головою.

Современникъ Лжедмитрія, Беръ, говоритъ въ своихъ запискахъ, что самозванецъ неоднократно угощалъ въ Танинскомъ своихъ клеветовъ, что онъ охотился тамъ, ловилъ и билъ бобровъ и лосей и однажды, убивъ медвѣдя, сълъ на него верхомъ; въ этомъ уединенномъ, но привольномъ для охоты мѣстѣ, царь Алексѣй Михайловичъ также любилъ заниматься соколиною охотою. Въ прошломъ столѣтіи стоялъ въ Танинскомъ деревянный дворецъ съ башенками, Имп. Елизаветы Петровны; запруженная Яуза обтекала его со всѣхъ сторонъ и Государыня потѣшалась тамъ охотою, купалась въ тамошнихъ прудахъ и забавлялась полевыми играми съ сельскими дѣвками. Проѣзжая къ Троицъ, въ этомъ селѣ Цари обѣдали, иногда ночевали и оттуда отправлялись, минуя Пушкино, на Братовщину. Дворецъ Елизаветы давно разрушился, но не всѣ еще слѣды было изгладилась. Между Малыми Мытищами и Ростокинымъ находится дачное селеніе *Раево*, близъ Яузы (въ 4-хъ верстахъ отъ Ростокіна).

Деревня *Малыя Мытищи* не замѣчательна ни

своею мѣстностью, ни историческими событіями (*); въ 1812 году непріатели далѣе ея не доходили, здѣсь была для нихъ какая-то невидимая застава; въ то время окрестности этой деревни были весьма лѣсистые и въ нихъ подкарауливали забѣглыхъ мародеровъ казаки, стоявшіе въ Большихъ Мытищахъ.

Село *Большія Мытищи* (20 вер. отъ Москвы) существуетъ, по свидѣтельству древнихъ грамотъ, 400 л.; тамъ изстари находилась застава, а при ней *мытная* изба (отчего и селеніе это назвалось *Мытищами*), въ которой собиралась съ повозокъ опредѣленная пошлина. При Имп. Елизаветѣ Большіе Мытищи назывались *кабинетнымъ* селомъ; тамъ цари изрѣдка тоже отдыхали, отправляясь на богомолье. При тамошней церкви, во имя Владимирской Божіей Матери, находится высокая сгройная колокольня, видная издалека.

Отъ Большихъ Мытищъ идетъ длинная насаженная березовая аллея къ колодцамъ, (ихъ болѣе 50), изъ которыхъ вода протекаетъ въ Москву. Въ старину эти колодцы были деревянные, выключая громоваго. Въ этомъ селеніи обыкновенно отдыхаютъ богомольцы, освѣжаясь чистою водою. Еще

(*) Кромѣ того, что тамъ квартировала непріательская конница; французы тамъ молотили хлѣбъ на гумнахъ; въ деревнѣ Тарасовкѣ также стояли казаки.

въ недавнее время, до открытія желѣзной дороги въ Троицкую лавру, въ Мытищахъ происходило столованье-пированье за чаемъ богомольцевъ; иные нарочно прїѣзжали туда изъ Москвы разгуляться на отлетныхъ тройкахъ, погромышавшихъ бубнами и тамъ, на длинныхъ столахъ, между блестящими, объемистыми пузатыми самоварами, виднѣлись батареи бутылокъ и раздавалась нестройная смѣсь голосовъ подгулявшихъ; надъ ними виднѣлись густыя облака табачнаго и самоварнаго дыма, а около нихъ, услуживая, сновали въ васильковыхъ вѣнкахъ мытищинскія дѣвы. Въ настоящее время тамъ иногда присаживаются перекусить чего нибудь дальніе прохожіе въ лапоткахъ съ посохами и съ котомками за плечами.

Въ 1812 г. въ Большихъ Мытищахъ находился штабъ казацкаго войска и часть артиллеріи; оттуда, сквозь цѣпь непріятелей, прорывались въ Москву удалые казаки для развѣдокъ и на помощь поселянамъ, отважно и дружно защищавшимъ свое добро отъ голодныхъ искателей хлѣба. По выступленіи непріятелей изъ Москвы, мытищенскіе крестьяне изъ первыхъ появились въ погорѣлую столицу нагружать свои повозки оставшимся тамъ добромъ, которое непріятели не имѣли средствъ увезти съ собой. Изъ тамошнихъ же окрестностей поселяне прежде всѣхъ начали привозить въ Мо-

скву съѣстные припасы. Это село людное, живое, веселое, тамъ охотно живутъ дачники. Прежде тамъ была почтовая станція.

Далѣе слѣдуетъ село *Пучкино* (около 30 вер. отъ Москвы); сквозь него протекаетъ рѣка *Пуча*, нынѣ оно удѣльное, а прежде было митрополичьимъ, потомъ патріаршимъ и синодальнымъ. Тамъ, на высокой горѣ, на правой сторонѣ отъ Москвы, красуется пятиглавый каменный храмъ, во имя св. Николая чудотворца; сооруженіе его относится къ XVII ст. Усердіе богомольцевъ къ св. Сергію обогатило крестьянъ этого села: еще въ прошедшемъ столѣтіи появились тамъ чистые, красивые двухъ-этажные дома, а въ послѣдствіи выстроилось и нѣсколько каменныхъ. Къ несчастію тамъ нерѣдко бывали опустошительные пожары на постоянныхъ дворахъ. Крестьяне, кромѣ угощенія богомольцевъ самоварами и разными съѣдобными припасами, ѣзжали и ходили въ Москву продавать ягоды, полевые цвѣты и лекарственныя травы для аптекъ (теперь все это они сбываютъ дачникамъ.) Въ этомъ селеніи находятся замѣчательныя бумагопрядильныя фабрики. По близости къ Пучкину дачъ, оно не обѣдняло, подобно прочимъ селеніямъ, лежащимъ по Троицкой дорогѣ, съ тѣхъ поръ, какъ большая часть богомольцевъ перестала въ нихъ останавливаться. Въ историческомъ отноше-

ни Пучкино замѣчательно тѣмъ, что здѣсь взять былъ подъ стражу Кн. Иванъ Андреевичъ Хованскій, когда онъ, по ласковому, но коварному приглашенію царевны Софіи, вызванъ былъ въ Москву и казненъ.

Со времени появленія сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ окрестностяхъ Москвы, ни въ какой мѣстности не возникло такъ много и быстро дачъ, какъ около Пучкина, потому что всѣ условія для пріятной лѣтней жизни Московскихъ переселенцевъ тамъ удовлетворительны: поѣзды по Ярославской желѣзной дорогѣ лѣтомъ отправляются къ Троицѣ пять разъ въ сутки; чрезъ часъ по отправленіи, паровозъ-пыхтунъ, окутанный облакомъ пара, пронзительнымъ визгомъ своимъ докладываетъ уже пассажирамъ, что онъ добросовѣстно исполнилъ свое дѣло, т. е. промчавшись 30 верстъ, довезъ ихъ до опредѣленнаго мѣста. Въ Пучкинской станціи есть и трактиръ, исправляющій должность гостиницы, и капераумъ или кабачекъ; но замѣйте, подобныхъ заведеній, подъ яркочерными вывѣсками, которыми такъ изобилуютъ всѣ наши грады и веси, вы не найдете ни одного въ пучкинскомъ населеніи; уже это одно гарантируетъ дачникамъ спокойную жизнь. Тамъ выстроена и новая церковь.

Всѣ тамошнія дачи устроены на районѣ бо-

лѣе нежели на 10 верстѣ, въ сухомъ, преимущественно сосновомъ лѣсу; почва тамъ песчано-глинистая, дачи, различающіяся разнообразіемъ фасадовъ, построены не фронтомъ, не по снурку; они не опираются плечо съ плечомъ, но размѣщены по всему лѣсу, какъ американскія поселенія, въ Виргиніи; притомъ они не рѣшетчатые сквозники, скороспѣлки, сколоченныя чуть не изъ одного теса, съ проглядкой, съ протечкой, да съ продувкой; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдете вы полное хозяйственное обзаведеніе: мебель, посуду, постели и пр. Собственно къ селу Пучкину ведетъ отъ дачъ лѣсомъ широкая дорога прогулки разнообразны, воздухъ чистъ, не растлѣнный пылью. Тамъ рѣчка *Серебряника* впадаетъ въ *Пучу*, тамъ есть къ услугамъ вашимъ и купальни.

За пять верстѣ отъ Пучкина, на рѣчкѣ *Скаубъ*, расположено село *Братовщино*. Есть темное преданіе, почему оно названо *Братовщиною*: полагаютъ, что это древнѣйшій выселокъ южныхъ славянъ; Братскими слободами любили селиться *Моравцы* и другія славянскія племена, особенно *Волыняне*. Собственно о троицкой Братовщинѣ есть слѣдующее устное преданіе: сыновья, не любимые и тѣснимые отцомъ, по наговорамъ мачихи, поклонившись на всѣ четыре стороны, изъ родной земли своей отправились, куда глаза глядятъ;

шли они долго, лѣсами и пустынями и пришли наконецъ на берега рѣчки Скаубы, выбрали тамъ *красное* (красивое) мѣсто и поселились. Долго это братство удерживало обычаи своей родины, но время, какъ всегда и вездѣ, все передѣлываетъ по своему: моравскіе славяне переродились въ русскихъ мужичковъ (*). Братовщина находится на полпути къ Троицѣ.

Въ Братовщинѣ цари наши отдыхали; прежде тамъ была деревянная церковь и небольшой дворецъ, иначе называемый: *царская вышка*; въ немъ отдыхала и Имп. Елизавета, возвращаясь изъ Лавры; она занималась тамъ сельскимъ бытомъ, одѣляла крестьянокъ разными женскими украшеніями и присутствовала на свадьбахъ поселянъ. Эта мѣстность также очень нравилась и Екатеринѣ II, которая, бывши тамъ въ 1775 г., приказала построить новый дворецъ и каменную церковь. Для дворца сдѣланъ былъ фундаментъ, приготовлены строительные матеріалы — да все такъ и оставлено; отъ мѣста, гдѣ надлежало быть новому зданію, посажена была въ правую сторону другая березовая аллея до самой большой дороги. () развалинахъ

(*) Кромѣ троицкой Братовщины у насъ есть еще *Семибратовщина* въ Ярославской губерніи, а гдѣ-то еще *Побратовщина* и еще нѣсколько другихъ Братовщинъ, каждая съ своимъ преданіемъ о братьяхъ.

ветхаго дворца есть суевѣрный повѣрья: тамъ видали, будто бы, въ полнощное время яркое освѣщеніе, по аллеямъ придворнаго сада кружились хороводы, какъ тѣни безмолвные — и послѣ всѣ исчезали.—За Братовщиной деревушка *Кашеевка*, замѣтательна только своей дурной славой; это мѣсто низменное, лѣсистое и пустынное.

Въ 9-ти верстахъ отъ Братовщины находится деревня *Талица*, но она ничѣмъ особенно не замѣтательна.

ГЛАВА X.

Софрино, Галычино, Рахманово, Воздвиженское, Гора Волкуша, Виоанія, Деулино.

Близъ большой Троицкой дороги, около *Рахманова*, находится село *Софрино*; оно принадлежало графинѣ Ягужинской, а прежде было собственностью Царевны Софіи, (точно такое же, какъ и село Софрино, на берегахъ Москвы рѣки, на зимней Рязанской дорогѣ). Тамъ росли богатые плодовые сады, разведенные самою Софіею; домъ Ягужинскихъ былъ дворцомъ ея. Старожилы рассказывали, что дѣды ихъ помнили дворець царевны; онъ былъ съ чистыми сѣнями, расположенными по срединѣ двухъ большихъ связей, изъ которыхъ

каждая раздѣлялась на двѣ свѣтлицы. Въ этомъ селѣ зыблется еще любимый рыбный прудъ царевны, обсаженный деревьями, на которыхъ вырваны какія-то литеры, полагаютъ, вензеля Софіи и клеветовъ ея: Кн. Голицына, Кропотова, Кондырева, Соковнина и другихъ. Село Софрино прежде называлось Софьинымъ, но когда оно сдѣлалось жалованнымъ, то названіе его измѣнилось.

Слишкомъ за 100 л. до нашего времени, близъ Троицкой же дороги, въ деревнѣ *Голыгиной*, подъ мостомъ, въ каждую полночь, жаловались и плакали души Хованскихъ, казненныхъ по домогательству Софіи и потомъ затоптанныхъ въ гати Голыгиной. Суевѣрныя преданія дополняютъ, что тѣни казненныхъ отца и сына Хованскихъ выходили на Галыгинскую гать, останавливали проѣзжихъ и прохожихъ и требовали отъ нихъ вызова свидѣтельствъ къ суду Божью на Кн. Вас. Голицына, Хитрова и Хлопотова; говорили, что одинъ изъ Хованскихъ, кланяясь, снималъ свою отрубленную голову, какъ шапку (*).

Далѣе слѣдуетъ село *Рахманово*; прямо отъ него простирается дорога на село *Воздвиженское* и оттуда въ Лавру, а налѣво поворотъ къ Покровскому Хотькову монастырю; этотъ проселокъ топкій и лѣсистый; въ настоящее время онъ изобилуетъ да-

(*) Русскія преданія, изд. Макаровымъ, 1838 г.

чами, особенно въ окрестностях Хотькова монастыря, который основанъ (какъ полагають), въ XII ст. на рѣкѣ Пажѣ; прежде онъ былъ общезительный мужской монастырь. Тамъ похоронены родители св. Сергія: Кириллъ и Марія; многіе богомольцы вмѣняють себѣ въ непремѣнную обязанность, отправляясь въ Троицкую Лавру, не обойти Хотьковъ монастырь, чтобъ поклониться и отслужить панихиду родителямъ *земнаго ангела и небснаго чловѣка, скорого помощника, богомудраго св. Сергія* (какъ именуютъ его въ молитвахъ).

Село Воздвиженское, 12 вер. отъ Троицы, стоитъ на горѣ; тамъ юные Цари Іоаннъ и Петръ, съ царевною Софіею, скрывались нѣсколько времени, опасаясь мнимаго злоумышленія на свою жизнь Андрея Хованскаго. Эготъ Князь и Милославкій, бывшіе тогда начальниками грозныхъ стрѣльцовъ, поссорились; стрѣльцы взяли сторону Хованскаго, а Милославской, страшась ихъ неистовства, уѣхалъ въ свою деревню, откуда написалъ къ Царямъ и Царевнѣ, что Хованской имѣетъ умысль умертвить ихъ, Патріарха и главныхъ бояръ. Испуганный дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а оттуда въ Воздвиженское, (*) изъ котораго отъ

(*) Странно, почему дворъ въ то время не отправился прямо въ Лавру, а пріютился въ селѣ, укрѣпленномъ только природными оврагами.

имени царей написали къ Хованскому, что они, зная его приверженность къ себѣ, желаютъ посо- вѣтоваться съ нимъ объ одномъ важномъ дѣлѣ, и вслѣдствіе этого требуютъ его къ себѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Хованской, нечего не подозрѣвая, отпра- вился къ нимъ. Между тѣмъ Софія велѣла его на дорогѣ взять подъ стражу и привести въ Воздви- женское, гдѣ, безъ всякаго суда и слѣдствія, отру- били ему и его сыну головы.

Въ этомъ селѣ есть гостинница а около него также можно найти пріюты для лѣтняго времени.

Версть за семь отъ Лавры, среди зелени лѣсовъ, открывается величественная паборама: блестятъ, искрятся, сверкаютъ позлащенные главы храмовъ ея, вокругъ величественной огромной колокольни. Здѣсь гора *Волкуша*; это мѣсто должно быть извѣст- но русскимъ патриотамъ; тамъ Архимандритъ Тро- ицкаго монастыря благословлялъ крестомъ и кро- пилъ святою водою защитниковъ отечества, которые съ сановитымъ вождемъ своимъ, Княземъ Пожар- скимъ и съ гражданиномъ Мининымъ, самоотвер- женно шли освобождать Москву отъ Ляховъ. Здѣсь можно представить себѣ высокую, благоговѣйную картину: ряды многочисленнаго войска, подъ сѣ- нію распущенныхъ знаменъ, на которыхъ значи- лись имена городовъ: Смоленска, Нижняго, Доро- гобужа, Ярославля, Владиміра и пр., обнаженные

головы воиновъ, руки, шевелящіяся на груди въ крестномъ знаменіи и умилительно раздающійся стройный хоръ кликовъ, поющихъ: *Спаси, Господи, люди Твоя...*

Дачи, къ услугамъ Московскихъ жителей, находятся не только въ окраинахъ самой Лавры, но и далѣе, близъ Филаретовскаго скита и Виѳаніи (*), по сосѣдству съ разнообразными рощами.

(*) Основанія скита относится къ недавнему времени, Виѳанію же основалъ Митр. Платонъ въ 1783 г. Онъ занялся устроениемъ себѣ пріюта, въ 3-хъ верстахъ отъ Лавры, на рѣчкѣ Кончуры, на прекрасномъ мѣстѣ, среди рощей, полей и луговъ; въ этой пустынѣ онъ устроилъ кладбище для лаврскихъ монаховъ, на свое иждивеніе соорудилъ церковь на подобіе Фавора, въ которой одинъ престоль находится на горѣ, во имя Преображенія Господня, а подъ нимъ вертепный храмъ, во имя Лазарева Воскресенія. Въ этой пещерѣ приготовилъ онъ себѣ мѣсто, для погребенія и поставилъ дубовый гробъ, вмѣщавшій въ себѣ мощи Преп. Сергія. Въ деревянномъ двухъэтажномъ своемъ домѣ соорудилъ онъ еще малую крестовую церковь, во имя Сошествія св. Духа. Эта пустыня названа Виѳанією, по причинѣ погребенія въ ней братій, въ надеждѣ воскресенія, по примѣру св. Лазаря. Присоединивъ ко всему этому Семинарію и Богадѣльню, Платонъ выразилъ любовь свою къ просвѣщенію и благотворенію. Когда Имп. Павелъ, послѣ коронаціи своей, прибылъ въ Лавру, Платонъ встрѣчалъ его облеченный въ убогую ризу Преп. Сергія и съ

За Филаретовскимъ скитомъ простирается большой лѣсъ, по направленію къ Переяславскому уѣзду. Любопытные путешественники и богомольцы, осмотрѣвъ въ Лаврѣ всѣ достопримѣчательности ея, ѣздятъ въ село *Деулино* (четыре версты отъ Троицы); тамъ заключенъ былъ съ Поляками миръ, при Царѣ Михаилѣ, конечно не славный, но, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, благотѣльный для Россіи, которая уступила Польшѣ Смоленскъ и еще нѣсколько городовъ; за то короле-

посохомъ св. мужа, какъ преемникъ его въ санѣ Архимандрита Лавры. Это напомнило Павлу простоту и благочестіе въ убожествѣ великаго смиреніемъ мужа. Онъ облобызалъ это скудное облаченіе, орошенное потомъ труда и слезами молитвы. Когда Павелъ хотѣлъ вступить въ царскія двери, для принятія св. Таинъ, имѣя при бедрѣ шпагу, Платонъ сказалъ: сними, Государь, мечъ отъ бедра своего; здѣсь приносится безкровная жертва. Павелъ сложилъ съ себя оружіе. Государь обѣдалъ въ Виѳаніи и Платонъ показалъ ему свое хозяйство. При немъ Семинарія процвѣтала; въ ваканціонное время семинаристы представляли избранныя сцены (Мистеріи) изъ библейской, греческой и римской исторіи и сцены изъ трагедій Сумарокова; въ аудиторіяхъ они занимались музыкою и пѣніемъ духовныхъ кантъ. Въ рощѣ и въ Пафнутьевомъ саду въ Лаврѣ они чистили дорожки (Платонъ приучалъ ихъ къ трудолюбію), шевелили и складывали сѣно въ копны, собирали травы для домашнихъ аптекъ и цвѣты для украшенія храма.

вичъ Владиславъ отказался отъ своихъ притязаній на русскій престолъ и возвратилъ изъ плѣна отца Михаила, Филарета Никитича. Деулинскій трактатъ былъ послѣднимъ актомъ кровавой трагедіи, которая столько лѣтъ разыгрывалась въ нашемъ отечествѣ (*).

ГЛАВА XI.

Дачи за Сокольничьей заставой и окрестности ея.

Сокольничье поле нѣкогда было весьма обширно; границами его были: улицы Спасскія, (что во Спасской), часть Переяславской слободы, новая Басманная и Красное село, бывшее Рубцово. Въ

(*) Историкъ Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россіи, гдѣ заключались трактаты съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли, или перемѣнили свои наименованія; напрасно искалъ онъ между Тихвиннымъ и Старой Ладогою села *Столбова*, гдѣ подписанъ былъ трактатъ съ Шведами. *Заполье* и *Андрусово*, гдѣ въ 1582 и 1667 г. Россія заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны; но *Деулино* и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ и келаремъ Аврааміемъ, на память заключенному миру, служатъ предметомъ любопытства для русскихъ, знающихъ свою исторію. Недалеко отъ церкви видны еще остатки укрѣпленій, только неизвѣстно чьихъ: русскихъ или польскихъ.

1801 г. на этомъ полѣ совершалось народное угощеніе послѣ 15 сентября, по случаю коронаціи Императора Александра I-го, какъ на самомъ широкомъ мѣстѣ (*); оно продолжалось три дня; послѣ того, до 30-хъ годовъ тамъ происходили маневры и смотры полковъ московскаго гарнизона. Впослѣдствіи времени правая сторона его отъ Москвы, частію и лѣвая, были изрыты ямами, изъ которыхъ дозволялось брать песокъ, до тѣхъ поръ, пока перевели туда (около 60-хъ годовъ) лѣсной рядъ отъ Красныхъ воротъ и надѣлали на немъ лабиринтъ переулковъ, застроенныхъ домами до самыхъ Сокольниковъ. Длина этого поля состояла изъ 800 сажень, а ширина 330; поперегъ его протекаетъ рѣчка Рыбинка.

Гдѣ нынѣ воксаль Николаевской желѣзной дороги, возвышался высокой курганъ, а за нимъ стояла каменная палатка, въ которой продавался порохъ (послѣ перевели ее ближе къ Симонову монастырю.) (**). За Краснымъ прудомъ влѣво и

(*) Празднество коронаціи Имп. Екатерины II и народное угощеніе происходило въ Кремлѣ и на Лобномъ мѣстѣ, а Имп. Павла на самой Красной площади; по Никольской улицѣ также разставлены были столы; странно, какъ въ такой тѣснотѣ могли умѣститься толпы народа.

(**) Поэтому тамошняя мѣстность называлась *полевымъ дворомъ*, а влѣво отъ него *Каланчевское поле*; (эти назва-

прямо, въ началѣ текущаго столѣтія, начинались уже дачи; тамъ на пустынной улицѣ одиноко стояла церковь во имя Тихвинской Божіей Матери, (куда въ началѣ 40-хъ годовъ перевели съ Остоженки Алексѣевской монастырь); по сосѣдству съ помянутой церковью тянулся обширный садъ, при большомъ каменномъ домѣ Г. Яковлева. Въ 1819 году это мѣсто, какъ загородное, отдавалось въ видѣ дачи. (*) Въ началѣ 30-хъ годовъ туда перенія встрѣчаются въ историческомъ и топографическомъ описаніи Москвы съ планами, 1796 г.) На Каланчевскомъ полѣ встарину находился деревянный загородный дворецъ. Москва была окружена многими селами, слободами и зданіями, которыя составляли предмѣстіе города и наконецъ вступили въ составъ его: Дворцовыя, Покровское, Семеновское, Преображенское, Ямскія слободы, и пр., всѣ они были загородныя.

(*) Въ старинныхъ Московскихъ вѣдомостяхъ печатаны были объявленія о наймѣ дачъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Красномъ Селѣ, при домѣ Яковлева, за Донскимъ монастыремъ при домѣ Стрекаловыхъ, около Поводѣвичьяго монастыря и поля, въ Лужникахъ, во Всесвятскомъ Бняг. Сибирской, въ деревнѣ Зыковой, между Сокольниками и Преображенской богадѣльней, при домѣ Кайсаровой, противъ Чорикова сахарнаго завода, въ Кунцевѣ, по Коломенской дорогѣ въ селѣ Троицкомъ-Кайнарджи, Гр. Румянцева, въ селѣ Бедринѣ, въ с. Спаскомъ по Звенигородкѣ. Загородными домами считались нѣкоторыя окраины

селлся съ Дѣвичьяго поля лѣтній нѣмецкій клубъ; каждый праздникъ съѣзжалось въ него много народа, смотрѣть, какъ въ широкихъ рамахъ тѣнистыхъ аллей сада, двигались, подѣ музыку, размѣрнымъ шагомъ за костюмированныя живыя картины; иногда распотѣшившіеся нѣмцы представляли тамъ цѣлый Олимпъ боговъ.

Сзади этой мѣстности находилась другая обширная дача, бывшая Брюса, потомъ Гр. Ростопчина, (нынѣ Г. Митькова). Въ 1812 г. Графъ, будучи градоначальникомъ Москвы (послѣ Гр. Гудовича,)

Москвы съ большими садами на Яузѣ: Г. Ив. Хлудова, за Красными воротами, на Садовой стоящей на видномъ, высокомъ мѣстѣ, у Троицкой заставы Пашкова, на Прѣснѣ, на средней улицѣ кн. Ив. Петр. Прозоровскаго, подѣ Дѣвичинымъ Секундъ-Маіора Кн. Ив. Серг. Долгорукаго, въ Хамовникахъ, 4-й части (1-я часть Москвы начиналась въ Кремлѣ) Генеральши Лопухиной, у Спаса во Спаской (нынѣшнія Спаскія казармы, близъ Черкасскихъ огородовъ, нынѣ Шерем. больница) былъ загородный домъ Ген. Аншефа Гр. Ив. Семен. Генрихова, въ Сушовѣ у Казапской Б. М. съ огромнымъ садомъ, двухъ-этажною оранжереею и березовой рошей Об.-Полицейм. Архарова, въ приходѣ муч. Трифона Гр. Ив. Петр. Салтыкова, въ Басманныхъ (Новой и Старой) Княг. Долгорукой съ прудами (нынѣ Лодыженской), Г. Высоцкаго у Петра и Павла, Г. Демидова, Кн. Куракина; въ Лефорт. части: Гр. Воронцова, Гр. Шувалова, Гр. Орлова и въ пр. мѣстахъ.

цѣлое лѣто жилъ на своей дачѣ, временно пріѣзжая въ Москву; въ ней писалъ онъ свои оригинальныя афиши; огромный садъ его, въ которомъ происходили потѣхи: фэйерверки, гремѣла музыка, голосили пѣсельники, былъ доступенъ для всѣхъ; онъ всячески старался развлекать московскихъ жителей въ эту черную годину. Туда летали запыленныя курьерскія тройки съ театра войны съ депешами, туда явились къ нему первые русскіе крестonosцы: С. Ник. Глинка и К. Θ. Калойдовичъ (историки и литераторы) въ боевыхъ ополченскихъ костюмахъ; онъ и самъ одѣвался въ полную ратническую форму. (*) Туда часто пріѣзжали къ нему Карамзинъ и Ив. Ив. Дмитріевъ, Графъ дѣ-

(*) Ратники штабъ- и оберъ-офицеры имѣли общій армейской муцдиръ; конные и пѣшіе егеря и козаки одѣты были въ русскіе сѣрые кафтаны изъ толстаго сукна и такія же шаровары, рубашки на нихъ были съ косымъ воротомъ, на шеѣ платки (галстуки), на головѣ суконныя фуражки, сапоги смазные, сверхъ шароваръ, кафтаны широкіе, по колѣна, чтобъ можно было надѣть подъ нихъ полушубки; кушаки по произволу, ранцы кожаные или телячьи, просторные, чтобъ можно было уложить въ нихъ сухарей на трое сутокъ. Сотенные начальники ратниковъ получали по 30 руб. асигн. въ мѣсяць, прочіе офицеры по 20 рублей.

лился съ нимъ всѣми новостями и тяжкими, глубокими своими думами. . . .

Одно уже названіе: *Сокольники* и *Сокольничье поле*, даетъ понятіе, что тамъ жили ловчіе сокольники, а на поле вынашивались соколы и тамъ учреждалась охота. Самая сокольничья роща, которая составляла часть лосиннаго погоннаго острова (*), называлась *заповѣдною*. Этотъ островъ начинается отъ Камерколлежскаго вала и идетъ по лѣвой сторонѣ Яузы, на 17 в. въ длину и отъ 1 до 5 верстъ въ ширину; въ немъ по большей части иглистая зелень. Этотъ островъ очень дорогъ по своему строевому лѣсу. Оберъ-форштмейстеръ Кохъ предлагалъ вырубать ежегодно нѣкоторое количество деревь въ Сокольникахъ, для казенныхъ доходовъ; этотъ проэктъ былъ представленъ Имп. Александру Павловичу, но Государь не согласился его утвердить. Сокольничья роща съ самыхъ древнихъ временъ была мѣстомъ, на которомъ русскіе государи любили потѣшаться звѣриною и соколиною охотою, особенно Царь Алексѣй Мих. Тамъ, налѣво отъ существующей нынѣ заставы, находился домъ главнаго ловчаго съ башнею, вокругъ которой разставлялись палатки для царской охоты; когда царь выѣзжалъ на нее съ своимъ се-

(*) У охотниковъ, по техническому выраженію ихъ, и доннынъ лѣсъ, стоящій отдѣльно, называется островомъ.

мействомъ, то собственно для него ставили палатку изъ золотой парчи, подбитой соболями, для царицы изъ серебряной, подбитой горностаями, а для царевичей и царевень газетовыя; всѣ они составляли большой кругъ. Если охота была продолжительна, то посреди палатокъ ставили походную церковь; отъ палатокъ, на ружейный выстрѣлъ, находились рогатки, при которыхъ стояла стража. Въ нынѣшней старой сокольничьей слободѣ, въ небольшихъ домикахъ, пздавна жили лѣсничьи и охотники, воспитатели и хранители соколовъ (*). Сокольничья роца встарину представляла самыя сумеречныя дебри и вмѣщала въ себѣ множество дикихъ звѣрей; привольно тамъ было и крылатымъ и рогатымъ, и звѣрю прыгучему и птицѣ поднебесной. Встарину считалось святотатствомъ дѣлать большія вырубки деревъ въ этомъ почтенномъ лѣсу, хотя въ глубинѣ его много было старыхъ, отжившихъ свой долгій вѣкъ деревьевъ; много было хворосту и валежнику; впрочемъ все это тщательно хранилось отъ расхищенія. Тогда

(*) Нѣкоторые старожилы помнятъ, какъ они сживали у вала съ соколами, головы которыхъ нахлобучены были колпачками. Въ Соколяничьей слободѣ находился одинъ только каменный домъ (на нынѣшней Сокольничьей улицѣ), въ которомъ помѣщалось отдѣленіе тайной канцеляріи, а близъ нея казенный фуражный дворъ.

еще не было сквозныхъ просѣковъ и укатанныхъ дорогъ посреди лѣса, за то вся тамошняя мѣстность напоена была здоровымъ смолистымъ благоуханіемъ и сохранена отъ зловонной пыли. Въ началѣ текущаго столѣтія этотъ лѣсъ считали лазаретнымъ, потому что доктора преимущественно посылали въ него жить больныхъ своихъ паціентовъ, какъ на сухую и здоровую почву.

Дачи начали строить въ Сокольникахъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, на арендуемой у кремлевской экспедиціи землѣ; Камергеръ Верхманъ одинъ изъ первыхъ выстроилъ около вала нѣскольکو дачъ и по этому случаю давалъ своимъ знакомымъ праздникъ на открытомъ мѣстѣ; одѣтыя амазонками дамы съ кавалерами на лошадяхъ, подъ музыку, исполняли тамъ фигуры французской кадрили. Народнаго же гулянья, кромѣ первомайскаго, въ Сокольникахъ долго не было; если какое-нибудь семейство желало выпить чаю на чистомъ воздухѣ, то возили съ собой туда самовары со всѣми принадлежностями; тамъ располагались они или около Яузы, или около Ширяева поля, у колодца, называемаго *котелокъ*. Народныя гулянья и по праздникамъ и по буднямъ начались въ Сокольникахъ въ 30-хъ годахъ, почти одновременно съ гуляньями въ Петровскомъ паркѣ и между этими мѣстностями происходила кон-

курренція (*). Куртнеръ, для удовольствія сокольничьихъ дачниковъ, выстроилъ на Волчьей доли-нѣ палатку, (нынѣ содержащую Зиминимъ) въ ко-торой потѣшались музыкальными балными вече-рами не одни дачники, но и многіе пріѣзжіе изъ Москвы. Съ того времени начали размножаться тамъ вычурныя дачи — дворцы, цѣлая выставка дачъ и явилась самоварная, отчасти вакханиче-ская и прочая промышленность.

Что касается до современнаго, прозаическаго перво-майскаго гулянья, то оно всѣмъ извѣстно; самыя блестящія по обстановкѣ своей катанья и разгуль въ этотъ день происходили въ концѣ про-шедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія, когда еще вѣкъ Екатерины сливался съ вѣкомъ Алек-сандра, когда еще пышное барство ярко отлича-лось отъ прочихъ сословіи народа. Тогда уже на-чиналась *новая старина*. Но прежде, нежели сдѣ-лаемъ очеркъ тогдашнимъ гуляньямъ, взглянемъ на ихъ происхожденіе.

Первомайское гулянье началось въ Москвѣ со временъ Петра I-го; оно какъ и Рождественская

(*) А. А. Башиловъ изъявлялъ свое неудовольствіе Курт-неру за то, что опъ своими гуляньями въ Сокольникахъ отклонилъ публику отъ парка. Куртнеръ отвѣчалъ ему: мы устраиваемъ увеселительные вечера для дачниковъ, а про-чихъ пожалуй прикажите отгонять.

елка, перенято нами у иностранцевъ, которые со временъ В. Кн. Иоанна III, начали поселяться въ разныхъ частяхъ города. Царь Алексѣй Мих. отвелъ имъ мѣсто въ нынѣшней нѣмецкой слободѣ, извѣстной прежде подъ финскимъ именемъ: *Кокуй*. Петръ I-й поселилъ плѣнныхъ шведовъ близъ Сокольниковъ, гдѣ онъ, на берегахъ Яузы, имѣлъ свой дворець. (*) Иностранцы, болѣе нѣмцы, воспоминаая свой отечественный праздникъ, (1-е мая) въ этотъ день собирались въ Сокольничью рощу, гуляли и пировали въ ней. Петръ неоднократно угощалъ тамъ нѣмецкихъ мастеровъ. На Сокольничьемъ полѣ ставили палатки и *станы* (столы) для пиршества. Въ Россіи первымъ весеннимъ праздникомъ считался юрьевъ день (23 Апр., день св. Георгія побѣдоносца); этого святаго называютъ защитникомъ дѣвиць и покровителемъ сельскихъ работъ, стадъ и пастуховъ; это собственно деревенскій праздникъ; въ этотъ день и доселѣ выгоняють скотину освященной вербой въ поле. (**) Встарину у насъ на Руси почти весь Май мѣсяць (по слав.

(*) Путеводитель по Москвѣ, 1792 г.

(**) Тогда пѣвали пѣсенку:

Какъ украсится долина,
Разыграется скотина,
И коровы, и быки,
И бабѣ и мужики.

ловыхъ, чубарыхъ, вороныхъ, съ манежной выступкой, съ кокардами на головахъ, въ блестящей сбруѣ. У нѣкоторыхъ господъ парадные экипажи были вызолочены, стекла въ нихъ сверкали цѣльные съ фацетами, лошадымъ управляли осанистые усатые кучера, вооруженные длинными бичами, въ треугольныхъ шляпахъ съ напудренными косами; форрейторы были почти дѣти. (*) Сзади каретъ стояли парные лакеи, высокіе гайдуки, одѣтые егерями, сербами, албанцами и гусарами. Иногда впереди экипажей бѣгали извѣстные скороходы; опираясь на длинныя булавы, они дѣлали размашистые скачки; одѣты они были въ легкія куртки съ ленточными наколками на локтяхъ и на колѣнкахъ, на головахъ ихъ пестрѣли разноцвѣтныя шелковыя шапочки съ кистями. Въ окнахъ каретъ видѣлись распудренные головы господъ, бархатные и атласные кафтаны: желтые, розовые, морковнаго и абрикосоваго цвѣта, унизанные блестками, плюсовые камзолы (въ родѣ жилетовъ) съ стальными пуговицами, лосинныя чинчиры (нижнее платье) и т. д. Дамы красовались съ символиче-

(*) Тогда за скорую ѣзду по городу возникли и лакеевъ сѣкли въ позиціи *кошками* (ременные кнуты съ желѣзными когтями на оконечности). Скоро ѣздить дозволялось тогда только: священникамъ со св. Дарами, докторамъ и акушеркамъ, для немедленнаго поданія помощи больнымъ.

скими мушками на лицѣ, въ пышныхъ газетовыхъ робронтахъ, въ длиннохвостыхъ платьяхъ съ прорѣзами на бокахъ и съ фижмами или съ бочками, съ валькамп; головы ихъ также были напудрены серебристою, золотистою или розовою пудрою (для усиленія блеска въ глазахъ) волосы причесаны палисадникомъ или взбиты въ родѣ лебяжьяго пуха, а букли штопоромъ висѣли на подобіе висячихъ вавилонскихъ садовъ, башмаки востроносые, стерлядками.

На первомайскомъ гуляньѣ пѣвали цыгане въ обшитыхъ позументами казакинахъ; запѣвало держалъ гитару, предъ нимъ полукругомъ стояли избранные пѣвцы и пѣвицы; какъ прoderнетъ онъ по струнамъ, поведетъ глазами да матнетъ головой — раздастся точно ураганъ, хоръ гармоническихъ голосовъ. Цыгане, въ началѣ текущаго столѣтія, начали входить въ большую моду въ Москвѣ; въ англійскомъ клубѣ по субботамъ назначаемы были обѣды, на которыхъ, говорили тогда: будетъ уха съ цыганами. (*)

Только превосходительныя особы, по указу Ека-

(*) Кстати замѣтимъ, что Англійскій клубъ помещался до нашествія непріятеля въ домѣ Кн. Гагарина, на Страстномъ бульварѣ, гдѣ нынѣ новая Екатерининская больница; этотъ домъ горѣлъ въ 1812 г. Послѣ того его снималъ экилибристъ Финарди и показывалъ тамъ свои кощія ристанія.

такой же городокъ, какъ и въ Петровскомъ паркѣ, со всѣми атрибутами городскихъ жилищъ, отъ которыхъ лѣтомъ бѣгутъ горожане на чистый воздухъ. А гдѣ его тамъ взять? тамъ и въ самой рошѣ атмосфера пропитанная пылью, точно завѣшана флеромъ; а для просѣковъ то сколько съ трескомъ и стономъ пало богатырей сосенъ, лѣсъ обнажился, оплѣшивѣлъ, подь тѣнь идти далеко и опасно; тамъ, ближе къ Жузѣ, мѣстность называется *Грабиловкой* (по шерсти клочка); русскіе баши-бузуки держатъ лѣсъ въ осадномъ положеніи. Собственно въ Сокольникахъ, т. е. въ слободкѣ, есть купальни, состоящія изъ нечистыхъ ящиковъ, въ которыхъ полощатся, барахтаются какъ-то купаются наизусть въ тинѣ или въ мутной, стоячей водѣ, какъ и въ самой обмельчавшей Жузѣ.

За этой рѣчкой-лужицей, въ которой и воронъ не узналъ бы самъ себя, на взгоркѣ стоитъ деревня *Богородское*, наполненная дачниками. Тамъ живутъ большею частію веселые люди, и въ Сокольникахъ и въ Богородскѣ преусердно танцуютъ, иногда до цинизма, безцензурно; но что же дѣлать, вѣдь и въ ковчегѣ Ноя находились не одни ручныя животныя.... Собственно въ деревнѣ Богородской, (правѣе), дачки небольшія, простенькія, а ближе къ кругу (носящему неблагозвучное названіе: *плъшь*) дачи дороже и лучше. Позади Богородскаго прости-

рается большой лѣсъ, въ который дозволяется ходить подь строгимъ присмотромъ тамошней стражи, съ условіемъ: не собирать грибовъ и ягодъ, Что касается до Сокольниковъ, то, можно сказать, на старомъ гуляньѣ отразились вульгарныя увеселенія Марьиной рощи. Почему бы въ Сокольникахъ и въ Останкинѣ, на всѣхъ поворотахъ въ лѣсъ не прибить досокъ съ надписью: *Здѣсь, какъ и вездѣ, запрещается давиться*, (вѣдь есть же доски въ садахъ и на бульварахъ съ надписью: *не мять травы, не рвать цвѣтовъ*;) а то каждое лѣто въ тамошнихъ лѣсахъ появляются висѣльники, точно медальоны, висящіе на высокихъ деревьяхъ.

ГЛАВА XIII.

Мѣстности за Спаской заставой съ своими окрестностями.

Село Люблино, Самарова гора, Перервинскій и Угрѣшскій монастыри, Кузьминки, Измайлово.

За Спаской заставой представляется съ правой стороны село *Коломенское* и Перервинскій монастырь, а съ лѣвой старообрядческое кладбище. На шестой верстѣ отъ заставы встрѣчается дорожка, обсаженная деревьями; тамъ, на путеуказателѣ,

находится надпись: *Въ Люблино*. Въ сумеркахъ время прошедшихъ трудно отыскать заселеніе и названіе этой мѣстности *Люблинымъ*. Быть можетъ еще Царь Алексѣй Михайловичъ охотился тамъ и *облюбовалъ* это мѣсто, а быть можетъ, что оно заимствовало свое названіе отъ города *Люблина*, взятаго русскими, въ царствованіе этого государя. Дача эта еще въ концѣ прошедшаго столѣтія принадлежала Дѣйств. Ст. Сов. Николаю Алексѣевичу Дурасову, а послѣ перешла во владѣніе сестры его, Аграфены Алексѣевны Дурасовой.

Проѣхавъ густой боръ, вдругъ показывается долина, съ лѣвой стороны осѣняемая живою природною изгородью лѣса, а съ правой оканчивающаяся изгибистыми отлогостями и прудомъ, обгибающимъ противоположную возвышенность, на которой красуется домъ. (Въ настоящее время путь къ Люблину нѣсколько измѣненъ по желѣзной дорогѣ). Планъ дома очень замѣчательнъ: онъ представляетъ тупой крестъ, четыре оконечности котораго соединяются выгнутыми двойными колоннами, образующими кривые балконы; второй этажъ похожъ на первый, но менѣе его; третій составляетъ ротонду, куполь всего зданія; на самомъ верху его помѣщена статуя, изображающая Аполлона. Этотъ домъ походитъ на сельскіе дома, (палаццо) находящіеся около Рима. Внутри дома

ровъ, въ которомъ московскимъ жителямъ удобно располагаться съ самоварами (*). За лѣсомъ находится дача *Самарова гора*; здѣсь лѣтомъ жилъ Карарамзинъ, гдѣ, вѣроятно, писалъ свои повѣсти; предъ глазами его открывалась большая часть Москвы и Коломенское; это могло вдохновить его теплую душу для патриотическихъ произведеній. Рассматривая въ географическомъ словарѣ Щекотова рѣку *Самару*, Екатеринославской губерніи, видимъ, что близъ нея протекаетъ рѣка *Московка* и основанъ городъ *Новомосковскъ* (**), изъ этого можно заключить, что урочище это принадлежало Кн. Вас. Вас. Голицыну, который во время Крымскаго похода на этой рѣкѣ построилъ въ 1687 г. городъ *Богородскъ*, именовавшійся также *Самарою* (при заключенномъ при рѣкѣ Прутѣ миру съ Турціею, этотъ городъ былъ разоренъ и потомъ возобновленъ Минихомъ). На границѣ Люблина и Самаровой горы лѣсъ оканчивается.

(*) Люблино въ настоящее время куплено Г. Голофтевымъ; онъ поновилъ тамошнія зданія, садъ и лѣсъ, настроялъ много хорошихъ (но дорогихъ) дачъ и приобрѣлъ съ политехнической выставки хотя небольшую, но изящную церковь.

(**) На рѣкѣ *Московкѣ* находится въ степи *Сергіевскій монастырь*, который въ 1754 г. украшенъ былъ ретрацшементами.

Въ заключеніи описанія Люблина скажемъ, что Г. Дурасовъ былъ извѣстный хлѣбосоль; домъ его находился на Покровскомъ бульварѣ, принадлежащій нынѣ Практической академіи.

Вотъ и *Перервинской монастырь*, противъ Коломенскаго, основаніе котораго относится къ 16-му вѣку; онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ *Николы Стараго*. Есть преданіе, что Москва-рѣка преждѣ протекала подъ самымъ монастыремъ, потомъ какъ бы прервалось ея теченіе и она отклонилась къ селу Коломенскому. Митрополитъ Платонъ учредилъ тамъ Семинарію, (переведенную въ 30-хъ годахъ въ Москву, въ бывшій домъ Остермана, что въ каретномъ ряду, а въ Перервинскомъ монастырѣ осталось низшее духовное училище); для Перервинской Семинаріи выстроено было большое зданіе. Митрополитъ часто навѣщалъ тамъ свою паству; въ 1786 г. Императоръ Александръ Павловичъ, бывши еще Великимъ Княземъ, хаживалъ изъ Коломенскаго въ монастырь пѣшкомъ и посѣщалъ Платона. Эта мѣстность въ настоящее время есть лѣтній пріютъ для учениковъ Межеваго института. На перерву можно проѣхать и чрезъ Семеновскую заставу.

Къ юго-востоку отъ Люблина видѣнъ монастырь *Угрьшской*, во имя св. Николая, отстоящій отъ него въ семи верстахъ; по монастырскимъ запи-

скамъ значится, что онъ основа нъ въ 1381 г. при В. Кн. Донскомъ, которому, во время похода противъ Мамая, на этомъ мѣстѣ явилась икона св. Николая Чудотворца. По одержаніи побѣды надъ Мамаемъ, съ соизволенія В. Князя, сооруженъ тутъ храмъ во имя св. Угодника и это мѣсто названо *Угрюшою*. Въ настоящее время монастырь улучшенъ и роскошно обновленъ; въ древнія времена это была пустынная лѣсистая мѣстность, какъ и прочіе загородные монастыри, пока къ нимъ не подвернулись услужливыя и угодливыя слободки.

Недалеко отъ этой мѣстности находится прекрасное селеніе дача Князя Сергія Мих. Голицина, называемая *Кузьминки*, (Мельница тожъ). Она расположена ближе къ Москвѣ, нежели Угрюша; ѣхавши изъ Покровской заставы на ровномъ разстояніи отъ Москвы, поворотъ на лѣво къ Кускову, а къ Кузьминкѣ, на седьмой верстѣ, съ большой дороги, начинается аллея, подводящая къ этому селу. Около самого его синѣются расчищенные лѣса; въ Кузьминкахъ настроено много большихъ дачныхъ зданій, а самый барскій домъ, изящной архитектуры, выходитъ главнымъ фасадомъ въ садъ, украшенный множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Почти весь этотъ садъ расположенъ на берегахъ обширныхъ прудовъ; это мѣсто неизменно

и отчасти сыровато. Въ саду замѣчательна коло-сальная статуя — памятникъ, въ честь посѣщенія Кузьминокъ Имп. Марією Феодоровною. Покойнаго и маститаго вельможу, Князя, служившаго нѣсколькимъ Императорамъ, посѣщаль и покойный Государь, Николай Павловичъ и нынѣ благополучно царствующій, Александръ Николаевичъ, бывши еще Вел. Княземъ. Въ саду находятся очень красивые гроты, близъ дома возвышается церковь съ чудотворною иконою Влахернской Божіей Матери. Второго іюля, въ день празднованія этой иконѣ, тамъ бываетъ многолюдное гулянье. Въ Кузьминкахъ, въ устроенomъ большомъ зданіи, находится образцовая ферма.

Мѣстности за заставами: Семеновской и Преображенской.

Прежде всего скажемъ о селахъ: *Преображенскомъ* и *Семеновскомъ*, которыя были загородными, а нынѣ вошли въ районъ Москвы.

Семеновскія слободы (нынѣ большая улица Семеновская) начинались отъ Покровскаго моста; при нихъ находилась и находится каменная церковь *Введенія Пресв. Богородицы*, основанная въ 1730 г. при Имп. Аннѣ, вмѣсто деревянной; она была полковою церковью. Позади Семеновскихъ слободъ и Хапиловскаго пруда расположено село Преображенское (нынѣ тоже улица на окраинѣ столицы).

Здѣсь царственный юноша, Петръ, составилъ для своей забавы *потѣшныхъ* (*), которыхъ сперва было только 15 человекъ, а послѣ размножилось столько, что часть ихъ перевели въ Семеновское село; въ послѣдствіи времени, въ 1769 г., эти потѣшные стали болѣе извѣстны подъ именемъ полковъ *Преображенскаго* и *Семеновскаго*. Здѣсь раздавался трескъ выстрѣловъ и грохотъ барабановъ, здѣсь положенъ былъ камень основанія новыхъ формъ воинскаго порядка. По преданію, въ *Преображенскомъ*, между огородами, долго существовали слѣды тайной канцеляріи. Въ Преображенскомъ находится древняя каменная церковь *Спаса Преображеніи Господня*, съ придѣлами *Петра* и *Павла*; прежде, по удостовѣренію лѣтописцевъ, тамъ была полотняная церковь Преображенскаго полка. Имп. Анна приказала на этомъ мѣстѣ построить деревянную, а въ 1746 г., иждивеніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, сержанта Третьякова, построена каменная.

Первое ближайшее селеніе отъ заставы есть *Черкизово*, приселокъ къ селу Измайлову, вотчина св. Алексѣя Митрополита; по преданію, оно было куплено имъ, что подтверждается подписью его на

(*) Царевна Софія Алекс., изъ нецрїязни къ брату своему, Петру, называла потѣшныхъ конюшими и комедіантами, въ то время, когда приверженные ей стрѣльцы играли трагическія роли.

оборотной сторонѣ иконы, находящейся въ Чудовѣ Монастырѣ: купилъ Черкизово сельцо за свое серебро. Начиная съ Митрополита Алексѣя, это загородное мѣсто долго было любимымъ лѣтнимъ пребываніемъ московскихъ Святителей. Митрополитъ Платонъ возобновилъ въ Черкизовѣ заброшенный домъ Тимоѳея Щербатскаго; тамъ, позади древней церкви св. Пророка Іліи, на холмѣ, возобновилъ онъ и садъ, украсилъ его цвѣтами, обнесъ каменною оградой, насадилъ березовую рощу, а при подошвѣ холма расчистилъ большой, обильный рыбью, прудъ и укрѣпилъ плотиною, на которой построилъ мельницу. Онъ нарочно пріѣзжалъ изъ Виѣнни въ Черкизово, и проживалъ тамъ нѣсколько времени. (*)

Въ Черкизовѣ также есть дачи; дорога, ведущая чрезъ него въ *Берлюковскую пустынь* (находящаяся за 40 верстъ отъ Москвы при рѣкѣ Варѣ), называется *Остромылкою*. По ней, по обѣимъ сторонамъ опушки далеко раскинувшася лѣса, на

(*) Принцъ де-Линь писалъ въ своихъ запискахъ: Однажды Митр. Платонъ гулялъ въ саду въ Черкизовѣ, одѣтый по домашнему (въ одноряскѣ и въ черной визаной шапочкѣ); у воротъ сада остановилась карета, изъ нее вышла Княжна Голицына и подошла къ Платону за благословеніемъ. Митрополитъ сорвалъ лучшую розу въ своемъ саду и благословилъ молодую Княжну этимъ пышнымъ цвѣткомъ.

вершинахъ высокихъ деревъ, въ 1812 г. устроены были изъ сучьевъ шалаши и въ этихъ воздушныхъ караульняхъ крестьяне окольныхъ деревень подстерегали непріятельскихъ мародеровъ (называемыхъ *міродерами*), чтобъ тотчасъ дать знать о появленіи ихъ скрывавшимся въ лѣсу казакамъ.

Дворцовое село Измайлово находится за нѣмецкимъ кладбищемъ, что на Введенскихъ горахъ, между дорогами Остромынкую и большою Владимірскою, на равномъ двухверстномъ разстояніи отъ заставъ Преображенской и Семеновской; если ѣхать чрезъ послѣднюю, то, не доѣзжая до этого села, встрѣчается бывший звѣринецъ, огромный патриархальный лѣсъ, простирающійся до самой Владимірки и далѣе (близь которой устроена пасѣка, пчелиное производство). «Гдѣ конецъ этому лѣсу, только Богу извѣстно», говорили наши дѣды. Измайлово достопамятно по многимъ отношеніямъ: тамъ наши цари-помѣщики занимались своимъ сельскимъ хозяйствомъ, начиная съ Михаила Ѳед.; тамъ Петръ I-й нашелъ модель кораблестроенія, которая озарила душу его счастливою мыслию — основать въ Россіи флотъ; тамъ организовалась часть гвардіи (Измайловской полкъ). Кромѣ того въ Измайловѣ стали разводить фруктовые сады и небывалыя еще у насъ разныя иностранныя растенія и основаны были заводы: стеклянный и чу-

гунный. Оно считается изстари вотчиною бояръ Романовыхъ.

Измайлово состоитъ собственно изъ селенія и дворцовыхъ зданій; сооруженіе въ немъ каменной церкви, во имя Рождества Богородицы относится къ XVII ст. (прежде находилась въ немъ деревянная церковь).

Казенныя зданія расположены тамъ между селомъ и звѣринцемъ, на островкѣ, между прудомъ при рѣчкѣ Серебровкѣ. Царь Алексѣй Мих. особенно любилъ отчину своихъ предковъ; при немъ построенъ былъ обширный домъ-замокъ съ двумя высокими готическими башнями, служившими для него воротами; на нихъ находились голландскіе часы съ курантами. Эти покои помѣщали въ себѣ множество придворныхъ служителей. Посреди площади, на ровномъ дворѣ, стояли тесовыя царскія палаты съ теремами, выстроенныя изъ толстыхъ брусевъ, привезенныхъ въ войлокахъ изъ заповѣдныхъ муромскихъ лѣсовъ. (Давно уже эти палаты не существуютъ.) Прудовъ въ Измайловѣ 12; они приводили въ движеніе 7 мельницъ; эти пруды были наполнены разнаго рода рыбами, въ числѣ которыхъ были щуки съ золотыми серьгами, для забавы царевенъ. Дворцовая двухъ-этажная церковь, съ парапетами, во имя св. Іоасафа (царевича Индійскаго), примыкала къ царскимъ

палатамъ; въ верхнемъ этажѣ ея устроены были хоры, на которыхъ царицы и царевны стояли во время богослуженія. Въ 1780 г. она разбита громомъ.

Церковь во имя Покрова Б. М. (вѣроятно деревянная), существовала (какъ видно изъ дѣлъ Патріаршаго приказа) до половины XVII ст. Нынѣ, за восточными воротами дворца, на возвышеніи, стоитъ величественный каменный пятиглавый соборъ, при которомъ, вмѣсто колокольни, находится шатровая башня съ подъѣздными воротами; въ нижнемъ жильѣ ея помѣщались церковнослужители, а въ среднемъ собиралась царская дума (а послѣ Сенатъ). Въ саду, разведенномъ Царемъ Алексѣемъ, прогуливался юный Петръ съ своими наставниками. Въ позднѣйшее время тамъ устроенъ былъ воксаль для публики.

Изъ этихъ садовъ нѣкоторыя хлѣбныя травы отсылались въ аптекарскій приказъ, а плоды употреблялись для Двора. (*) При Алексѣѣ же Мих. разведена роща на 115 десятинъ для звѣринца, который наполненъ былъ многими дивными животными. Послѣ, въ 1730 г., устроенъ былъ Ан-

(*) Ботаническій, прежде называвшійся: аптекарскій садъ, за Сухаревой башней, на 1-й Мѣшанской улицѣ, принадлежащій университету, разведенъ изъ растений Измайловскаго сада.

ною Ив. новый звѣринець, Петръ II-й ѣзжалъ въ старый звѣринець. съ своими любимцами на охоту и проводилъ тамъ масляницу. Анна Ив., также любя ружейную стрѣльбу, (*) ѣзжала съ Бирономъ въ новый звѣринець стрѣлять зайцевъ.

Императр. Елизавета съ племянникомъ своимъ, Петромъ Ѳед., также охотились въ одномъ изъ тамошнихъ садовъ; ея примѣру слѣдовали и нѣкоторые русскіе вельможи съ иностранными посланниками.

Строенія, касающіяся до тамошняго хозяйства, были огромны и прочно выстроены. Тамъ риги были каменные и швы между камнями залиты свинцомъ; житницъ тамъ было болѣе десяти и въ нихъ хранилось до 30 тысячъ обмолоченнаго хлѣба, который, во время неурожая, раздавался крестьянамъ на сѣмена; на птичемъ дворѣ расхаживали стаи всякаго рода птицъ, на конюшнѣ стояло множество лошадей разныхъ породъ. Царь Іоаннь Алекс. пріѣзжалъ часто въ Измайлово съ царицею Прасков. Ѳед. и царевною Софіею забавляться рыбною ловлею. Петръ приводилъ туда изъ Преображенскаго потѣшныя полки свои для отдыха и угощалъ ихъ заморскими напитками и лакомствами. Анна Іоан. заботливо поддерживала свою отчину, но при Имп. Елизаветѣ уничтожены тамъ

(*) По свидѣтельству Миниха.

были всѣ хозяйственныя заведенія, и пахотныя царскія поля розданы крестьянамъ, съ наложеніемъ на нихъ нѣкоторой платы. Послѣ того соборная церковь превращена въ приходскую, а придворная совершенно запустѣла.

Тамъ въ царскомъ хуторѣ, на небольшомъ театрѣ, царевна Софія распорядилась драматическими представленіями. (*) Въ теремахъ царицы пряли ленъ, ткали новину, шили рубашки, ширинки и убрusy, (**) вышивали золотомъ, стекларусомъ и шелками церковныя пелены, списывали псалтыри. (***) Въ праздничные дни къ царскимъ хоромамъ собирались сельскія дѣвушки на хороводъ и ихъ угощали разными сладостями. Въ зимнее время тамъ устраивали горы. Измайлово стало клониться къ упадку съ тѣхъ поръ, когда Дворъ переселился изъ Москвы въ Петербургъ; изъ матеріаловъ Измайловскихъ ригъ построенъ въ Москвѣ у Красныхъ воротъ *Запасный дворецъ*; по преданіямъ старожиловъ, въ опустѣлыхъ царскихъ подвалахъ скрывались недобрые люди; это были своего рода тайни-

(*) Преданія объ селѣ Измайловѣ А. Ѳ. Малиновскаго.

(**) Старинный головной нарядъ, въ родѣ чепца, иначе называемый: *разлетай*; послѣ убрусы присвоены были раскольницами, въ которыхъ ихъ и хоронили.

(***) По тогдашней формѣ буквъ: кривульками, да рагульками.

ки. Обѣ нихъ упоминается въ одной старинной пѣснѣ:

*Ахъ вы выходы, выходы,
Погреба государевы.*

Въ настоящее время въ Измайловѣ устроена Имп. Николаемъ I-мъ прекрасная богадѣльня для военныхъ инвалидовъ; всѣ зданія въ немъ обновлены, улучшены, можно сказать: воскрешены. Измайлово составляетъ цѣлую деревню или слободку; въ немъ также находятся неприхотливыя дачи.

ГЛАВА XIV.

Мѣстности и дачи въ окрестностяхъ заставъ Проломной и Симоновской.

Проломная застава, какъ и Трехгорная, выстроены были послѣ прочихъ заставъ. Проломная называлась просто Проломомъ; она близъ бывшего Екатерининскаго дворца, за кадетскими корпусами; около нея до сихъ поръ существуетъ Анненгофская роща и Новоблагословенная церковь. Прежде здѣсь находилась придворная дневальная и конной гвардіи караульная конюшня. Черезъ нее, проселкомъ, можно выѣхать и къ Покровской заставѣ и на владимірскую дорогу. Черезъ Симоновскую заставу прежде ѣзжали въ Кожухово и въ село Коломен-

ское; за нею встарину было зданіе, въ которомъ содержались дворцовые соколы, (·) Собственно къ Симонову монастырю изъ Москвы шла и идетъ дорога мимо Новоспасакаго монастыря и Крутитцкой слободки, за которыми въ полѣ находятся пороховые магазины, обведенные рвомъ и валомъ. Отсюда открыто представляется мастатое зданіе Симонова монастыря съ его высокой колокольней.

По вкладной письменной книгѣ, скрѣпленной рукою Патріарха Іосифа, видно, что эта обитель начата строиться какимъ-то Григоріемъ Хавринымъ; но можетъ быть это относится къ основанію новаго монастыря, а собственно начало Симоновской обители произошло въ 1370 г. не на этомъ мѣстѣ, но далѣе, гдѣ находится церковь Рождества Пресв. Богородицы, около слободки, извѣстной подъ именемъ *Стараго Симонова*; она была деревянная. (**) Въ послѣдствіи времени, когда преставился преподобн. Сергій Радонежскій, ученикъ его, Архимандритъ Θεодоръ, перенесъ монастырь на теперешнее мѣсто. Къ историческимъ достопамяностямъ этой мѣстности относится много происше-

(·) Описаніе Москвы Рубана, 1775 г.

(**) Тамъ погребены тѣла иноковъ-воиновъ, сподвижниковъ Донскаго, Пересвѣта и Ослабя; гробницы на могилахъ ихъ поставлены Екатериною II. Это бѣдная укромная и уединенная сельская церковь.

ствій; полагають, что урочище, названное *Симонь*, принадлежало нѣкогда именитому Боярину изъ рода Головиныхъ, Симону. Поразительно-величественно это зданіе: взгляните на его ветхія пестрыя башни, на царскую вышку, на его соборъ съ чудными сѣнями, на открытую площадь его или террасу, на каменные крыльцы. Сколько тамъ памятнаго отъ могилы Царя Симеона (*) и могилы поэта Веневитинова, до бывшего усладительнаго пѣнія монаховъ (въ 30-хъ годахъ), созданнаго мелодическою думою инока Виктора Акаковъ видъ съ Симоновой горы на Москворѣчье!

Въ соборной церкви виденъ вкусъ древней архитектуры; при ней находится богатая ризница. На колокольнѣ есть колокола съ надписями; всѣ они почти относятся ко временамъ Царя Михаила; въ нихъ любилъ звонить царь Федоръ Алексѣевичъ, который по постамъ живалъ въ монастырѣ и трапезовалъ въ братской трапезѣ вмѣстѣ съ монахами, подъ монотонное чтеніе псалтыря. Вотъ за валомъ и *Святой прудъ*, гдѣ, подъ стеклянными оконницами плавали нѣкогда обросшія

(*) Казанской Царь, Симеонъ Бекбулатовичъ, принявшій христіанскую вѣру, а предъ кончиною обрядъ схимника. На Симоновскомъ кладбищѣ похоронены тѣла многихъ знатныхъ особъ: Бутурлиныхъ, Гр. Головиныхъ, Татищевыхъ и другихъ.

мхомъ рыбы, сберегаемая для царскаго завтрака, на то время, когда Царь Алексѣй заѣзжалъ въ эту обитель, на пути въ Коломенское и отдылалъ у си-моновскаго настоятеля. Впослѣдствіи времени этотъ прудъ назвался *Лизинымъ*, который опоэтизиро-валъ въ своей сентиментальной повѣсти Карам-зинъ и утопилъ въ этой лужицѣ какую-то небыва-лую, обольщенную и покинутую Лизу крестьянку. Читая эту повѣсть, сколько слезъ пролили наши ба-бушки! Въ настоящее время ужъ нѣтъ тѣхъ раз-вѣсистыхъ березъ, которые, окружая его такъ жи-вописно, склоняли надъ нимъ свои вѣтви; теперь тамъ стоитъ небольшая унылая семья деревь и на нихъ кое-гдѣ еще уцѣлѣли слѣды надписей, вы-ражающихъ чувства нѣжныхъ сердець... Вотъ близъ Симонова монастыря и *Бекетова дача*, въ уголкѣ, гдѣ умеръ пустыннокомъ добрый, ученый русскій археологъ, П. П. Бекетовъ; туда къ нему съѣзжались дружески бесѣдовать: Карамзинъ, Дми-тріевъ, Малиновскій; Дмитриевъ писалъ объ немъ:

Воспитанникъ любви и счастья богини

Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ,

Другихъ обогатилъ, а самъ какъ стоикъ жилъ

И умеръ посреди безмолвныя пустыни. (*)

(*) На Рождественкѣ, гдѣ нынѣ университетская клини-ка (на мѣстѣ бывшей медико-хирургической академіи, осно-ванной въ 1808 г.), въ прошедшемъ столѣтіи выстроилъ

За Бекетовской дачей, въ темной Тюхтелевой рощѣ, остались слѣды также другаго дѣятеля прошлаго вѣка — Львова, поэта, механика, придворнаго остряка, изобрѣтателя земляныхъ домовъ и друга Державина. Встарину извѣстны были стихи на предприимчивые проекты Львова:

Господинъ Львовъ
Леталъ до облаковъ
Просить боговъ
О заплатѣ долговъ.

Въ Симоновомъ монастырѣ въ 1771 — 1773 г. учрежденъ былъ госпиталь для зараженныхъ чумною язвою; съ 1788 г. именнымъ указомъ отданъ онъ былъ въ вѣдомство кригсъ-коммисаріата, для учрежденія въ немъ постояннаго госпиталя, а монастырскій окладъ и братію перевели въ другой монастырь. Въ 1795 г. обращенъ онъ снова въ

себѣ нѣсколько домовъ Графъ Лар. Ив. Воронцовъ; онъ развелъ садъ и открылъ у себя хлѣбосольный пріютъ для своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ господъ. Въ послѣдствіи времени этотъ домъ достался Г-жѣ Бекетовой, и въ немъ, на половинѣ пасынка ея, Плат. Петр. Бекетова, открылся другой пріютъ для литераторовъ того времени; въ одномъ изъ флигелей дома, гдѣ послѣ былъ анатомическій театр Академіи, Пл. Петр. завелъ лучшую въ то время во всей Москвѣ типографію.

прежнее состояніе. Въ 1812 г. тамъ непріатели сохраняли свои жизненные припасы.

За рощей стоитъ зажиточная, огородная деревенька, *Кожухово*; тамъ, бывши еще отрокомъ, Петръ, забавляясь, учился стрѣлять, защищать и брать крѣпости.

Въ Семеновской слободѣ есть уютныя дачи; близъ нихъ и рѣка и большая, сухая, сосново-пихтовая Тюхтелева роща, въ которой тоже есть дачи. Приятно погулять по всей тамошней мѣстности; Карамзинъ любилъ посѣщать ее, быть можетъ прекрасный видъ на Москву вдохновлялъ его писать тамъ патріотическія произведенія, въ томъ числѣ и поѣсть свою: «Вѣдная Лиза».

ГЛАВА XV.

Село Коломенское.

Сколько воспоминаній пробуждается въ душѣ русскаго человѣка, любящаго свое отечество, при взглядѣ на Коломенское, на слѣды событій, происшедшихъ въ этомъ историческомъ селѣ. Коломенское соединяетъ въ себѣ все и для очарованія глазъ: виды на Москву, на сельскія окрестности, на крутую гору, на безконечный лугъ, на Москврѣку. Теперь оно полузабыто, но прежде любова-

лись въ немъ благолѣпными храмами, пестрыми теремами и кудрявыми палатами русскихъ царей, этими сѣдыми исполинами древности.

Коломенское отстоитъ отъ столицы на семь верстъ; оно расположено тоже не на большой дорогѣ; въ него можно проѣхать чрезъ Спаскую и Серпуховскую заставу. Въ книгѣ, составленной А. Ѡ. Малиновскимъ въ 1809 г., подъ названіемъ: «Историческія свѣдѣнія о селѣ Коломенскомъ» (поднесенной Императору Александру I П. С. Валувымъ) видно, что первые поселенцы его были изъ города Коломны. Въ 1237 г. при нашествіи на Коломну Батья, нѣсколько семействъ приплыли отсюда по Москвѣ рѣкѣ на лодкахъ къ этому мѣсту и поселились на немъ; изстари, искусные въ садоводствѣ, они завели тамъ сады и огороды. Коломенское издревле принадлежало Московскимъ князьямъ; Великій Князь Іоаннъ Калита, по духовной своей, въ 1335 г. пожаловалъ его меньшему сыну своему, Кн. Андрею Боровскому, а сынъ Андрея, Владиміръ Донской, отказалъ его въ 1410 г. супругѣ своей Еленѣ, (въ иночествѣ Евпраксіи) которая, тоже по духовной, завѣщала Коломенское Вел. Кн. Василію Темному, а онъ, по смерти своей, предоставилъ это село своей супругѣ, Маріи Ярославовнѣ. Предъ постриженіемъ своимъ Вел. Княгиня Марія отдала эту отчину сыну своему,

Юанну III. Здѣсь Дмитрій Донской собирался на Куликовскую битву, здѣсь Василій Темный прощался съ Москвою, отправляясь въ орду.

По церковной исторіи митрополита Платона, мы видимъ, что въ 1531 г., при Вел. Кн. Васпліѣ Юанновичѣ, воздвигнута въ Коломенскомъ каменная церковь *Вознесенія Господня*, а въ 1532 г. она освящена. Въ запискахъ этой церкви замѣчено, что въ тогдашнее время *не было во всей Россіи церкви, подобной выотою, красотою и свѣтлостію*, что государь возлюбилъ ее, украсилъ многочисленными сосудами и святыми образами съ дорогими каменьями, что онъ былъ самъ на освященіи ея со всѣмъ семействомъ и было въ Коломенскомъ, по этому случаю, большое празднество и пированіе, въ продолженіи трехъ дней (*). Царь Юаннъ Вас. первое извѣстіе о завоеваніи царства Астраханскаго получилъ въ 1554 г. во дворцѣ Коломенскомъ. По лѣтописямъ извѣстно, что этотъ царь ежегогно праздновалъ тамъ день рожденія своего и тезоименитства съ іерархами и боярами. Около пятисотлѣтія русскіе государи непрерывно имѣли лѣтнее пребываніе въ Коломенскомъ двор-

(*) На галлерей церкви замѣчательны памятные кресла, придѣланныя къ алтарной стѣнѣ, на которыхъ Царь Алексій Михайловичъ, выходя изъ церкви, отдыхалъ.

цѣ, гдѣ у нихъ были свои дворцовыя сады, изобиліе плодовъ, древніе кедры, старыя пихты и пр. довольство. Въ царскомъ дворцѣ былъ любимый теремъ Царя Іоанна Васильевича, этотъ дворецъ былъ перестроенъ Царемъ Алексѣемъ Михайл. съ разными семейными прибавленіями.

Въ 1591 г., при Царѣ Ѳедорѣ Іанновичѣ, Крымскій ханъ Кази-Гирей, подошедъ къ Москвѣ съ многочисленнымъ ополченіемъ, остановился въ Коломенскомъ, пробылъ въ немъ полтора дня, разорилъ окрестныя деревни, но узнавъ о приготовленіи грознаго отпора въ русскомъ станѣ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Донской монастырь, (бывшее Воробьево поле) бѣжалъ изъ Коломенскаго. Въ слѣдующемъ году Царь возобновилъ опустошенное татарами Коломенское.

Въ смутныя времена, въ Ляхолѣтьѣ, по низложеніи Царя Шуйскаго, когда, послѣ кроваваго дождика, появился въ Россіи новый Тушинскій самозванецъ, онъ съ польскимъ воеводою, Сапегою, раскинулъ станъ свой въ Коломенскомъ; но когда бояринъ Салтыковъ съ единомышленниками своими впустилъ поляковъ въ Москву, то покинутый поляками самозванецъ бѣжалъ изъ Коломенскаго въ Калугу. По воцареніи Михаила изъ дома Романовыхъ, всѣ дворцовыя села получили на нѣсколько лѣтъ льготы отъ разныхъ повинностей, и на

память избавленія Москвы отъ поляковъ, заложена была въ Коломенскомъ каменная церковь во имя *Казанской Божіей Матери*. Она освящена была уже при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что видно изъ надписи на храмовомъ крестѣ ея. Этотъ государь забавлялся въ Коломенскомъ соколиною охотою; принятіе въ званіе сокольниковъ совершалось по особому обряду въ Коломенскомъ. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, а оттуда въ Коломенское, войдя на красный дворъ царскій, съ любопытствомъ осматривали Коломенскія зданія, въ томъ числѣ польскіе посланники, что видно изъ донесеній ихъ своему королю, 1672 г. Особенное вниманіе обратили они на искусную рѣзбу дубовыхъ верей (воротъ) дворца, удивлялись высотѣ и прочности башни о шести теремахъ, также внутреннему убранству теремовъ, красивыми изразцами печей и шелковыми тканями ковровъ. Въ переднихъ сѣняхъ дворца, на потолокъ, изображенъ былъ зодіакъ (солнечный путь); въ окнахъ виднѣлись двѣ доски, изображавшія гербы Россіи, а въ комнатахъ, которыя занималъ самъ государь, находились круглыя щиты, съ означеніемъ четырехъ частей свѣта. Предъ окнами стоялъ невысокій каменный столбъ, у котораго, въ опредѣленный день и часъ, являлись недовольные рѣшеніями приказовъ и увидя Государя у окошка, кланялись ему до лица земли

и оставляли на столбѣ свои челобитныя. У царицы были золоченыя окошки. Кусточки сирени означаютъ теперь то мѣсто, гдѣ красовался этотъ дворець.

Къ сожалѣнію, нигдѣ не осталось менѣ древнихъ памятниковъ, какъ въ Коломенскомъ (замѣчательно, что рисовальное изображеніе этого дворца, весьма вѣрное, находится въ британскомъ музеемъ) (*) Въ Коломенскомъ и отъ дворца Екатерины II, остался одинъ только фундаментъ. (**)

Малолѣтніе царевичи: Іоаннъ и Петръ, при возмущеніи стрѣльцовъ, въ 1782 г. отвезены были Царицею Наталіею Кир. въ Коломенское, откуда, для большой безопасности, отправились они въ Сторожевской Савинъ Монастырь. Въ дѣтнее время Петръ I-й жилъ въ Коломенскомъ съ новобрачною супругою своею Евдокіею Ѳед. Въ 1691 г. онъ приказалъ корабельному мастеру, Вранту, построить яхту, на которой въ полу ю воду совершилъ первый для него судоходный путь изъ Москвы

(*) Русскій Вѣстникъ 1822 г., № 5. Полагаютъ, что часть этого дворца осталась еще послѣ временъ царя Іоанна Вас. Въ обоихъ этажахъ его заключалось болѣе 150 комнатъ.

(**) Фундаментъ показываетъ, что дворець ея былъ не обширенъ, но за то онъ стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ, на крутогорь Москвы-рѣки, влѣво отъ Вознесенской церкви.

въ Коломенское. Возвратясь изъ Азовскаго похода (1695 г.) Петръ прибылъ въ Коломенское, откуда происходило торжественное вшествіе его въ Москву; также, послѣ Полтавской побѣды, въ 1709 г., онъ прибылъ изъ Петербурга прямо въ Коломенское, гдѣ узналъ о рожденіи дочери своей Елизаветы. Собравъ въ Коломенскомъ плѣнныхъ шведовъ и завоеванные трофеи, онъ съ большимъ церемоналомъ, при пушечной пальбѣ, при колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ и барабанномъ боѣ, вошелъ въ столицу. Находившаяся въ одной изъ палатъ Коломенскаго дворца колыбель Петра, возбудила у Сумарокова мысль, что онъ былъ рожденъ въ этомъ селѣ, (*) но это дѣло спорное; по другимъ документамъ видно, что Великій Государь родился въ Кремлѣ.

Имп. Петръ II пріѣзжалъ сюда на псовую и соколиную охоту. Имп. Елизавета Петровна, будучи рождена въ Коломенскомъ, тщательно поддерживала дворецъ своихъ предковъ. Коломенское всегда славилось фруктовыми садами своими, плодами произрастеній своихъ оно и до сихъ поръ снабжаетъ столичныхъ жителей. Взглянувъ на

(*) Сумароковъ писалъ:

Россійскій Вишелемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!

остатки тамошнихъ вишневыхъ аллей, можно вообразить, какъ они были обширны; огромные сибирскіе кедры и вѣтвистые дубы свидѣтельствуютъ, что эти сады разведены уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Тамъ особенно достопамятны еще два предмета: шатровый престарѣлый дубъ, подъ которымъ Зотовъ обучалъ грамотѣ юнаго Петра и тѣнистый кедръ, подъ раскидистою сѣнію котораго, въ 1787 г., учился Имп. Александръ Павловичъ, а подлѣ глубокаго рва, дѣлающаго нижній садъ живописнымъ и пріятнымъ для прогулки, существуетъ еще столѣтній ясень, который служилъ мѣстою для стрѣльбы этого Государя.

Въ лѣтнее, ваканціонное время, въ Коломенскомъ живутъ кадеты; тамъ настроено довольно дачъ и для столичныхъ жителей; чего же лучше: мѣстность прекрасная и изобильная всѣми лѣтними дарами.

ГЛАВА XVI.

Село Кусково—Спаское; праздникъ въ Кусковѣ по случаю прибытія въ него Имп. Екатерины II.

Оно находится въ семи верстахъ отъ Москвы, между шоссейнными дорогами Владимірскою и Рязанскою; по желѣзной же доролѣ большею частію

тра I-го Фельдмаршалъ Борисъ Петр. Шереметевъ, (*) герой Полтавской битвы, котораго Петръ называлъ своимъ Баярдомъ, рыцаремъ безъ страха и упрека. Шереметевы изстари имѣли хорошее, хотя незначительное состояніе. Цари жаловали ихъ отчинами за вѣрную службу; такъ и Борисъ Петр. получалъ помѣстье въ Малороссіи, въ честь имени его названное *Борисовкой*; но единственный наслѣдникъ его, Петръ Бор., приобрѣлъ громадное состояніе супружествомъ съ дочерью князя Алексѣя Мих. Черкаскаго, Варварою Алексѣвною; къ родовому *куску* своему, названному *Кусковымъ*, Петръ Б. получилъ отъ кн. Черкаскаго Останкино и Вишняково (перешедшее къ нему отъ Одоевскихъ) и прочія помѣстья. Онъ былъ близокъ къ Имп. Петру II, слѣдовательно и къ Кн. Долгорукимъ, но во время извѣстной катастрофы, случившейся съ Кн. Иваномъ Долгорукимъ, за которымъ была замужемъ сестра его, Наталья Бор., онъ умѣлъ удержаться въ почетѣ, при дворѣ Анны и Елизаветы.

При Имп. Екатеринѣ II-й, Генераль Аншевъ, Петръ Бор. въ 1783 г., при учрежденіи губерній,

(*) Графское достоинство введено у насъ въ Россіи въ 1698 г., по желанію Петра I-го, римской Императоръ Леопольдъ возвелъ въ графское достоинство Головина.

во время первыхъ дворянскихъ выборовъ въ Москвѣ, единогласно избранъ былъ московскими дворянами въ предводители, и съ тѣхъ поръ предался онъ загородной жизни, съ тѣхъ поръ Кусково получило свое значеніе и славу. Прежде Кусково называлось *Спаскимъ*, церкви, во имя Спаса Нерукотвореннаго, которая находилась на мѣстѣ нынѣшней оранжереи; старинная домовая церковь уцѣлѣла, но ближе къ дому и пруду выстроена новая, зимняя; здѣсь находился тѣльникъ, грудной крестъ Бориса (Петр.). Графъ не щадилъ издержекъ на устройство своей загородной дачи. До сихъ поръ посѣщающіе Кусково любятъ домомъ и садомъ его, но это только остатки прежняго его великолѣпія. Каменная церковь не велика, и незамѣчательной архитектуры; въ ней рѣзной иконостасъ вызолоченъ, старинныя мѣстныя иконы въ золотыхъ окладахъ, унизаны жемчугомъ и алмазами, ризница богатая; за алтаремъ стоитъ огромная картина, изображающая *Благовѣщеніе* (живописца Гершеня). Домъ въ Кусковѣ тоже не обширенъ и не такъ представительенъ, какъ въ Останкинѣ, но внутренность его изящна; она поражала великолѣпіемъ своего убранства, роскошной обстановкой и неостылыми слѣдами старины. Домъ въ два этажа съ антресолями; на заднемъ фасѣ и балконами построенъ по

плану французскаго архитектора Валли и расположенъ на искусственномъ берегу огромнаго пруда; видъ съ крыльца его на такъ называемую *татарскую рошу*, (*) на обелиски, и на проспектъ къ Вишнякову, превосходенъ. Прежде у пристани, на прудѣ, стояли, колымаемыя волнами, раззолоченныя яхты, шлюбки и венеціанскія гондолы; между обелисками устроенъ былъ раздвижной мостъ, а на берегу виднѣлись рыбацкія хижины и ютились бесѣдки.

Этотъ домъ, приспособленный къ жилью и представляющій настоящія барскія палаты, всегда былъ красевъ углами и, по русской пословицѣ, пирогами хлѣбосольнаго графа; его украшали шелковые, гобелиной фабрики, обои, огромныя зеркала, антики, бронзы, художнически разрисованныя плафоны и мраморныя группы мифологическихъ жителей Олимпа. Тамъ каждая комната отличалась своимъ особеннымъ интересомъ: одна представляла какъ бы сплошное зеркало, въ другой придавали оригинальность столы изъ милахита, въ третьей были собраны миниатюрныя изображенія звѣрей и животныхъ, въ четвертой древности изъ Геркуланума.

(*) Въ нее и до сихъ поръ въ лѣтніе праздничные дни съѣзжаются татары съ своими семействами въ національныхъ костюмахъ, съ разными принасами, гулять и пить чай.

Въ библіотекѣ находилась украшенная перламутромъ модель Іерусалимскаго храма и Виолеема и восковые бюсты замѣчательныхъ людей. Въ оружейной камерѣ было большое и рѣдкое собраніе древняго и новаго европейскаго и азіятскаго оружія: черкесскія и китайскія ружья, дамасскія сабли, оправленныя въ серебро и осыпанныя драгоценными камнями. Между конскими приборами тамъ была историческая рѣдкость: сѣдло шведскаго короля Карла XII, доставшееся, вмѣстѣ съ верховою лошадью его, Графу Борису Петр. Оно было отбито въ сраженіи подъ Полтавой и подарено Графу Петромъ I-мъ, какъ храброму сподвижнику своему въ этой знаменитой битвѣ.

Въ картинной галлерей находились произведенія славныхъ художниковъ: Вандейка, Доминика, Корреджіо, Павла Веронеза, Рембранта, Салватора Розы, Вирсавія и Гвидо Рени. (*) Тамъ и до сего времени находятся портреты русскихъ государей, членовъ фамиліи Шереметевыхъ, друзей и современниковъ ихъ, имена которыхъ принадлежатъ исторіи. Между портретами находится недоконченный портретъ графа Петра Бор., начатый дочерью

(*) И изъ Кускова, также, какъ и изъ Остапкина, многія драгоценности были похищены въ 1812 г. но, при переправѣ ихъ чрезъ Брезилу, нѣкоторыя были отбиты казаками.

его (обрученную невѣстою графа Панина); она умерла пятнадцати лѣтъ; тамъ находится еще портретъ и сестры его, Натальи Бор., въ одеждѣ схимонахини, злосчастной супруги Кн. Ив. Ал. Долгорукова, самоотверженно раздѣлявшей съ нимъ несчастную участь его. (*)

Большой прудъ предъ домомъ служилъ не только пріятнымъ, но и полезнымъ украшеніемъ дома Кускова, потому что посредствомъ его осушено это низменное и болотистое мѣсто; главною цѣлью рытья его было — доставить пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ бѣдныхъ семействъ, во время голода, бывшаго въ 1770 г. (**). Посреди пруда, какъ оазисъ, зеленѣетъ тополевою островокъ. Всѣхъ прудовъ въ Кусковѣ было 17, а большихъ изъ

(*) Портретъ Гр. Петра Бор. (работы Гротта) въ 1812 г. былъ разстрѣлянъ непріятелями 10-ю пулями, а портретъ супруги его, Варв. Алекс., изрѣзанъ, въ безсильной ярости; Графъ не долюбивалъ французовъ, особенно ихъ философію и публично бранилъ ихъ, что было имъ извѣстно.

Поэтъ Козловъ описалъ въ своихъ грустныхъ стихахъ:

Большой Владимірской дорогой
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ

Шла путница младая и т. д.

(**) Вся фамилія Шереметевыхъ извѣстна своею благотворительностію.

нихъ три; они назывались *зеркалами*. Кромѣ пурдовъ въ Кусковѣ было много каналовъ, каскадовъ и рѣчекъ, которыя, своенравно изгибаясь и раздѣляясь, образовали островки. На одномъ изъ нихъ красовался рыбацїй домикъ и предъ нимъ развѣшанъ былъ, выписанный изъ Парижа, неводъ, сотканный изъ травы. На другомъ островкѣ устроена была китайская бесѣдка; подъ навѣсами высокихъ кедровъ, чрезъ рукава рѣчекъ перегибались полукругомъ красивые мостики съ раззолочеными рѣшетками и рѣзными перилами; чрезъ нихъ шла дорога въ глубину роци къ мѣсту, называемому: *Убъжище философовъ*.

Другой фасъ дома обращенъ къ большому открытому, регулярному саду, окруженному съ трехъ сторонъ глубокимъ каналамъ и высокимъ валомъ, а съ четвертой каменной оградой. Садъ представляетъ правильный квадратъ въ 200 сажень и весь спланированъ, какъ цвѣтникъ; одна часть его разбита въ старинномъ французскомъ вкусѣ, другая въ англїйскомъ; первая была украшена мраморными статуями, мавзолеями, трельяжами, а другая бесѣдками, свѣтлыми храмами, гротами, памятниками, шумными фонтанами, урнами, темными аллеями, оранжереями и цвѣтниками. Предъ домомъ возвышается мраморный обелискъ съ надписью: *Екатерина II пожаловала Графу И. Б.*

Шереметеву въ 1785 г. Близь обелиска мраморный столбъ, тоже подарокъ Императрицы, въ память посѣщенія ея Кускова. (·)

Въ боковыхъ частяхъ сада, въ аллеяхъ и за аллеями были примѣчательны: индѣйская пагода, четырехугольный лабиринтъ, каменный гротъ, убранный разноцвѣтными раковинами и кораллами и театръ на открытомъ воздухѣ, декорацией которому служили деревья. По саду разставлены были карусели, кегли, бесѣдки, руины, домики: англійскій, голландскій, китайскій и эрмитажъ (··). Въ цвѣтникахъ разными колерами пестрѣли такіе гвоздики и тюльпаны, какіе можно видѣть только въ самой Голландіи. Въ двухъ-этажный эрмитажъ, отдѣленный отъ сада березовой рощей, вело шесть дорожекъ съ шести разныхъ сторонъ; въ верхній этажъ его поднимали гостей внизу устроенною машиной, на софѣ; вверху находился столъ,

(·) Въ Кусковѣ былъ и римской Императоръ, Иосифъ II.

(··) Итальянскій, каменный двухъ-этажный домикъ, можно сказать: закутанъ былъ садомъ въ итальянскомъ вкусѣ; тамъ были развѣшаны славныя картины; онъ украшался еще прекрасною мебелью и мозаическими столами. Голландскій, также двухъ-этажный, былъ убранъ въ голландскомъ вкусѣ; въ немъ, вмѣсто обоевъ, стѣны окладены красивыми изразцами и картинами фламандской школы.

сервированный на 16 приборовъ; по причудливому вкусу тогдашняго времени; каждая тарелка, по желанію гостя, опускалась внизъ и, наполненная новымъ кушаньемъ, опять поднималась вверхъ. Въ пещерѣ, убранной кристаллами, лежалъ алебастровый левъ; вокругъ журчали невидимые ключи воды, проведенные подъ землей.

Между Кусковымъ и Вишняковымъ стоитъ въ-ковый лѣсъ; онъ былъ раздѣленъ на просѣки, влѣво его находился звѣринецъ до трехъ верствъ въ окружности; теперь едва видны слѣды башни, бывшей сборнымъ пунктомъ охотниковъ; въ немъ сохранились звѣри разныхъ породъ въ большомъ изобиліи, до 600 головъ. У Петра В. была прекрасная охота, состоявшая изъ множества псарей; его сопровождала большая свита гостей, состоящая изъ наѣздниковъ и амазонокъ, на подобіе охоты Генриха IV въ Булонскомъ лѣсу, или англійскихъ королей въ Виндзорѣ. Звѣринецъ обнесенъ былъ каменною оградой, съ круглой бесѣдкой; по срединѣ лѣса находился конюшенный дворъ и псарный. Оранжереи въ Кусковѣ замѣчательны своею величиною, а болѣе огромностію лавровыхъ деревьевъ, какихъ можно найти только въ Италиі и въ Испаніи, (до 15 арш. въ вышину); тамъ находятся также замѣчательныя лимонныя, апельсинныя и померанцевыя деревья; прежде тамъ бы-

ли даже чайныя и кофейныя деревья (*). Въ 1786 г., по случаю прїѣзда Императрицы въ Кусково, оранжерея была обращена въ воксаль; тамъ устроенъ былъ и роскошный танцевальный залъ.

Не болѣе версты отъ Кускова расположено село *Вишняки*; нѣкогда оно было богатое село; оно принадлежало Князю Черкасскому, тамъ барскій домъ соединялся съ церковью крытою галлереею; оно окружено было фруктовыми садами(**); церковь въ немъ двухъ-этажная, сооруженная въ 1745 г.; она расположена по плану Соломонова храма, приложенному къ толкованію Василя Великаго на литургію (**). Въ настоящее время въ Вишнякахъ видна только церковь, нѣсколько дворовъ церковнослужителей, да остатокъ богадѣльни; въ 1812 г.

(*) Есть преданіе, что въ случаѣ порчи деревьевъ, въ Кусковѣ собирався своего рода консиліумъ изъ лучшихъ садовниковъ всего Московскаго округа.

(**) По преданію, болѣе вишневыми, почему это село и названо *Вишняковымъ*.

(***) Въ этой церкви хранится экземпляръ этой книги, и необыкновенной величины. Евангеліе въ дорогомъ серебряномъ окладѣ, печатанное на пергаментѣ, вѣсомъ въ полтора пуда, потому оно и остается безъ употребленія; въ ризницѣ сохраняется еще древнѣйшая священническая риза, круглая; таковыя ризы нынѣ считаются за большую рѣдкость.

непріатели (по чьему то наущенію) отыскивая тамъ клады, попали въ графскій погребъ, гдѣ нашли кладъ своего рода: дорогое старое вино въ сѣдыхъ бутылкахъ, упившись которымъ, сдѣлались жертвою окрестныхъ поселянъ (*).

За садомъ, по направленію къ Косинской дорогѣ, находится роца, называемая *Гай* (сл. малорос., зн. *лѣсъ*); здѣсь былъ также прекрасный англійскій садъ, а посреди его лѣтній домъ Графа П. Бор. (отъ него остались только слѣды фундамента). Тамъ, въ чащѣ ливъ, стояла китайская башня съ колокольчиками, по образцу Нанкинской и на столбѣ сѣна была устроена бесѣдка, въ видѣ избы, въ которой находилась группа восковыхъ фигуръ, изображавшая 12 крестьянъ, сидѣвшихъ на тесаныхъ скамьяхъ, предъ большою бутылкою. Далѣе, на выходѣ изъ деревни Владыкиной, былъ потаенный фонтанъ, въ который вода приводилась водоподъемной машиной. На концѣ роци находилось еще небольшое озеро, соединенное съ другими небольшими озерами искусственной рѣчкой, чрезъ рукава которой перегибались мостики; одинъ изъ нихъ велъ къ *убъжищу философовъ*; это былъ красивый уютный домикъ съ зеркальными стѣнами,

(*) Разсказъ бывшаго священника села Косина, отца Платона.

полами и плафономъ. У одного угла рощи и до сихъ поръ стоитъ театръ (нынѣ обветшалый) съ фронтономъ на переднемъ фасѣ и съ порталомъ. Это было нѣкогда великолѣпное зданіе, съ тремя ярусами ложъ; особенно аванъ-сцена отдѣлана была со всею роскошью и грандіозностью итальянской архитектуры; на украшеніе его не жалѣли золота, которое и доселѣ блеститъ на ложахъ, на колоннахъ и на спущенныхъ люстрахъ подъ слоемъ пыли. Въ этомъ театрѣ играли большею частью оперы и балеты; онъ почитался лучше Московскаго публичнаго театра, который содержалъ ловкій спекуляторъ, Медоксъ. Онъ жаловался правленію Воспитательнаго дома (которому платилъ условленную часть своихъ доходовъ), что Графъ Шереметевъ отбиваетъ у него зрителей, на что Графъ отвѣчалъ: «театръ у меня бываетъ не ежедневный, и при томъ входъ въ немъ бесплатный (*). Приглашеніе радушнаго хозяина къ себѣ въ садъ и въ театръ обозначалось на двухъ каменныхъ столбахъ по Московской дорогѣ надписью: *Веселиться какъ кому угодно.*

(*) Переписка объ этомъ дѣлѣ находится въ официальныхъ бумагахъ въ архивѣ Воспитательнаго дома. Медоксъ и самъ ходилъ по улицамъ декоративно, въ красномъ плащѣ; по этому современники и прозвали его *кардиналомъ* и *несгораемымъ*.

Въ 1826 г., по случаю коронаціи Имп. Николая Павловича, Великая Княгиня Елена Паавловна, прибывъ въ Москву, жила въ Кусковѣ шесть недѣль.

Долго и по смерти Гр. П. Бор., при единственномъ наслѣдникѣ его, Гр. Николаѣ П., Московскіе жители по привычкѣ ѣздили по праздникамъ въ Кусково, но послѣ, особенно во время малолѣтства сына Гр. Николая П. Димитрія Николаевича, опекуны его не поддерживали величія этого прекраснаго имѣнія и оно стало клониться къ упадку до возраста Гр. Дим. Ник., который послѣдніе года своей жизни проводилъ тамъ лѣтомъ. Что касается до настоящаго времени, то къ чести сказать новому владѣльцу Кускова, Гр. Сергію Димитріевичу, онъ, хотя и не живетъ тамъ постоянно лѣтомъ, но садъ по его распоряженію, въ память своимъ славнымъ предкамъ, содержится въ Кусковѣ исправно и чисто; узоры цвѣтовъ въ немъ также изящны, какъ и въ бывшее время. За Гаемъ теперь настроено много дачъ, въ которыхъ охотно поселяются Московскіе жители; тамъ изобиліе лѣсовъ, чистые пруды и воздухъ, по дальности мѣста отъ Москвы, чистъ и свѣжъ.

Теперь возвратимся къ тому времени, когда Екатерина, послѣ московскихъ празднествъ, по случаю двадцатипятилѣтняго царствованія своего, посѣтила въ Кусковѣ своего дѣйствительнаго тайна-

го совѣтника, оберъ-камергера и сенатора графа П. В. Шереметева. Днемъ этой чести она избрала 30-е іюня. Она выѣхала изъ Москвы въ три часа пополудни. По дорогѣ отъ Москвы до села и на Кусковскомъ проспектѣ были устроены арки и торжественныя ворота съ надписями и эмблемами; въ устроенныхъ надъ ними галлереяхъ, во время проѣзда императрицы, гремѣли трубы и литавры. Графъ, со всею своею фамиліей, встрѣтилъ ее на границѣ села, при въѣздѣ въ которое были устроены затѣйливыя ворота іоническаго ордена; снаружи расписаны они были подъ мраморъ, бѣлый съ краснымъ, украшены рѣзьбой съ позолотой, съ четырьмя позолоченными гербами, изображавшими Нептуна, Марса, Аполлона и Меркурія. Внутри воротъ, въ полуциркульномъ сводѣ, была изображена живописью летящая слава съ трубой, вокругъ которой надпись: *теченіемъ приумножаетъ славу свою*; на боковой стѣнѣ верхняя картина, представляла городъ и часть моря, озаренныя солнечнымъ сіяніемъ, въ срединѣ ихъ вензелевое имя Екатерины съ надписью: *лучами своими озаряетъ* (что означало посѣщеніе приобрѣтенной Таврической области). Другая, нижняя картина, изображала въ окружности цирка пьедесталь, въ видѣ большой непоколебимой скалы, на которой лежала книга съ титуломъ: *Учрежденіе за-*

коновъ, щитъ, шлемъ и мечъ, связанные лавровымъ вѣстномъ, съ надписью: *утверждаютъ и охраняютъ*. На другой сторонѣ верхней картины было представлено солнечное сіяніе съ вензелевымъ въ срединѣ именемъ государыни; а подъ нимъ, въ проспектѣ, городъ Москва съ надписью: *веселящаяся присутвіемъ*; нижняя картина изображала въ проспектѣ Кусковскій садъ, часть оранжерей и мраморный обелискъ. Наверху воротъ галерея, на которой, во время проѣзда государыни, играла музыка. Предъ воротами, по обѣ стороны, находились вызолоченные цирки съ нишами, въ которыхъ были поставлены померанцевыя и лимонныя деревья, обремененныя плодами.

За каретами Екатерины, чужестранныхъ министровъ и придворныхъ ея, тянулся нескончаемый рядъ экипажей почетныхъ гостей и любопытныхъ посѣтителей Кускова. Лишь только подѣхала императрица къ селу, ее салютовали пушечною пальбой съ берега пруда, съ яхты и съ другихъ судовъ, красиво испещренныхъ разноцвѣтными полоскающимися въ воздухѣ флагами. На шоссе выступили попарно кусковскіе жители, одѣтые въ цвѣты графской ливреи, съ корзинками, полными цвѣтовъ; за ними шли тамошнія дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными вѣнками на головахъ и устилали путь царицы живыми цвѣтами.

Государыня внимательно осмотрѣла домъ графа и все великолѣпное убранство его, послѣ чего хозяинъ пригласилъ ее смотрѣть оперу. Государыня отправилась садомъ въ новопостроенный для этого случая театръ, въ которомъ была представлена опера: *Самнитскіе браки* съ балетомъ; по окончаніи представленія, государыня изъявила артистамъ свое благоволеніе, пожаловала ихъ къ рукѣ и раздала имъ подарки. Вечеромъ садъ былъ ярко освѣщенъ, какъ равно и каналы, прудъ предъ домомъ, розовый павильонъ, дваobelиска (видимые и теперь предъ домомъ, на другой сторонѣ пруда); на нихъ, по концамъ бывшаго тогда раздвижнаго моста, стояли два маяка и между ними щитъ съ изображеніемъ везелеваго имени Екатерины и царящей надъ нимъ славы. Шумящія каскады также были всѣ въ огнѣ; на большомъ озерѣ стояла на якорѣ раззолоченная шестипушечная яхта; тамъ качались шлюпки, челноки, ботики, гондолы съ разноцвѣтными флагами, озаренные иллюминаціей; по водамъ развѣзжали пѣсельники; гребцы были въ національной русской одеждѣ. Стеченіе народа въ саду и во всѣхъ окрестностяхъ Кускова было огромное. Предъ фейерверкомъ поднесли Екатеринѣ голубя; съ ея руки полетѣлъ онъ къ щиту, и освѣтилось все Кусково.

По прибитіи въ покой, гусударыня играла въ карты; въ 11 часовъ, по приглашенію хозяина, она отправилась въ галерею къ ужину; роскошный столъ сервированъ былъ золотомъ на 60 кувертовъ. Предъ государинею стояло изображеніе горы съ каменною руиною; по сторонамъ высились еще двѣ горы: на одной изъ нихъ стояли два топазовые истукана, а на другой двѣ вазы, одна агатовая, а вторая изъ восточнаго хрусталя, убранныя въ древнемъ вкусѣ яхонтами, алмазами и изумрудами. Всѣ эти три горы были украшены разными драгоценными каменьями и жемчугомъ; между горъ были поставлены изображенія пожалованныхъ отъ гусударыни: обелиска и колонны, на которыхъ надписи искрились алмазными буквами. Вокругъ филей разставлены были разныя строенія, каменные фигуры со вставленными въ нихъ бирюзами и аметистами, также фигурные пьедесталы съ стоявшими на нихъ вызолоченными вазами, убранными бирюзой и сердоликами, въ которые вставлены были кусты изъ красныхъ коралловъ.

Во время стола, при питіи за здравіе императрицы, началась пушечная пальба съ берега, съ яхты и съ судовъ, били въ литавры, гремѣли трубы, играли вокальная и инструментальная музыка, а хоръ пѣвчихъ пѣлъ:

Ужь не могутъ орды Крыма
Пынь рушить нашъ покой,
Гордость пизится Селима (*),
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ Екатерина!
Славься нѣжная къ намъ мать!

По окончаніи всего, государиня, изъявивъ хозяину Кускова свою признательность и принявъ отъ него всеподданнѣйшую благодарность, за оказанную ему посѣщеніемъ ея милость, при пушечной пальбѣ отправилась въ Москву, въ часъ пополночи. Вся дорога отъ Кускова до Москвы ярко было освѣщена площадками, фонарями на верстовыхъ столбахъ и смоляными бочками. При подъѣздѣ государыни къ Москвѣ, били уже утреннюю зарю.

ГЛАВА XVII.

Окрестности Кускова: Гиреево, Бедрино, Воздушный театръ въ немъ, Косино.

Между Измайловскимъ звѣринцемъ и Перовымъ съ давнихъ временъ основалось село *Гиреево*, какъ полагаютъ, въ память покорившагося Россіи крым-

(*) Турецкій султанъ.

Знаменкѣ, въ домѣ Ген. Апраксина (и въ частномъ театрѣ, близъ Никитскихъ воротъ, въ домѣ Г. Познякова, послѣ Кн. Юсупова, тоже ревностнаго любителя театральныхъ представлений, пригласившаго въ Москву итальянскую труппу). (·) 30-го авг., въ день тезоименитства Имп. Александра I-го, воспослѣдовало на Знаменкѣ открытіе театра пѣсою: *Старинныя Святки*. Тогда пѣсельникъ Лебедевъ восхищалъ московскую публику своимъ хоромъ, воспѣвавшимъ славные подвиги русскихъ воиновъ. Въ 1817 г. выступилъ на сцену въ трагедіи *Эдипъ въ Афинахъ*, знаменитый артистъ Пав. Степ. Мочаловъ, въ роли Полиника; тогда подборъ артистовъ, весь ансамбль, былъ превосходный. Тезея игралъ Мочаловъ отецъ (тоже за-

приобрѣтенный у Кн. Хованскаго; въ немъ играла извѣстная французская артистка, Марсъ; нѣкоторые изъ непріятельскихъ офицеровъ, входя въ Москву, и проѣзжая мимо этого театра, воспоминали то время, когда они до 1812 г. радушно принимаемы были въ нашей столицѣ и смотрѣли игру своей соотечественницы.

(···) Тогда у многихъ знатныхъ господъ были труппы артистовъ и артистокъ, состоявшіе изъ крѣпостныхъ людей ихъ; но самый лучший театръ по своему устройству и богатству находился у Графа Сергія Михайловича Каменскаго, въ Орлѣ.

мѣчательный артистъ, Эдипа Колпаковъ. Сестра Мочалова (сына) восторженно принималась публикою въ роляхъ драматическихъ любовницъ.

Послѣ Майкова театръ находился подѣ въ дѣнѣмъ московскаго военнаго Ген.-Губ. Дим. Влад. Голицина; въ это время и появляется директоромъ театра *Ө. Ө. Кокоскинъ*. Въ началѣ 20-хъ годовъ спектакли давались въ домѣ Пашкова, на Моховой, (гдѣ теперь новый университетъ), но сцена въ немъ была мала, партеръ также; вслѣдствіе этого Кокоскинъ, съ разрѣшенія правительства, нанялъ домъ купца Варгина, около сгорѣвшаго и отстроивавшагося Петровскаго театра; послѣ этотъ домъ былъ купленъ дирекціею и съ 1814 въ немъ начались театральныя представленія. Новоотстроенный архитекторомъ Бове Петровскій театръ открылся въ 1825 (6 генв.); два дня кряду представляли въ немъ, сочиненный М. А. Дмитриевымъ для открытія театра; прологъ: *Торжество Музъ* и великолѣпный балетъ *Сандрильона*. Въ это время, по приглашенію Кокоскина, появились на сценѣ новыя, славныя артисты для балета: Ришардъ I-й, ученикъ знаменитаго Вестрени (его прозвали *Зефиромъ*) и Ришардъ II, а съ нимъ и танцовщица Гюлленъ, пѣвица Филлисъ, (капельмейстеромъ тогда былъ Шольцъ а концертистъ —

скрипачъ Поляковъ, ученикъ Бальб; (*) Щепкинъ выступилъ на сцену въ 1822 г.

Ө. Ө. Кокошкинъ однажды пригласилъ въ свое лѣтнее помѣстье, Бедрино, на драматическій праздникъ все высшее московское общество, въ числѣ котораго находился и представитель его, Кн. Дим. Влад. Голицынъ; мѣсто театральнаго представленія устроено было въ саду, у разлива свѣтлаго озера; около вѣковыхъ дубовъ раскинутъ былъ воинской станъ, въ сторонѣ возвышались шатеръ

(*) Поляковъ въ 1812 г. не имѣлъ средствъ выѣхать изъ Москвы. Наполеонъ, узнавъ объ его талантѣ, приказалъ пригласить его въ импровизированный театръ, помѣщавшійся на Никитской, въ домѣ Познякова; Поляковъ по неволѣ долженъ былъ участвовать въ его оркестрѣ, наравнѣ съ французскими музыкантами; онъ ежедневно ходилъ за мясной провизіей въ Петровской монастырь, въ которомъ въ соборной церкви устроены были непріятелями мясной магазинъ, а на монастырскомъ дворѣ распластывали быковъ; внутри же церкви, вокругъ стѣнъ, на широкихъ лавкахъ, лежали приготовленныя порціи, а на паникадилахъ и на вбитыхъ въ иконостасѣ гвоздяхъ висѣли битыя птицы. Послѣ бѣгства непріятелей изъ Москвы, Поляковъ попалъ подъ судъ за принятіе участія въ забавахъ французовъ, но онъ оправдался тѣмъ, что не имѣлъ средствъ къ пропитанію.

Разказъ самого Полякова, умершаго въ 1868 г.

и холмъ, на озерѣ виднѣлось нѣсколько фрегатовъ съ разноцвѣтными флагами—это былъ представленъ въ миниатюрѣ флотъ греческаго полководца, Агамемнона; вдали пылало зарево, изображавшее разореніе Трои; полный мѣсяць освѣщаль живую, натуральную, эффектную картину. Близъ этого открытаго мѣста разыграны были сцены изъ трагедіи *Поликсена*. Гекубу играла Сиянская, Поликсену—памятная Москвѣ талантливая артистка Львова-Синецкая. По окончаніи этихъ сценъ, хозяинъ повелъ гостей своихъ въ крытую аллею, и тамъ встрѣтили они новое оригинальное зрѣлище: при звукахъ музыки распались вѣтви деревь—и предъ изумленными взорами посѣтителей открылся театральнй порталъ, взвился занавѣсъ и малолѣтныя артисты и артистки, воспитанники театральной школы, представили на своей сценѣ водевиль: *Суженаго конемъ не объѣдешь*. Раздались аплодисманы.

Этотъ спектакль подаль мысль къ учрежденію, въ 1829 г., въ Нескучномъ саду воздушнаго театра, безъ крыши; этотъ театръ (Колизей) (*) былъ обне-

(*) Колизею назывался у римлянъ (во время ихъ могущества) огромный овалный амфитеатръ, сооруженный Имп. Веспасіаномъ; подлѣ него стояла колоссальная статуя Нерона. Въ Колизеѣ представлены были статуи, изображав-

хочущую публику съ блюдомъ, собирая съ нее дань за оригинальное свое представленіе. Часто и въ будничные дни чрезъ Гай проходятъ наши пилигримы съ посохами и съ котомками, направляясь къ Косину, мимо деревни Владыкиной (тоже обильной дачами). Отсюда до Косина считается съ небольшимъ двѣ версты; прежде дорога туда шла лѣсомъ, что было очень удобно для богомольцевъ въ жаркое лѣтнее время; наканунѣ праздниковъ почти всю ночь проходили (нѣкоторые и теперь ходятъ по этой дорогѣ) разныя семейства съ узлами и зонтами, отдыхая въ лѣсу, котораго теперь уже нѣтъ. Косинскіе крестьяне безжалостно вырубали эту прекрасную рощу. Грустно подумать, какъ уничтожаютъ у насъ лѣса, какъ вздрагиваютъ и покорно ложатся на землю деревья отъ прикосновенія неумолимой сѣкиры. . . Косино стоитъ на взгорьѣ, какъ на пьедесталѣ; подходя къ нему, прежде всего взоры ваши встрѣчаютъ церковь, находящуюся на дальнемъ краю села; вправо, на неоглядное пространство, разстилаются голу-бою скатертью *Бѣлое озеро*, на лѣво еще зыблятся, синѣютъ кое-гдѣ оставшіеся лѣса, — пейзажъ прекрасный; порой пѣшеходовъ обгоняютъ грузные экипажи, напичканные тоже богомольцами, кардонами, коробками и легкія повозки съ позвон-

ками. (•) Въ селѣ почти у каждыя вороты хозяева домовъ усердно зазываютъ прїѣзжихъ и подходящихъ богомольцевъ къ себѣ на ночлегъ.

Село Косино съ давнихъ временъ извѣстно своей святыней: тамъ находятся иконы *Чудотворца Николая* и *Моденской Божіей Матери*. Старинная деревянная церковь, во имя св. Николая, выстроена тамъ въ 1675 г.; новая же каменная, во имя св. Троицы, воздвигнута въ 1823 г.; въ ней находятся помянутыя иконы. Посильныя жертвы богомольцевъ служили и до сихъ поръ служатъ къ поддержанію благолѣпія въ этомъ храмѣ. Церковный дворъ (буйвище) обнесенъ красивою каменною оградой съ башенками и бойницами. Икона Моденской Богоматери привезена была Великимъ Петромъ изъ итальянскаго города Модены въ 1717 г. и передана въ Косинскую церковь; (••) итальянская

(•) Многіе ѣздятъ изъ Москвы въ Косино по желѣзной дорогѣ на станціи: Перово или Кусково, около которыхъ ожидаютъ пассажировъ какія-то таратайки въ одну лошадь и отвозятъ желающихъ въ Косино; но нѣкоторые пилигримы, по обѣщанію, идутъ туда пѣшкомъ.

(••) Есть преданіе, что Петръ I-й перевелъ съ Яузы въ Косино свою игрушечную флотилію; здѣсь учился онъ мореходству и, можетъ быть, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится садъ барскаго дома, была у него устроена пристань и корабельная верфь. Вѣроятно и въ послѣдствіи времени онъ

живопись на ней сохранилась довольно хорошо; она облечена въ дорогую ризу, украшенную брилліантами и алмазами и помѣщена на правую сторону иконостаса въ великолѣпномъ кіотѣ. На другой сторонѣ иконостаса, противъ нее, тоже въ великолѣпномъ кіотѣ, поставленъ образъ Святителя Николая, съ незапамятныхъ временъ считающійся Чудотворнымъ; по преданію, онъ явился на Косинскомъ озерѣ, получившимъ съ того времени названіе *Святаго*. Сверхъ того, въ храмѣ находится животворящій драгоцѣнный Крестъ и ковчегъ съ мощами святыхъ. (*) На стѣнахъ церкви начертано нѣсколько надписей, (двѣ изъ нихъ возвѣщаютъ, что въ 1829 г. Косино посѣщали: Имп. Марія Ѳеод. и Вел. Кн. Елена Павловна.

Косино изстари почиталось однимъ изъ самыхъ лѣсистыхъ мѣстностей, (**) также изобилующимъ

не забывалъ Косина и, въ знакъ своего религіознаго усердія къ тамошней церкви, онъ пожертвовалъ ей чудотворную икону Моденской Богоматери.

(*) Таковыя же кресты и ковчегіи сохраняются и въ другихъ, ближайшихъ къ Косину, церквахъ: въ Кусковѣ, въ Вишнякахъ, въ Перовѣ и въ селѣ Троицкомъ, пожертвованныя царями и царицами, посѣщавшими эти мѣста.

(**) Окрестности Косина въ лѣтній сезонъ охоты часто посѣщаются охотниками; тамъ въ пустынномъ привольѣ водится много дичи, особенно утокъ—водоплавокъ на непросыхаемыхъ болотахъ.

водяными ключами, изъ которыхъ составились два большія озера съ прозрачною, чистою, свѣжею и мягкою водою. Само большое изъ нихъ, около котораго раскинулось село, простирается на три версты въ округности и называется *Бльмыъ*. На сѣверо-востокъ отъ села, въ полуверстѣ отъ него, находится другое озеро, *Святое*. Дорога ведетъ къ нему прекраснымъ пролѣскомъ къ длинному узкому мосту, настланному на высохшемъ болотѣ; на концѣ моста выстроена большая красивая часовня, а по сторонамъ ея купальни: мужская и женская. Въ самомъ озерѣ, по причинѣ чрезвычайной глубины его, доходящей до 60 аршинъ, купаться опасно. Святое озеро очень велико; замѣчательно, что вода въ немъ никогда не мелѣетъ у береговъ.

Дачи, для настоящаго лѣтняго пребыванія въ Косинѣ, очень приглядны; между ними есть и съ балконами, съ которыхъ видъ на дальное пространство очень хорошъ; но ночлеги, особенно въ праздничные дни, тамъ безпокойны: во первыхъ потому, что во всю ночь раздается тамъ шумъ колесъ и колокольчиковъ прїѣзжающихъ богомольцевъ, во вторыхъ, въ каждомъ углѣ дома набито тамъ множество ночлежниковъ, на палатяхъ, на подволокахъ, въ чуланахъ, на сѣнникахъ и даже на дворѣ, подъ досчатыми навѣсами, въ сосѣдствѣ съ курятниками и съ закутами; въ иномъ мѣстѣ

раздается пискъ и плачь грудныхъ дѣтей, въ другомъ пронзительное пѣніе горластаго пѣтуха или скрипучее мычаніе коровы, или лай собакъ; ужь и не говори о насѣкомыхъ, которыя держатъ ночлежниковъ въ осадномъ положеніи. Чуть кто только задремлетъ, а на разсвѣтѣ ужь подымается общая суматоха, всѣ спѣшать вставать, снаряжаться, охарашиваться; вотъ скоро раздастся мѣдннй языкъ колокола, приглашающій къ обѣднѣ — по улицѣ задвигается народъ въ разноцвѣтныхъ костюмахъ — франтовскихъ, яркихъ и простыхъ, смиренныхъ, деревенская улица превращается въ городской бульваръ. Особенно, колыхаясь, пестрѣютъ надъ головами дамъ распущенные зонтики, какъ огромнаго размѣра тюльпаны; лѣтомъ пальцею солнце смотритъ на землю неліцемѣрно, безъ гримасъ, не такъ какъ осенью.

По окончаніи обѣдни и заказныхъ молебновъ, богомольцы отправляются большими толпами на Святое озеро, кто въ купальню, кто въ часовню; на этой дорогѣ двоерядно сидятъ увѣчные нищіе, съ липовыми чашечками въ рукахъ; тамъ нѣкогда лежали въ ихъ чашечкахъ позеленѣвшіе отъ времени гроши, денежки и полушки (нынѣ мѣдно-серебряные копѣйки). — Между этими нищими находились и доннынѣ находятся, такъ называемые, *лежанки*, въ лубочныхъ телѣжкахъ, *безногіе ско-*

роходы (иные изъ нихъ, въ отсутвіи свидѣтелей могутъ бѣгать въ перегонку.) Это своего рода рап-тодисты, калѣжки переходіе, гнусливымъ, носовымъ на пѣвомъ, смѣшаннымъ съ пискливымъ фальцетомъ, протяжно поютъ свои однообразныя элегіи; а нѣкоторые на калиновыхъ дудочкахъ издають какіе то дребезжащіе панихидныя звуки. Въ эти дни имъ бываетъ щедрое подаваніе. Послѣ вечерень прогулка богомольцевъ изъ церкви къ Святому озеру повторяется.

Прежде Косино принадлежало Г-дамъ Теленевымъ; послѣ перешло оно какъ-то во владѣніе купца Лухманова, который не имѣлъ права владѣть крестьянами; лѣтъ за десять до уничтоженія крѣпостнаго состоянія, выискался для косинскихъ крестьянъ адвокатъ, который хлопоталъ имъ полную свободу и они, въ благодарность, построили ему на берегу Бѣлаго озера хорошенькой домикъ, въ которомъ онъ и кончилъ дни свои. Барской домъ въ Косинѣ стоитъ въ тѣнистомъ саду, на прекрасномъ мѣстѣ, около озера, но онъ обветшалъ уже; впрочемъ его ремонтируютъ. Прежде здѣсь открыта была гостинница для пріѣзжающихъ, со всякимъ продовольствіемъ, но вѣроятно арендаторъ не нашелъ выгоды въ этой спекуляціи; въ настоящее время онъ отдается подъ дачу.

выми бесѣдками, а въ немъ выстроился представительной наружности и роскошно украшенный внутри графской домъ. Въ перовской церкви сохраняется древняя, дорогая утварь, пожертвованная Елизаветою, въ числѣ которой находятся воздухи ея работы, расшитыя золотою битью и крупнымъ жемчугомъ. Въ настоящее время видимъ мы тамъ запущенный, заросшій травой садъ съ остаткомъ липовой аллеи и груды камней отъ разрушеннаго временемъ барскаго дома,obelisksовъ и павильоновъ. Въ Перовѣ отдается много дачъ; тамошняя мѣстность лѣсиста, прудъ для купанья обширенъ, сообщеніе съ Москвою близкое и удобное, по желѣзной дорогѣ.

За десять верстъ отъ Косина находится селеніе *Троицкое*, состоящее изъ четырехъ смежныхъ поселеній, имѣющихъ каждое свое особое имя, на примѣръ: со стороны Москвы, на берегу Пехорки, деревня называется *Фенино*. На противоположномъ берегу стоитъ церковь, съ расположенными около нея домами церковнослужителей—это и есть собственно *Троицкое*. Оно получило извѣстность и значеніе съ 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда перешло во владѣніе Гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго; съ того времени тамъ сооружена церковь съ двумя колокольнями, выстроенъ барскій домъ, разведенъ садъ съ обширными оранжереями

чукъ-Кайнарджѣ, (недалеко отъ Силистріи), Ека-
да ихъ состояла изъ пышнаго суконнаго доломана, дава-
шагося имъ ежегодно султаномъ въ первый день Рамазана;
надъ долманомъ носили они голубыя полукафтаны, на го-
ловѣ возвышались у нихъ войлочные шапки, съ висящими
по плечамъ мѣшками, подобными рукавамъ широкой одеж-
ды); съ излучистыми саблями дамасской стали, отчаянно
нападали на противниковъ своихъ. Корпусъ ихъ со-
стоялъ изъ 40,000; они были не менѣе страшны и въ
отечествѣ своемъ, какъ преторіанскія когорты въ Римѣ и
стрѣльцы въ Россіи, почему и были уничтожены. Но пылъ
турокъ охлажденъ былъ русскими штыками. Румянцевъ вско-
рѣ послѣ того одержалъ еще болѣе важную побѣду надъ
непріятелями при рѣкѣ Кагулѣ. Здѣсь кстати вспомнимъ
панегирикъ Карамзина: «семнадцать тысячъ русскихъ, на
разсвѣтѣ прекраснаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ
умереть со славою; тихое веселіе на ихъ лицахъ, въ гру-
ди предчувствіе геройскаго безсмертія,» и т. д. Императоръ
Павелъ, въ воспоминаніе побѣды героя, приказалъ, въ 1798 г.,
воздвигнуть ему памятникъ въ Петербургѣ, на томъ мѣстѣ,
гдѣ онъ обучалъ войска свои; но Императоръ Александръ I
приказалъ перенести этотъ памятникъ на площадь, противъ
1-го кадетскаго корпуса, гдѣ Гр. Румянцевъ обучался, что-
бы тамъ, посвятившіе себя военному искусству юноши,
имѣли передъ собою примѣръ, какъ Цари и благодарное
отечество чтутъ героевъ. Въ Царскомъ селѣ, близъ двор-
ца, находится другой памятникъ Румянцеву — это прекра-
сный обелискъ съ надписью: *Кагулъ, 21 іюля, 1770 г*

терина со всѣмъ своимъ блестящимъ дворомъ прибыла изъ Петербурга въ Москву праздновать это событіе (о чемъ уже выше было сказано) рядомъ увеселеній на Ходынкѣ, а въ августѣ принимала Румянцевъ Монархиню въ своей подмосковной — Троицкомѣ; Государыня сама изъявила желаніе посѣтить его хозяйство. Для встрѣчи Императрицы въ Троицкомѣ дѣлались большія приготовленія, устраивался балъ и народный праздникъ; по полямъ и рощамъ этого селенія накрыты были ряды длинныхъ столовъ съ питіемъ и яствами для гвардіи, сопровождавшей Государыню и для народа. Праздникъ продолжался нѣсколько дней. Для Екатерины и свиты ея раскинуты были богатые шатры, въ одномъ изъ которыхъ она обѣдала; послѣ любовались разными народными играми и пляскою; въ окрестностяхъ раздавались пѣсни (*); ве-

Онъ поставленъ по повелѣнію Имп. Екатерины II. Наконецъ, въ 1849 г. Кн. Мнх. Сем. Воронцовъ соорудилъ *Кагульскую колонну*, на мѣстѣ битвы, при Кагулѣ, на самомъ томъ холмѣ, на которомъ, въ центрѣ турецкаго ретраншамета, стоялъ великолѣпный шатеръ верховнаго визирия.

(*) Послѣ побѣдъ Румянцева сложены были солдатскія пѣсни, которыя тогда любили пѣть воины:

Ахъ ты поле, поле чистое,

Чисто поле ты Буджацкое,

черомъ грохнула заревой пушка, вспыхнула иллю-

Изойдемъ ли мы когда тебя,
Всѣ бугры твои минуемъ ли;
Ужъ давно нора сойтися намъ
Съ ордой Крымскою, невѣрною
Съ злобною силой турецкою,
Чтобъ исполнить волю царскую, и т. д.

Пѣснь, по случаю взятія Азова:

Какъ не яря пчелы зашумѣли,
Что возговорятъ храбрые воины:
Взять ли не взять ли намъ грудью бѣлою
Градъ невѣрныхъ, крѣпость неприступную?
И посыпались наши солдатушки
Подъ тѣ стѣны бѣлокаменные,
Подъ тѣ раскаты высокіе;
Не съ горъ камни покаталися,
Покаталися со стѣнъ непріатели и т. д.

Собраніе военныхъ пѣсень 1789 г.

Въ то время существовалъ еще желѣзный полкъ кирасирскій, называемый *Миниховымъ*, въ тяжелыхъ латахъ. Вскорѣ послѣ того Потемкинъ сформировалъ полкъ изъ бѣглыхъ грековъ; онъ одѣлъ его по албански въ зеленыя куртки, въ красныя шаровары и въ черныя каски, а вооружилъ длинными ружьями, саблями и пистолетами.

На праздникъ въ Троицкомъ участвовали по нѣскольку избранныхъ солдатъ изъ полковъ, бывшихъ въ дѣлѣ: Елизаветградскій Шикинерный (образовавшійся изъ лейбъ-компанцевъ Имп. Елизаветы, Арнауты, въ родѣ турецкихъ во-

для Россіи событій: на пьедесталѣ возвышается мраморный бюстъ Екатерины, а пониже его надпись: «*Кайнарджи*»; надъ нимъ изображена змѣя, поднимающая голову къ трофеямъ фельдмаршала, но богиня мира попираетъ ее и съ пальмой въ рукѣ предстоить предъ Государицей; на пьедесталѣ надпись: *Отъ Екатерины дана сему мѣсту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги Графа Румянцева Задунайскаго.*

И каменная лѣтопись уничтожается всесокрушающимъ полетомъ времени, но вѣчная живучесть побѣдныхъ происшествій незыблемо охраняется исторіею, на ея неподкупныхъ страницахъ, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ....

Съ тѣхъ поръ П. А. Румянцевъ началъ сходиться съ поприща своей славы; тогда появились новыя свѣтила на театрѣ военныхъ дѣйствій: *великокопный Князь Тавриды*, Потемкинъ и новый бичъ турокъ, вихорь-атаманъ, солдатская звѣзда, чудобогатырь, Суворовъ (*) и кстати: политическій барометръ предсказывалъ новыя бури....

Не смотря на это, слава, озарившая Румянцева, отразилась далеко: въ 1776 году Цесаревичъ Па-

(*) Гр. Ростопчинъ называлъ Румянцева *героемъ своего времени*, Кутузова — *героемъ обстоятельствъ*, а Суворова, (ни разу не побѣдимаго) *героемъ всѣхъ временъ и народовъ*.

Генераль-Губернаторомъ, турецкіе шпіоны пріѣзжали туда навѣдываться: живъ ли *русскій визиръ*. Тамъ, въ имѣніи Вишенкахъ, посѣтила его Екатерина. Гр. Румянцевъ, котораго нѣкогда цѣлые города встрѣчали съ большими почестями, удалился отъ завистливыхъ людей въ молдавскую хижину, изъ окошекъ которой открывался видъ на *Буджакъ*, куда, вѣроятно, часто носились его мечты. Такъ вдаль снѣтся высокій курганъ *Рлбой могилы* (въ Бессарабіи, близъ рѣки Прута), гдѣ былъ главный театръ военныхъ дѣйствій его. Молдавскій Диванъ предлагалъ Румянцеву почетный караулъ, но онъ отказался отъ него. До сихъ поръ существуетъ пень на берегу р. Прута, на которомъ сиживалъ герой съ удочкой въ рукахъ, погруженный въ глубокую думу. Почти каждый день пріѣзжали къ нему почетные посѣтители, въ томъ числѣ и Суворовъ, въ полной формѣ, какъ къ бывшему своему начальнику. Румянцевъ, родившійся въ день смерти Петра Великаго, скончался въ одинъ годъ съ Екатериною (въ 1796 г.); онъ схороненъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. (*)

(*) А. П. Румянцевъ былъ обдѣленъ высочайшими наградами; онъ получилъ: за успѣшное полководство: фельд-маршальскій жезлъ, за храбрія предиріятія—дорогую шпагу, за славную побѣду—лавровый вѣнокъ, за миръ—ма-

Послѣ Троицкое перешло во владѣніе Князя С. Н. Голицына, который привелъ его въ прежнее цвѣтущее состояніе. Тамошняя церковь, во имя св. Живоначальной Троицы, сооруженная въ 1774 г. Графомъ П. Ал. Румянцевымъ, была разорена въ 1812 г. непріятелями, но послѣ исправлена и украшена новою живописью и дорогою утварью; тамъ замѣчательна икона св. Николая чудотворца, древняго письма, относящагося къ XVII в., а изъ утвари Евангеліе въ драгоцѣнномъ окладѣ съ алмазами и съ бриліантами. Старожилы говорятъ, что до нашествія непріятелей эта церковь была гораздо богаче; ожидая непріятелей, прихожане, желая спасти церковную утварь, иконы и прочія драго-

сличный вѣнокъ (все это осыпанное крупными бриліантами). Сверхъ того, «въ знакъ особеннаго къ нему благоволенія» — пожалованъ ему былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго съ алмазами, въ честь ему выбита была медаль съ его изображеніемъ; для хозяйства подарено ему было пять тысячъ крестьянъ и подмосковная съ нареченіемъ ея *Кайнарджинъ*; для построенія дома — сто тысячъ рублей, для украшенія его — цѣнныя картины, для стола серебряный сервизъ и наконецъ наименованіе *Задунайскаго*. Кромѣ того, на мать его возложила Государиня ленту св. Екатерины, а на сына его орденъ св. Александра Невскаго.

См. Брошюру съ описаніемъ Ходынскаго праздника.

цѣнности, спрятали все это подъ полъ лѣваго клироса и тщательно заложили плитою; но непріатели, по какому-то свойственному имъ чутью, отыскиали его. (*) Въ послѣдствіи времени часть похищенной утвари была отнята у бѣжавшихъ враговъ; недоставало ризы съ иконы св. Николая и драгоценнаго ковчега. Въ 1813 г. понадобилось поселянамъ исправлять мостъ (между Фениной и Троицкимъ) и подъ нимъ, изъ подъ песку и илу вытащили и ризу, и ковчегъ. Какъ попали они туда, неизвѣстно.

По возобновленіи церкви, открыта была въ Троицкомъ богадѣльня и вмѣстѣ страннопріимный домъ; Кромѣ того тамъ замѣчательны разныя хозяйственныя заведенія, особенно мельница крупчатка. Въ прошедшемъ столѣтіи въ Троицкомъ находились прекрасныя обширныя оранжереи; теперь они хотя менѣе, но изобилуютъ плодами. Въ тамошнемъ

(*) Непріатели, вторгнувшіеся въ Россію, въ 1812 г. состоявшіе изъ разныхъ націй, въ числѣ которыхъ были жидаы и цыгане, находившіеся въ австрійскомъ войскѣ, какъ опытные и наторѣлые въ грабежѣ, поливали землю водою, отъ чего она вспухала и тѣмъ означала, что она недавно была рыта и что подъ ней находится какой-нибудь закопанный кладъ, который умѣли они находить по звуку даже въ замуравленныхъ стѣнахъ.

ная). Меншиковъ назвалъ ее *Новымъ Преображенскимъ*, именемъ мѣста любезнаго его Государю и благодѣтелю. Имп. Елизавета подарила его Петру III, который, будучи еще Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ и застроилъ каменный дворецъ; но его не успѣли достроить и, послѣ смерти его, заготовленные материалы, отвезенные въ Москву, (въ 1765 г.), послужили къ постройкѣ Воспитательнаго Дома. Въ Люберцахъ находятся и остатки сада, въ которомъ прогуливался *великой человекъ въ несчастъ*, Меншиковъ. Никакихъ слѣдовъ его не осталось въ этой деревнѣ. Мѣстоположеніе тамъ красиво; существующій нынѣшній садъ раздѣляетъ селеніе на двѣ половины; оно находится подъ вѣдѣніемъ Коломенскаго смотрителя Тамъ станція желѣзной дороги.

По этому-же пути, на четвертой станціи отъ Москвы, красуется *Раменское*; тамъ прекрасный паркъ, большой разнообразный лѣсъ, и большая фабрика Малютиныхъ; дачники съ удовольствіемъ проводятъ лѣтнее время въ Раменскомъ; сообщеніе съ Москвой удобно.

ГЛАВА XIX.

Дачи и мѣстности за Серпуховской заставой: Царицыно, Дубровица и проч.

И около заставы и за самой заставой, находящіяся слободки, нанримѣръ Даниловская, съ обширными пустырами своими, представляютъ загородныя мѣстности, удобныя для дачъ, особенно тѣ, гдѣ находятся еще остатки нѣкогда обширныхъ садовъ. Даниловка имѣетъ близкое и тѣсное сообщеніе съ мѣстностями, находящимися за Серпуховской заставой. Самая первая дача съ окрестностями своими, давно вошедшими въ районъ города—есть *Черемушки*, имѣніе принадлежащее Князю Меншикову; садъ тамъ, также домъ, довольно обширны; къ нимъ принадлежатъ и другія зданія, отдающіяся на лѣтнее время внаймы. Лѣтъ около тридцати тому назадъ въ Черемушкахъ были публичныя гулянья съ разными потѣхами; но они посѣщались не немногочисленной публикой, и потому прекратились. Въ недавнее время тамъ на ходилась частная лечебница для умалишенныхъ; присутствіе которыхъ отпугнуло многихъ дачниковъ (*). Что касается до деревень *Верхнихъ* и

(*) Въ настоящее время эта лечебница переведена ближе къ Воробьевымъ горамъ, на дачу Мамонова.

версть отъ Москвы, на большой шосеированной дорогѣ, находятся деревни и села болѣе удобныя для дачъ, по близости къ нимъ лѣсовъ (часть которыхъ въ настоящее время безъ всякой вины съ ихъ стороны казнена своего рода палачами — топорами). Далѣе *Чертаново*, *Битцы* (15 вер отъ Москвы) и бывшая первая станція *Бирюлево*, (съ селомъ Покровскимъ), куда любители веселыхъ поѣздовъ ѣзжали, особенно въ зимнее время, на пикники кутить и пировать, какъ нѣкогда изъ Петербурга къ *Красному кабачку* ѣсть вафли.

Версть за 12 отъ Москвы, восторону отъ большой Серпуховской дороги, по Каширкѣ (нынѣ по Курской желѣзной дорогѣ, 1) находится бывшее помѣстье Князя Кантемира. Это такя личность, о которой нельзя не вспомнить хотя въ краткомъ очеркѣ. Кн. Димитрій Констанъ, ученый мужъ своего времени, родился въ Яссахъ, въ 1663 г., а съ 1684 г. за услуги, оказанныя имъ своему отечеству, онъ возведенъ былъ въ достоинство Молдавскаго Господаря, т. е. главнаго правителя Молдавіи (*) но по зависти къ нему и по ложнымъ доносамъ на него Валахскаго Господаря Братко-

(*) Молдавія и Валахія, нынѣ соединенныя Княжества, подъ названіемъ Румыніи—и тогда были вассальною землею Турціи.

вана, онъ былъ смѣненъ, но послѣ опять возведенъ въ это званіе. Въ это время, въ 1700 г. Оттоманская порта готовилась вступить въ брань съ Россіею. Несправедливые поступки Султана съ Молдавіею и излишнія требованія отъ нея побудили Князя Димитрія свергнуть съ Молдаванъ турецкое иго. Вслѣдствіе этого онъ обратился съ просьбою къ Императору Петру I-му: принять Молдавію, какъ единовѣрческую державу, подъ его покровительство. Петръ, хотя не совсѣмъ довѣрялъ ему, по наговорамъ Валашскаго Господаря Браткована, который обѣщался доставить въ русской лагерь съѣстные припасы, но принялъ предложеніе Кн. Димитрія на разныхъ условіяхъ. Русское войско вступило въ Яссы и Молдаване присягнули Петру въ вѣрности.

Между тѣмъ коварный Бранкованъ не исполнилъ своихъ обѣщаній и положеніе русской арміи, нуждавшейся въ продовольствіи, становилось затруднительно, поздно узналъ Петръ вѣроломство Валашскаго Господаря. Турки предупредили русское войско переходомъ чрезъ Дунай и окружили ихъ у р. Прута. Что касается до Кн. Димитрія, онъ остался непоколебимо вѣренъ русскому Государю, который, находясь въ критическомъ положеніи, долженъ былъ предложить миръ верховному Турецкому Визирю и въ этомъ случаѣ онъ

оказалъ опытъ величія души своей: на настойчивое требованіе Визиря выдать ему Кантемира, ему было объявлено, что Кн. Димитрій удалился изъ рускаго лагеря, между тѣмъ какъ онъ скрывался въ царской каретѣ, куда ему носили пищу. (*) Петръ сказалъ окружающимъ его: «я лучше уступлю туркамъ всю землю до Курска, нежели выдамъ Князя, пожертвовавшаго мнѣ всѣмъ своимъ достояніемъ; потерянное оружіемъ, оружіемъ и возвращается, но нарушеніе даннаго слова невозвратимо.» Великой Петръ возвратилъ потери, понесенныя Кантемиромъ; сверхъ многихъ наградъ онъ получилъ титулъ святѣйшаго Князя (съ распространеніемъ на наслѣдниковъ его), домъ въ Москвѣ, тысячу дворовъ въ Севскомъ уѣздѣ, а въ Московскомъ села: Черную грязь и Булатниково, шесть тысячъ ежегодной пенсіи, портретъ Государя съ бриліантами и полное право судить самому выѣхавшимъ съ нимъ Молдаванъ, число которыхъ превышало двѣ тысячи человекъ. Это былъ единственный примѣръ въ русской исторіи: подданному пользоваться такою властію.

Прибывъ въ Россію, сначала Кн. Кантемиръ имѣлъ пребываніе въ Харьковѣ, откуда, по при-

(*) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, составленный Дим. Бантышъ-Каменскимъ.

имѣть свое Царское село. Прибывъ въ Москву, въ 1763 г. она, во время коронаціи своей, среди торжествъ и празднествъ, въ прогулкахъ, посѣщала только ближнія подмосковныя села: Покровское, Измайлово, Семеновское; но въ 1767 г., когда она прибыла въ Москву тоже для знаменательнаго событія, гдѣ ожидали ее созванные депутаты изъ всѣхъ окраинъ Россіи отъ Ледовитаго до Каспійскаго моря, (*) чтобы внимать уготованное имъ и всей Россіи благо, чтобы возсѣдать вмѣстѣ съ вельможами и князьями, съ равноправными головами, для полученія новоизданнаго *Наказа*, (**) которымъ даны были всѣмъ равныя права и преимущества, Екатерина, во время отдохновенія своего, отправилась наблюдательно осмотрѣть дальнія Московскія окрестности, сперва въ Коломенское, потомъ въ Цареборисовку (близь Царицына); тамъ любовалась она неоглядною зыбью обширнаго пруда съ прекрасно устроенною плотиною и неболь-

(*) Въ числѣ которыхъ были: Камчадалы, Вотяки, Тунгусы, и пр. различныхъ исповѣданій, одежды; обычаевъ чудное, не бывающее собраніе! Депутаты носили на груди медали, при нихъ былъ особый маршалъ.

(**) Вотъ заглавіе его: *«Господи Боже мой! Возьми ми, и вразуми мя, да сотвори судъ людямъ Твоимъ, по святому закону твоему судити въ правду»*.

шимъ скромнымъ дворцомъ, оттуда увидала она блестящій на солнцѣ искрами крестъ Кантемирова села, задвинутаго стѣнами лѣсовъ, оно поразило ее своею мрачною красотою, и въ душѣ ея возникла мысль: сдѣлаться московскою помѣщицею, устроить себѣ здѣсь *Царское село* и назвать его *Царицынымъ*. Возвратясь въ Петербургъ, она поручила уговорить наслѣдниковъ Кантемира (Антиохъ давно уже не существовалъ) продать ей это село, на что и получила отъ нихъ полное согласіе.

Послѣ покупки Кантемировскаго имѣнія, новая помѣщица назвала его *Царицынымъ* и приказала славному въ то время архитектору Баженову (*) представить себѣ планъ, для выстройки въ немъ дворца. Баженовъ, согласуясь съ ея вкусомъ, (она любила готическо-мавритинской вкусъ въ зданіяхъ), представилъ ей планъ; она нѣсколько измѣнила его, убавила величину оконъ и ширину лѣстницъ.

(*) Вас. Ив. Баженовъ, адъюнктъ Академіи Художествъ, потомъ Академикъ и 1-й Вице-Президентъ, по порученію Цесаревича Павла Петровича, воздвигъ много построекъ въ Гатчинѣ, въ Павлоскѣ, въ Кронштатѣ и въ Петербургѣ. Въ Римѣ до сихъ поръ показывается, какъ лучшій проэктъ, сдѣланный Баженовымъ для лѣстницы въ Капитоліи. И тамъ признанъ онъ былъ первокласнымъ художникомъ.

лась блестящая карета Императрицы, запряженная осью кровными неаполитанскими лошадьми, головы которых убранны были кокардами; на ремнях кареты ея сидѣли пажы, впереди бѣжали приткїе скороходы, по бокамъ двигались тяжелые кавалергарды и кирасиры (•) въ бѣлыхъ мундирахъ, на вороныхъ лошадяхъ, сверкая серебряными кирасами, (••) а сзади галопировали лег-

(•) Кавалергардскій корпусъ учрежденъ въ 1762 г. Имп. Екатериною II; онъ состоялъ изъ 60 человекъ, которые избираемы были изъ офицеровъ лейбъ-гвардейскихъ полковъ; это были все рослые и представительные воины. Шефъ этого корпуса состоялъ въ рангѣ полнаго Генерала, Поручикъ—Генераль-Поручика, Вахмистръ—Полковника, Капрагъ.—Подполковника, которыхъ было два, столько-же и Премьеръ Майоровъ. Кирасиры были конные, тяжело вооруженные воины; форма вооруженія ихъ взята отъ Римско-императорскихъ кирасиръ, время Карла V.

(••) Кирасъ—зн. латы, защищающія отъ ударовъ неприятеля; у древнихъ нѣмцевъ полное вооруженіе кирасиръ состояло изъ шлема, покрывающаго голову, изъ нагрудника и наспинника, защищающихъ тѣло, изъ нарукавниковъ и наколѣнниковъ, охраняющихъ руки и ноги. Встарину они дѣлались изъ толстой кожи, отъ чего и получили свое названіе, потому что слово *Kirz* (Kür) на древнемъ нѣмецкомъ языкѣ значитъ *кожу*. Потомъ стали дѣлать ихъ изъ желѣзныхъ бляхъ и украшать золотомъ, серебромъ и

кіе уланы, съ цвѣтными флюгерами на пикаль. Усатые кучера и форрейторы, распудренные, съ длинными косами и бичами, въ треугольных шляпахъ. Народъ, почти во все прогяженіе дороги, стоявшій шпалерами, восторженно кричалъ раскатистое ура; все это производило самое торжественное зрѣлище. (•)

Въ Царицынѣ Императрицу ожидалъ роскошный полдникъ, въ это время тамъ, на лугахъ его, начался сѣнокосъ, представившій настоящій дивертисманъ; мпожество крестьянъ, рослыхъ, красивыхъ парней, въ праздничныхъ нарядахъ, дружно размахивали свѣтлыми полосами косъ своихъ и пѣли закатныя пѣсни, (••) а бабы въ цвѣтныхъ

хитрою рѣзбою. И на лошадей ихъ надѣвались латы, для защиты.

(•) Екатерина и въ Петербургѣ рѣдко показывалась народу; но когда она выѣзжала куда-нибудь, то съ большою пышностію и съ приличнымъ конвоемъ, называвшемся *тѣлохранителями.* У Имп. Елизаветы тѣлохранителями были *Лейбъ-компани*, тоже одѣтые въ бѣлые мундиры.

(••) Есть старинная хоровая пѣснь, которую пѣвали крестьяне по окончаніи своей работы:

Ахъ вы нутежъ, косари,

Руки въ боки подопри,

Разпотѣшивайтесь,

Разшевеливайтесь...

кумачныхъ сарафанахъ, въ кикахъ съ дробницами изъ стекляруса, а дѣвки въ кисейныхъ рубашкахъ съ запонками, сгребали сѣно. По окончаніи трудовъ ихъ, приготовлено имъ было угощеніе, состоявшее изъ вина, браги, калачей и *зальдокъ*, золоченыхъ пряниковъ. Императрица со всею своею свитою смотрѣла на этотъ сельской праздникъ, сидя въ большой бесѣдкѣ, устроенной для нея изъ сѣна и украшенной полевыми цвѣтами; потомъ прогуливалась по царицынскимъ садамъ, съ удовольствіемъ осматривая свое возникающее хозяйство и уже поздно вечеромъ отправилась въ Москву; на дорогѣ, по которой она ѣхала, стояли иллюминаванныя версты, далеко отбрасывая зарево огней своихъ...

Работа стройки дворца и прочихъ зданій приходила уже къ концу, но зависть, эта, какъ говорятъ, *косоокая мачиха талантовъ*, не допустила достроиться дворцу по плану Баженова; нѣкоторые, приближенные къ Императрицѣ, нашли въ немъ много недостатковъ, и вслѣдствіе этого постройка была приостановлена и наконецъ, въ 1787 г., дворецъ, для котораго употреблено было столько издержекъ и труда, велѣно было сломать до осно-

Ай люли, ай люли,
Разшевеливайтесь...

ванія и послѣ на этомъ лѣстѣ построить или лучше сказать: недостроить (какимъ-то неизвѣстнымъ архитекторомъ) нынѣшній, представляющій странную смѣсь древнѣйшаго зодчества съ новымъ. Приемникъ Баженова отступился отъ прежняго мавританско-готическаго вкуса и выдвинулъ какое-то неопредѣленное зданіе, представляющее болѣе темницу или сказочный очарованный замокъ Черномора, описанный Пушкинымъ. Разница вкусовъ и талантовъ между архитекторами замѣчательна особенно при сравненіи дворца съ мостомъ и съ нѣкоторыми другими зданіями, оставшимися въ своемъ видѣ, по плану Баженова.

При приближенію къ Царицыну, является странная игра оптики: сквозь густую зелень лѣсовъ виднѣются мрачныя, высокія башни (числомъ 8), съ таковыми же шпицами; крыша дворца издали кажется катафалкомъ, крышей гробницы, а угрюмыя башни, окружающія ее, капуцинами, кармелитами или франсисканами въ нахлобученныхъ шапкахъ, недвижно стоящими въ глубокомъ траурѣ, съ факелами въ рукахъ, въ католически-погребальномъ вкусѣ. Но когда въѣзжаешь въ самые предѣлы Царицына, на чистый, улыбающійся цвѣтами и зеленью лугъ, замѣняющій красный дворъ, когда вступаешь на волнистый, самородный бархатъ его — декорация вдругъ перемѣняется, являются

новыя картины: разбросанные тамъ и сямъ домики, изящно расположенные сады въ англійскомъ вкусѣ, съ широкими густыми аллеями, въ которыя и напористые лучи солнца тщетно сияютъ проникнуть, тамъ разбѣгаются лабиринтныя дорожки и по нимъ, если угодно, можно ходить, не возвращаясь на слѣды свои. Обширные, полноводые пруды, какъ будто дышащіе жизнью, отъ переката волнъ, на которыхъ колышутся шлюбки, ботики и лодочки, еще болѣе оживляютъ эту мѣстность. Вода въ нихъ всегда чиста и прозрачна, потому что они составлены изъ двухъ рѣчекъ и называются: *Орховской, Лазаревской, Верхній, Хохловской, Шапиловской* и *Цареборисовской*; на двухъ послѣднихъ устроены мельницы; за ними опять журчатъ, какъ потоки воды, густыя рощи. Въ саду встрѣчается вамъ и красный каменный мостъ, соединяющій два изумрудные берега, и букетные островки и фигурныя купальни, (одна изъ нихъ, роскошная, выстроена на мѣстѣ Кантемировыхъ палатъ) въ видѣ игрушечныхъ павильоновъ; тамъ найдете вы и уединенную галерею, называемую *Храмомъ мелаихоли*. Тамъ есть и другой садъ, фруктовый, съ прекрасными оранжереями; въ началѣ текущаго столѣтія въ немъ ежегодно продавались фрукты на значительную сумму.

Зелень въ Царицынскомъ саду подобрана съ осо-

беннымъ искусствомъ; нѣсколько бесѣдокъ пригото-
влено въ такомъ видѣ, что прїѣзжавшіе въ Ца-
рицыно на гулянье могли располагаться въ нихъ
даже нѣкоторымъ хозяйствомъ; при каждой бесѣд-
кѣ находилась тамъ особая кухня. Лучшая по
мѣстности и по устройству своему бесѣдка—есть
Миловида, она каменная и стоитъ на крутомъ хол-
мѣ; сквозная арка ея, составляющая залу, укра-
шена мраморными бюстами. Есть преданіе, что
она наименованіе свое получила отъ самой Ека-
терины, и дѣйствительно, ни откуда не представ-
ляются виды живописнѣе и *миловиднѣе*, какъ от-
туда; изъ Царицына видно и Коломенское. Про-
чія бесѣдки: *Хижина*, *Езопка* и т. п. названы
бывшимъ начальникомъ дворцовъ и садовъ въ Мо-
сквѣ П. С. Валуевымъ, которому Царицыно одол-
жено многими украшеніями. Онъ далъ прозвища
даже многимъ дорожкамъ и аллеямъ, на примѣръ:
глухую аллею назвалъ онъ *Несторовою*. Езопка
сдѣлана изъ березовыхъ бревень съ корою, оттого
она и представляется такою оригинальною. Жаль
что Петръ Ст. не успѣлъ тамъ всего окончить.

Не смотря на довольно большое разстояніе отъ
Москвы, въ Царицыно, въ лѣтнее время, всегда
прїѣзжало много гуляющихъ; тамъ существовалъ
трактиръ, помѣщавшійся въ одной изъ дворцовыхъ
развалинъ, въ которомъ можно было заказывать

обѣды и пр. и до настоящаго времени осталась еще большая двухъ-этажная бесѣдка съ обрушенными печами и такою же лѣстницею, которая вела во второй этажъ; прочія же бесѣдки также представляются покрившимися неумолимому урагану времени, промчавшемуся надъ ними.

Теперь Царицыно сковано съ Москвой желѣзнымъ кольцомъ, теперь гуляющихъ тамъ еще болѣе, путь къ нему коротокъ и удобенъ; дачниковъ тамъ много — это доказывается тѣмъ, что около самой станціи устроено *Новое Царицыно* съ изобиліемъ дачъ; на самой станціи находится что-то такое въ видѣ ресторана; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ туда съѣзжа ются толпы московскихъ жителей, гулять и наслаждаться, кромѣ даровъ природы, тщательными искусственными приманками, устраиваемыя предприимчивыми спекуляторами. Жаль, что въ Царицынѣ почва сыровата, отъ изобилія воды и лѣса и еще то, что поѣзды отсюда ходятъ очень поздно (въ 12 часовъ ночи).

Недалеко отъ Царицына; въ темной рошѣ лѣсныхъ дебрей, находится *Екатерининская пустынь*; лучшая ѣзда въ нее чрезъ *Суханово* (имѣніе князей Волконскихъ). Есть преданіе, что Царь Алексѣй Михайловичъ, охотясь въ тамошней мѣстности, услыхалъ о рожденіи себѣ дочери, названной Екатериною, и вслѣдствіе этого пріятнаго для него

событія, основалъ Екатерининскую пустынь, мужской монастырь. Далѣе по Серпуховской дорогѣ находятся селенія: *Кіево* съ большимъ барскимъ домомъ, отдающимся подъ дачу; *Видново* въ шести верстахъ отъ Царицынской станціи; *Остафьево*, *Ивановское* на р. Пахрѣ, *Молоди*—все прекрасныя мѣстности, со всѣми принадлежностями для комфортабельной дачной жизни и наконецъ *Дубровицы*, (35 верстъ отъ Москвы) принадлежавшія воспитателю Петра I-го, Кн. Бор. Ал. Голицыну; при Имп. Екатеринѣ II оно было куплено Потемкинымъ, а въ 1787 г. поступило во владѣніе Графа Мамонова.

Чѣмъ далѣе на югъ, въ Серпуховъ и за Серпуховъ, климатъ ощутительнѣе становится теплѣе, воздухъ мягче и эластичнѣе, а небо лазоровѣе; тамъ дышется легче и отраднѣе, тамъ наша русская теплица.

ГЛАВА XX.

Мѣстности близъ Рогожской заставы: Воксалъ и Горенки съ бывшимъ знаменитымъ своимъ садомъ.

Вообще мѣста за Землянымъ городомъ прежде назывались *далекими концами* и считались уже *полевыми* и *выгонными*; они большею частію при-

пачпортные люди, около торговых бань, кружалъ, пивоваренъ, гдѣ производилась разная неуказная продажа воровскихъ вещей, тщательно прикрытыхъ въ подвижныхъ лавочкахъ.

Нынѣшняя Рогожская улица тоже называлась загородной *слободой* и была пустынна; въ ней находились пахатныя поля; въ послѣдствіи времени, первый публичный, общественный загородный домъ близъ Рогожской заставы, былъ Воксалъ, (*) а около него дачныя домики; о существованіи его свидѣтельствуя до сихъ поръ переулки въ той сторонѣ, называемые: 1-й, 2-й и 3-й *воксальные*; при немъ находился довольно помѣстительный регулярный садъ. Воксалъ состоитъ собственно изъ общаго большаго зданія, со многими придаточными къ нему строеніями: кухнями, приспѣшными, подвалами и пр. Въ главномъ зданіи была большая зала, для публичнаго собранія благородныхъ

дѣлать имъ всѣ селенія отъ Москвы; такимъ образомъ земля казеннаго селенія у Рогожской заставы была разрѣзана пополамъ. Гдѣ же поселяне обрабатывали поля свои? — Внутри Кам.-Колл. вала, слѣдовательно внутри Москвы.

(*) *Воксалъ* слово англійское, зн. большой залъ или домъ, куда собирается общество для пріятнаго препровожденія времени; теперь это мѣсто принадлежитъ рогожскимъ ямщикамъ (обывателямъ) и застроено домами.

посѣтителей и для танцевъ; тамъ для баловъ концертовъ и театральныхъ представленій назначены были собранія два раза въ недѣлю. Воксаль содержалъ тоже Медоксъ, въ воксальномъ саду пускали шары и фейерверки. Въ концѣ прошедшаго столѣтія воксаль посѣщала многочисленная болѣе аристократическая публика, кареты, пріѣзжавшихъ туда особъ, стояли далеко за заставой. Въ Воксаль, послѣ Шведской войны, (при Екатеринѣ II) (*) пріѣзжалъ и плѣнный шведской адмиралъ, по преданію, очень представительный мущина, и потому наши прабабушки хотѣли въ свою очередь также взять его въ плѣнъ. Тогда на этотъ случай написаны были стихи:

Умы дамски помутились,
У нихъ головы вскружились,
Какъ узнали, что въ Воксаль
Будеть шведской Адмиралъ.

Болішая дорога, тянущаяся за Рогожской заставой, называется *Владимірская*, иначе *Сибирская*, потому что по ней, чрезъ Нижній Новгородъ,

(*) Шведской король неожиданно напалъ на Россію съ своимъ флотомъ, въ то время, когда Россія воевала съ Турціею; въ Петербургѣ дрожали окна отъ выстрѣловъ, раздававшихся съ Балтійскаго моря; но онъ былъ отраженъ; по этому случаю Екатерина написала комедію *Горе богатырь*.

Казань и такъ далѣе, пролегалъ и пролегаетъ путь въ сибирскіе края. Нѣкогда она была самая лѣсистая и опасная для путешественниковъ, особливо когда ее еще не шоссировали. Кто не слыхалъ о муромскихъ лѣсахъ, въ непроглядныхъ дебряхъ которыхъ таились разбойничьи гнѣзды; до сихъ поръ видны по сторонамъ дороги небольшіе курганы, обозначающіе могилы убитыхъ (*). О Муромскихъ лѣсахъ сохранились цѣлыя легенды; объ нихъ упоминается въ сказкахъ, и въ старинныхъ пѣсняхъ. Въ настоящее время, особливо по проложеніи желѣзной дороги на этомъ протяженіи, ничего не слыхать, кромѣ пронзительно-жалобно воющаго звука мчащихся локомотивовъ. Теперь самыя ближнія дачи къ Москвѣ находятся въ Кусковѣ и въ окрестностяхъ его; но на пятнадцатой верстѣ остановимъ пристальнѣе вниманіе на достопамятномъ саду въ Горенкахъ, принадлежавшихъ Графу Разумовскому; этотъ садъ былъ болѣе извѣстенъ и оцѣненъ по достоинству своему въ чужихъ краяхъ, нежели въ самой Россіи. Но прежде описанія его, взглянемъ на значеніе садовъ и лѣсовъ вообще, въ томъ числѣ и въ нашемъ отечествѣ, въ древнія времена; потому что и это принадлежитъ къ характеристикѣ прошлыхъ

(*) Встарину видали и кресты на этихъ могилахъ.

столѣтій, касающейся до жизни нашихъ предковъ. Грядущее описаніе относится собственно къ дачникамъ, обладающимъ эстетическимъ чувствомъ, любящимъ природу и дары ея и вполне понимающимъ нѣмой, но краснорѣчивый и таинственный языкъ ея. Иначе Горенковскій садъ, которымъ гордилась Россія, не будетъ достоительно оцѣненъ (*).

Зрѣніе есть одно изъ благороднѣйшихъ чувствъ человѣка; глазъ, какъ орудіе его, впечатлительно передаетъ нашей душѣ не только образы и краски, но, примѣчая въ разныхъ предметахъ стройность и гармонію, располагаетъ душу къ чистому, безкорыстному наслажденію. Стремленіе къ изящному прирождено духовной жизни человѣка; чтобы чувствовать рѣзкія впечатлѣнія, которыя являетъ намъ природа, надобно имѣть глазъ и душу. Если нѣкоторые предметы прекрасны по очерку и по гармоніи ихъ красокъ, то они вполне живописны. Великія, грандіозныя творенія природы какъ будто передаютъ намъ часть своего величія; они пробуждаютъ высокія понятія о могуществѣ Творца, смягчаютъ сердце, утончаютъ нашъ вкусъ и вдохновляютъ насъ новыми, поэтическими идеями. Душа человѣка, настроенная обаяніемъ прекрас-

(*) Лучшіе ботаническіе сады въ Россіи были: первый въ Горенкахъ, второй въ Павловскѣ, близъ Петербурга.

его; когда въ рисунокѣ есть достоинство, то оно можетъ находиться и въ садахъ. Садоводство имѣетъ сходство съ архитектурою и по этому оно можетъ причисляться къ изящнымъ искусствамъ. Садоводство ведетъ начало свое непосредственно отъ самой природы, этой совершеннѣйшей художницы. Соображаясь съ правилами науки и вкуса, оно заимствуетъ у природы и красоты ея. Горенковскій садъ есть преимущественно *ботаническій*, а въ ботаникѣ человекъ яснѣе видитъ слѣды божества, напечатлѣнные на каждомъ листочкѣ, на каждой травкѣ; онъ пристально разсматриваетъ чудесное строеніе этихъ живыхъ произведеній природы, онъ пытливо слѣдитъ за обращеніемъ соковъ во внутренности сосудовъ даже микроскопическихъ растеній, вникаетъ въ тайнства совокупленія растительныхъ существъ, открываетъ движеніе чувственности въ орудіяхъ пола и удостовѣряется въ томъ, что растенія имѣютъ даръ чувства (*).

Два крайніе, противоположныя предѣла земнаго шара представляютъ намъ великія зрѣлища: *небо* усѣянное звѣздами и *землю*, покрытую произрастеніями: «*Небеса повѣдуютъ славу Божію*», сказалъ Пророкъ, а деревья, цвѣты и травы доказываютъ благотворенія Творца. Упражненія въ ботаникѣ

(*) Такъ мыслить извѣстный испытатель природы, Боксъ.

отверзають намъ таинственную книгу природы, которая своимъ научнымъ языкомъ высказываетъ явленія ея. Ботаника, занимая разумъ челоуѣка, удаляетъ отъ него бурю страстей и облагораживаетъ его душу. Важная польза ботаники состоитъ еще въ томъ, что она самымъ нагляднымъ образомъ опровергаетъ предположеніе о механическихъ дѣйствіяхъ въ твореніи, видимая стройность и гармонія въ растеніяхъ являютъ печать творческой премудрости.

Кому не нравятся цвѣты, даже искусственные (шелковые, бархатные, полотняные, восковые, вспрыснутые духами и проч.); но живые цвѣты, услаждая зрѣніе и обоняніе, какъ благовонныя кадила, во всякомъ отношеніи имѣють преимущество предъ первыми. Кто не любитъся на цвѣтистыя гвоздики, на золотыя жонкиліи, на лазоревыя дельфины, на бѣлыя фоксы, на вѣжныя нарцисы, на голубыя кампанулы, на величавыя лиліи, на красавицы розы, на дружелюбно вьющуюся павелику и на пр. пр. Образованные люди и дикари, пребывающіе въ глубокомъ невѣжествѣ, имѣють наклонность къ цвѣтамъ: и корыстолюбивый китаецъ, и расчетливые жители Голландіи и Англіи, забывая свои торговыя, холодныя выкладки, занимаются разведеніемъ цвѣтовъ; одинъ выращиваетъ бенгальскую розу, другой пышный тюльпанъ и т. п.

Смуглая индіанка украшаетъ чело свое свѣжимъ касатикомъ, черная красавица области Конго сплетаетъ себѣ вѣнокъ изъ бѣлоснѣжной туберозы, а гордая испанка ни во что ставитъ свой драгоценный уборъ безъ букета благовонныхъ, символическихъ цвѣтовъ.

Теперь обратимся собственно къ нашему отечеству, Россіи, гдѣ предки наши разводили свои сады, простые и плодовые, безъ всякой теоріи садоводства, просто съ помощію самой природы. Это тоже относится къ характеристикѣ ихъ.

Не только въ Москвѣ, но и въ другихъ большихъ городахъ предки наши имѣли сады, которые походили болѣе на огороды; тамъ находились плодовые деревья, большею частію дикія, безъ правильнаго раздѣленія, безъ симметріи, безъ тщательнаго ухода за ними, и, разумѣется, безъ современныхъ украшеній. Даже въ началѣ XVIII вѣка въ Россіи почти не имѣли понятія объ извѣстныхъ въ Европѣ садовыхъ растеніяхъ. Въ бытность въ Москвѣ Олеарія, повѣренный въ дѣлахъ Датскаго короля, Маркелль (при Царѣ Михаилѣ Ѳед.), выписалъ въ Россію изъ Готорпскаго княжескаго сада душистыя махровыя розы (*Rosa centifolia*) (*), а до того времени довольствовались наши предки ди-

(*) Voyage du Sr. Adam Olearius.

кими розами, шиповникомъ (*Rosa canina*); у зажиточныхъ домовладѣльцевъ пестрѣли на грядкахъ ноготки, шанюки и разные полевые цвѣты. Это считалось уже роскошью.

Замѣтимъ, что при всей тѣснотѣ зданій, толпившихся нѣкогда въ Московскомъ кремлѣ: храмовъ, разныхъ подворій и домовъ ближнихъ бояръ, видимъ мы, изъ описанія Благовѣщенскаго собора (*), что около него находился садикъ, для потѣхи царевенъ съ прудкомъ, обложенномъ раковинами, въ которомъ насажены были игривыя, изъ воды взмывающіяся рыбки, выплывающія за подачкой, которую приносили имъ въ урочный часъ сами царевны; въ садикѣ же ихъ находившіеся тамъ цвѣты были тоже самые простые: медвѣжьи уши, дикія розы, бальзаминъ, полевые гвоздички, ландышъ, фіалки, незабудки и пр. (**). До конца XVII вѣка предки наши не знали почти никакой другой огородной зелени, кромѣ простой огородной капусты, луку, чесноку, огурцовъ, рѣдьки, рѣпы, моркови, свеклы и дынь. Дыни еще въ началѣ XVI ст. были тщательно разводимы и потому-то иностранцы, посѣщавшіе Россію, удивлялись пріятности вкуса ихъ и огромной величинѣ. Указомъ 1600 г. велѣно было разво-

(*) См. Отеч. Записки 1823 г., изд. П. Свиньнымъ.

(**) Описаніе древней Москвы.

дигъ въ Чугуевѣ арбузы и, когда они созрѣютъ, присылать ихъ въ Москву. Салата предки наши также не сѣяли; они издѣвались надъ иностранцами, говоря: «нѣмцы полевую траву жрутъ, какъ скоты»: Только въ половинѣ XVII ст. вкусъ ихъ измѣнился. тогда стали появляться разныя коренья, но спаржи и артишоки появились у нихъ въ началѣ XVIII ст. (они привезены были изъ Голландіи въ Петербургъ 1715 г.). (*) Въ то же время появились въ нѣкоторыхъ садахъ оранжереи. Послѣ путешествія своего въ чужіе края, Петръ I-й ввелъ въ употребленіе въ своемъ государствѣ много полезнаго и пріятнаго.

Въ заключеніе очерка древнихъ садовъ, въ томъ числѣ и старинныхъ дачныхъ, кромѣ удовольствія, доставляемаго эстетическому чувству цвѣтами и растеніями, взглянемъ на этотъ предметъ и въ гигиеническомъ отношеніи; дачникамъ удобно собирать на привольѣ лѣсовъ и луговъ разныя травы.

Мы знаемъ по преданію, что предки наши лечились доморощенными лекарствами, состоявшими большею частію изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ (**),

(*) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Успенскаго. Харьковъ, 1816 г.

(**) Также паровыми банями, заговорами, вспыриваніемъ слизываніемъ отъ *очеснаго негодованія* (т. е. отъ глазеня) и пр. тому подобнымъ шарлатанствомъ *знахарей*.

которые тщательно собираемы были въ поляхъ и въ лѣсахъ; примѣромъ тому служить старинная пословица: *продай кафтанъ, купи буковицу*; они боялись ученыхъ докторовъ (*): *лекаръ лечитъ, да искалечитъ*, говорили они, *аптека убавляетъ жизни полъпка*. Первый ботаническій садъ въ Россіи основанъ былъ въ 1706 г. въ Москвѣ, при Военномъ госпиталѣ; тамъ самъ Государь садилъ разныя травы и собиралъ растенія (**).

Ботаническіе, лекарственные сады, разведенные

(*) Помѣщики въ старинныя времена отдавали своихъ крѣпостныхъ людей на выучку докторамъ *лѣчебной наукы*, которые практически указывали имъ свойство цѣлебныхъ травъ; таковыя *выученики* назывались *подлекарями*. Доктора, иностранные, которыхъ тогда было болѣе русскихъ, въ черныхъ платьяхъ, въ большихъ парикахъ, со плюбкомъ на головѣ, (складная шляпа) отпугивали отъ себя всѣхъ, особенно дѣтей.

(**) Общество испытателей природы при Московскомъ университетѣ имѣетъ небольшое собраніе травъ, трудовъ Императора Петра I-го. Подобный ботаническій садъ, находившійся при Военномъ госпиталѣ, заведенъ былъ и въ Петербургѣ, въ 1714 г. Въ это же время заведены были въ Россіи и *травники*, (гербаріи) изъ растеній. Докторъ Поликкола въ 1725 г. имѣлъ богатый гербарій (*Herbarium vivum*) изъ растеній, собранныхъ въ Московскихъ окрестностяхъ.

съ давнихъ временъ въ странахъ, включенныхъ нынѣ въ русское государство, извѣстны были слѣдующіе: *Абовскій садъ*—онъ составленъ былъ изъ растеній, прозябающихъ около Або; *Казанскій* (разведенный послѣ Абовскаго докторомъ Фуксомъ); не послѣднее мѣсто занимаетъ *Харьковскій садъ*, въ которомъ находится много рѣдкихъ прозябеній Кавказа; *Кремчугскій* при Волынской гимназіи; *Дерптскій*, *Виленскій* при университетахъ; *Варшавскій* изстари (въ половинѣ XVII ст.) славился собранными тамъ разными иностранными растеніями; онъ прежде былъ извѣстенъ подъ именемъ *Королевскаго*. Нельзя кстати не упомянуть о садѣ, который разведенъ былъ Г. Демидовымъ въ Пермской губеріи, въ Соликамскѣ (въ XVII ст.) *Никитскій садъ*, бывшій въ Тавридѣ—но это все были казенные сады. Встарину и Ливонія славилась прекрасными ботаническими садами.

Что касается до плодовъ, находившихся встарину въ Россіи, то въ Украинѣ, (которая прежде еще не принадлежала ей), созрѣвалъ виноградъ; абрикосы и грецкіе орѣхи были тамъ также не рѣдкостью. Шелковица, водворенная тамъ Петромъ, росла свободно, прочія плодовицыя деревья произрастали тамъ безъ всякаго о нихъ попеченія. Въ Нѣжинѣ, въ саду Графа И. А. Безбородко, въ Обуховѣ, у Капниста, въ Харьковѣ и у прочихъ зем-

левладѣльцевъ была, (можетъ быть и теперь есть) шелковица до шести вершковъ въ діаметрѣ.

Виноградныя лозы въ первый разъ посажены въ Астрахани въ 1613 г. какимъ то тамошнимъ монахомъ; но преданію, проѣзжіе персидскіе купцы подарили этому монаху виноградную лозу, отъ которой онъ и началъ разводить виноградъ въ своемъ загородномъ монастырѣ. Въ 1675 г. въ тамошней сторонѣ появились уже многіе виноградныя сады и лозъ столько уже размножилось, что ежегодно получаемо было только для одного Царскаго Двора по 200 бочекъ вина и по 50 бочекъ водки.

Вотъ очеркъ описанія растений въ нашемъ отечествѣ, до основанія въ Горенкахъ ботаническаго сада.

Вѣдна наша природа на сѣверѣ дарами своими, за то она обильна лѣсами, (хотя не вездѣ) что для дачниковъ весьма важно; отъ лѣсовъ зависягь измѣненія въ атмосферѣ, лѣса всасываютъ избытокъ электрической силы и влаги въ воздухъ и извергаютъ ихъ во время засухи. Въ нѣкоторыхъ нашихъ губерніяхъ, изобиловавшихъ лѣсами, съ уничтоженіемъ ихъ, засухи сдѣлались обыкновенными (*). Лѣса же отводятъ бури и даютъ

(*) По этой причинѣ Египеть и Аравія являютъ *небо мѣдяно*, по словамъ пророка.

имъ другое направленіе, они питають источники и рѣки; почти всѣ наши большія рѣки имѣють свои истоки изъ лѣсовъ или изъ озеръ, лежащихъ между ними. Отъ губительной руки дровосѣка значительно измѣнился у насъ и климатъ (*). Старожилы помнятъ еще Запорожскія степи, на которыхъ не знали сѣнокосовъ; тамъ стада зимою, разгребая копытами снѣгъ, находили себѣ пищу. Древнее имя *листопадъ* перестало приличествовать ноябрю; теперь октябрь, иногда и сентябрь обнажаютъ деревья отъ листьевъ. Дубовые, кленовые, липовые, вишневые, яблонные и грушевые лѣса на югѣ Россіи, наполняя воздухъ бальзамическими испареніями, составляли самую счастливую соразмѣр-

(*) Петръ Великій, усматривая важность лѣсовъ для войска и флота, указомъ (19 іюня 1719 г.) строжайше запретилъ во всемъ русскомъ государствѣ валить дубъ, вязъ и сосну, въ отрубѣ 12 дюймовъ, ежели упомянутыя деревья находятся въ десяти верстахъ отъ небольшихъ славныхъ рѣкъ, впадающихъ въ большія, или въ пятидесяти верстахъ отъ большихъ рѣкъ. Въ то время лѣса составляли общественное достояніе, пространно ихъ измѣрялось верстами, а не другою мѣрою, которой еще не было въ Россіи. Въ 1812 г. лѣса составляли $\frac{1}{3}$ пространства европейской Россіи и много способствовали къ построенію въ Москвѣ зданій, сожженныхъ непріятелями.

ность съ полями, гдѣ рѣки текли обильно между цвѣтонсными берегами гдѣ на лугахъ, въ высотѣ сочныхъ травъ, едва были примѣтны хребты пасущихся стадъ.

Оцѣнимъ же лѣсъ достоительно; у насъ нѣтъ моря, лѣсъ тоже зеленое море, вѣчно ропотное, какъ само человѣчество; у него свой шумъ, свое движеніе, своя жизнь, свои перекаatnya, вѣтвистыя, сладкозвучныя волны; какъ не хранить, какъ не дѣлѣять намъ, подобно древнимъ друидамъ, (*) свои лѣса! Въ нихъ находится и то нѣжащее тепло, которое такъ необходимо въ нашемъ климатѣ, они ограждаютъ насъ отъ порывистыхъ налетовъ

(*) Такъ назывались у древнихъ Галловъ, Германцевъ и Бретонцевъ первенствующие духовные, которые наставляли народъ въ религіи, философіи и въ политикѣ; они также были свѣдущи въ Астрономіи, Географіи и Геометріи. Они имѣли вліяніе и на верховную власть, могущество ихъ не имѣло предѣловъ. Друиды имѣли особенное уваженіе къ дубу и собирали ежегодно растущую на немъ омелу (клеящій клей), почитая ее наилучшимъ лекарствомъ противъ яда. Слово Друидъ происходитъ отъ слова *Деру*; что на цельтскомъ языкѣ знач. *дубъ*. Они жили между Англією и Ирландією; ихъ сравниваютъ съ халдейскими мудрецами, съ персидскими магами и съ индійскими Гимнософитами. Такъ назывались древнѣйшіе греческіе философы, которые одѣвались такъ чтобы прикрыть только тѣло. *Гимносы* зн. нагой.

вѣтра, лѣсъ подвязываетъ крылья летунамъ — парходамъ и поравозамъ, въ лѣтнее время лѣсъ сохраняетъ въ тѣни своей свѣжесть и прохладу, онъ даетъ дачникамъ въ нѣдрахъ, въ тѣни своей, отрадное отдохновеніе, въ немъ такъ легко дышется. Въ лѣсу обозначилась великая цѣль природы, деревьямъ, опредѣленнымъ питать чѣловека плодами и быть веществомъ, для созиданія зданій, природа дала многіе года, даже вѣка, не такъ какъ другимъ, малосильнымъ растеніямъ, цвѣтущимъ скоропроходящею жизнію. Всѣ животныя въ лѣтнее время любятъ лѣса, отъ лютаго, кровожаднаго звѣря до невинной птички; какъ безопасно, какъ весело поетъ она въ таинственныхъ сумеркахъ лѣса, подъ какимъ нибудь шатровымъ деревомъ: видно, что у нее совѣсть чиста.

Полная красота природы находится въ соединеніи текучей воды съ лѣсомъ, что тоже очень важно для дачниковъ. Вода (ее метафорически называютъ *кровь земли*) въ своемъ родѣ полезна нѣ менѣе лѣса, рѣчки наша поилицы, ихъ именуютъ *живыми дорогами*, для сообщенія между разными мѣстностями; проточная вода даетъ жизнь всему окружающему ее; если посмотрѣть вдаль на прихотливые извивы ея, какую цвѣтность, какой блескъ придаетъ она общей панорамѣ ландшафта. Въ иномъ мѣстѣ сжимаютъ ее крутые берега и

она, представляя свѣтлую, движущуюся полосу, какъ будто разсвѣщаетъ самую однообразную природу, особенно подъ нависшими подъ ней скалами, или гдѣ она катитъ волны свои во мракъ, въ чернотѣсѣ, выключая озеръ и болотъ съ стоячей водой, подъ насупленную тѣнью деревь. А какъ она освѣжаетъ прибрежные (заливные) луга! Въ одномъ мѣстѣ вода приманиваетъ къ себѣ истомленное полдневнымъ солнцемъ стадо, въ другомъ съ оглушающимъ шумомъ двигаетъ тяжелыми, огромными колесами мельницы, какъ будто она сердито ропщетъ на то, что человекъ подчиняетъ своей могучей власти эту вольную стихію. А водопадъ, не искусственный, но природный, вырвавшись откуда-то на широкой просторъ, кипитъ и брызжетъ жемчужною пѣною на всю окрестность — вотъ живыя картины въ разнообразныхъ рамахъ.

Теперь приступимъ и къ описанію сада въ Горенкахъ, для любознательныхъ людей; это относится тоже къ характеристикѣ конца прошедшаго столѣтія. Представимъ садъ и зданія, окружавшія его въ прежнемъ видѣ.

Какъ не удивляться тому, что посреди сѣвернаго пояса, отдаленнаго въ то время отъ пособій наукъ, процвѣтавшихъ въ Европѣ, на пути къ пустынной Сибири, найти самый цвѣтущій храмъ Флоры и увидѣть рѣдкое собраніе почти всѣхъ

извѣстныхъ прозябей земнаго шара. Двухъ-этажный домъ Графа Разумовскаго представительной наружности, но онъ простъ; внутренность его соотвѣтствуетъ внѣшности: вездѣ соединена была въ немъ простота съ достоинствомъ и вкусомъ. Предъ домомъ находилась пространныя площадь, обнесенная большимъ валомъ и рвомъ, на которой серебрились вырытые пруды и недавно еще насажденные рощицы, предназначенныя для звѣринца. Черезъ большія ворота былъ входъ въ сѣни, а со-предѣльно съ ними въ оранжерею, находившуюся при комнатахъ перваго этажа и простиравшуюся въ длину болѣе двухъ сотъ шаговъ; тамъ красовался искусственный садъ (лѣтній и зимній), состоявшій изъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревъ, стоявшихъ въ трехъ густыхъ рядахъ, образующихъ длинныя аллеи. Кто входилъ туда въ первый разъ, тому, вѣроятно, казалось, что онъ, по какому-то волшебству, перенесся въ чудныя неаполитанскія рощи. Всѣ деревья въ этой оранжереи были обременены плодами, которые во множествѣ снимались съ нихъ ежегодно нѣсколько разъ.

Изъ оранжереи былъ ходъ на террасу, украшенную мраморными статуями, а далѣе, на дерновой площади, возвышалась прекрасная, то же большая мраморная ваза. Прошедши англійской садъ и два моста, устроенные въ китайскомъ вку-

сѣ, можно было подойти тоже къ большому зданію, въ которомъ хранились книги, заключавшія въ себѣ правила для садоводства и тщательное собраніе травъ и семянъ. Тамошняя библіотека была лучшею во всей Россіи, въ отношеніи богатства книгъ, относящихся до естественной исторіи; особенно до ботаники; въ этомъ отношеніи она не уступала ни одной библіотекѣ, находившейся во всей Европѣ; въ нее немедленно доставлялись, по распоряженію Графа, нововышедшія книги того времени, на разныхъ языкахъ. (·)

Кромѣ большаго собранія сухихъ растений, часто умножаемаго путешествующими на иждивеніи Графа Алекс. Кирил. естествоиспытателями, также перепискою, производимою съ большею аккуратностію и ботаническою мѣною со всею Европою, находились здѣсь замѣчательные травники *Потта* и *Батта*, выписанные Графомъ изъ Германіи, также профессора Дерптскаго университета Германна и часть травника русскаго испытателя природы *Палласа*. Въ собраніи семянъ, сохраняемыхъ въ особенной залѣ, находились преимуще-

(·) Тамъ особенно было много дорогихъ нѣмецкихъ книгъ: *Лузитанская флора*, *Таврическо-Кавказская* и *грецеская*, сочиненія Гумбольта и Бонпланда, Лилейныя растенія Редуте, Винтената, Биберштейда и другихъ.

ственно многія рѣдкія семена, произрастающія въ отдаленнѣйшихъ странахъ Россіи; они приумножены были Китайскими, Тибетскими, Камчатскими, Японскими и Бразильскими семенами, которыя доставлены были путешественниками, сопровождавшими русское посольство въ Китай и Крузенштерна вокругъ свѣта.

Изъ семянъ, привезенныхъ докторомъ Реманомъ изъ тибетской аптеки и Дангедорфомъ изъ Уналатки, вошли въ собраніе еще многія рѣдкія неизвѣстныя растенія, которыхъ не было еще ни въ одномъ европейскомъ саду. Находящійся нѣскольکو лѣтъ въ западной Персіи, на Кавказѣ и въ Крыму, *Стевенъ*, (при которомъ началъ устроиваться Горенковскій садъ) дѣятельностію своею споспѣшествовалъ обогащенію этого запаса. Кромѣ многихъ другихъ достопримѣчательныхъ предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы, относящихся до естественной науки, тамъ находилось также богатая, въ наилучшемъ порядкѣ расположенная коллекція насѣкомыхъ.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на *теплицы*, число которыхъ доходило до сорока; четырнадцать изъ нихъ предназначены были собственно до Ботаники, въ прочихъ содержались плодовые растенія, напримѣръ: крупные ананасы, (до двухъ тысячъ) разные виды винограда, костянки (*Stein-*

frucht) и т. д. Эти теплицы по большой части были каменные, а ботаническія деревянные; онѣ всѣ стояли рядомъ. Предъ ними находилась насыпь для травъ, кустарниковъ и деревь, росшихъ на вольномъ воздухѣ; они расположены были по системѣ Жюсье, такъ, что однимъ взглядомъ можно было объять всѣ фамиліи растеній въ гармоническомъ средствѣ ихъ.

Удивительно было видѣть, какъ тамъ растенія средняго пояса могли переносить суровость зимы, а напротивъ того, нѣкоторыя растенія холодной Сибири не произрастали на открытомъ воздухѣ, а требовали для себя мѣста въ теплицахъ. Такъ иногда природа противорѣчитъ сама себѣ въ своемъ растительномъ царствѣ. У cadaго растенія на палочкѣ находился номеръ и имя его. Вотъ какой тамъ былъ случай: у одного садоваго ученика обнаружилась по всему тѣлу сыпь, особенно на оконечностяхъ, которая производила сильный зудъ, подобно лишаямъ; эта сыпь, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, произошла отъ прикосновенія росшей тамъ ядовитой валье (*Rhus toxicodendron*) (*).

(*) А приведенъ онъ въ высокую степень совершенства, по леченіемъ профессора Гр. Ив. Фишера, приглашеннаго для этого предмета изъ Германіи. Онъ издалъ списокъ растеній, находившихся въ Горенкахъ, также описаніе весьма

Съ какимъ преисполненнымъ души благоговѣ-
ніемъ вступали во внутренность этихъ святилищъ
своего рода: незнающій ботаники и ученый зна-
токъ ея, въ ней являлась таинственная, неизъ-
яснимая жизнь твореній въ безчисленныхъ орга-
ническихъ образахъ, въ самыхъ простыхъ, самыхъ
нѣжныхъ, величественныхъ и разнообразныхъ ви-
дахъ; все это доставляло чувства новыя, многимъ
неизвѣстныя еще наслажденія и погружало душу
въ глубокое размышленіе, въ безмолвное умиле-
ніе. . . . Не таковъ ли былъ рай? Между тѣмъ,
какъ неботаникъ отъ созерцанія дивной полно-
ты растеній, отъ поражающаго многообразія, отъ
многообразія неизвѣстныхъ ему цвѣточныхъ чаше-
чекъ и листиковъ, отъ гибкихъ вьющихся стеб-
лей и вѣтвей, отъ пестрыхъ цвѣтовъ, отъ стеля-
щихся, едва видныхъ мховъ и стройныхъ, гордыхъ
пальмъ — приходилъ въ изумленіе — испытатель
природы, приближаясь къ своимъ знакомцамъ, съ
отраднымъ чувствомъ свиданія, находилъ тамъ,
можно сказать: многихъ друзей своихъ, переселен-
ныхъ изъ разныхъ странъ свѣта, подобныхъ кото-

рѣдкихъ, достопримѣчательныхъ растеній. Гр. Ив. помѣ-
щалъ ихъ частію въ *Трудахъ Общества испытателей при-
роды*. (Москва, Томъ 1 до 6-го), частію въ журналѣ *Физико-
медицинскаго Общества*, Томъ I.

рымъ ужъ онъ видалъ и самъ собиралъ ихъ на Альпахъ, Гельвеціи или въ закаленныхъ пустыняхъ Африки, или въ величественныхъ дѣвственныхъ странахъ Америки, на утесахъ Шимборазо. Отъ иссопа до кедра, отъ малѣйшаго папортника до благороднѣйшихъ растеній тропиковъ — все здѣсь можно было найти.

Зритель, и незнакомый съ ботаникой, съ большимъ любопытствомъ останавливался при финиковомъ деревѣ, при кокосовой и саговой пальмѣ, при различныхъ бананахъ, при сахарномъ и бамбуковомъ тростникѣ, при чайномъ кустарникѣ, при казауринѣ восточныхъ островитянъ, при крѣпкомъ, подобномъ желѣзу, шелковомъ льнѣ, растущемъ въ Новой Зеландіи, при разныхъ кустахъ хлопчатника, при красномъ и при камфорномъ деревѣ, при драконникѣ и при индейскомъ орѣшникѣ. Тамъ всё удивлялись, смотря на вѣчно движущійся раздражительный копешникъ, тамъ отвѣдывали листы квасіи, корицы и многихъ другихъ растеній, тамъ видѣли вьющуюся ваниль, цвѣтущую въ первый разъ въ Европѣ. Всѣ теплицы были наполнены благовоніемъ пахучей маслины, которою Китайцы иногда приправляютъ чай.

Растенія, которыя переносятъ зиму, посажены были въ саду порядками, но главная часть ихъ собра-

на въ семи раздѣльныхъ строеніяхъ, въ 16 оранжереяхъ, въ которыхъ находилась разная температура теплоты. Изъ теплицъ каждая была въ длину отъ 50 до 70 футовъ, но самая обширная изъ нихъ особенно кидалась въ глаза: высота ея простиралась до 40 фут., окружность же представляла видъ осмиугольника; вверху, кругомъ, выстроена была галерея, въ которой можно бы было обнять взоромъ весь тропической лѣсъ, (т. е. деревья, растущія подъ тропиками) и видѣть величавый барбадской кедръ и другія чужеземныя произведенія природы.

Въ галерею сдѣланъ былъ входъ по лѣстницѣ изъ сѣней этого ботаническаго храма и чрезъ нѣсколько прекрасныхъ комнатокъ, находившихся въ одинакой высотѣ съ галлереею, тамъ помѣщались ботаники, какъ жрецы храма, созерцающа чарующую красоту южныхъ странъ. Съ какою заботливостію старались они объ томъ, чтобы деревья и вообще большія растенія имѣли нужное для себя пространство, въ отношеніи естественнаго роста ихъ въ вышину и толщину. Это зданіе отапливалось двумя чугунными печами, вѣсъ которыхъ простирался до 200 пудовъ; во всѣхъ оранжереяхъ и теплицахъ было отъ 8 до 9 тысячъ различныхъ видовъ растеній; удивительно, какимъ образомъ это громадное заведеніе въ короткое время могло

достигнуть до такого совершенства; (*) развитію его споспѣшествовало ревностное влеченіе къ ботаникѣ самаго хозяина, который не щадилъ для того никакихъ издержекъ, и удачный выборъ ученыхъ ботаниковъ, которымъ поручилъ онъ заботиться о благосостояніи своего заведенія. Въ самомъ концѣ прошедшаго столѣтія сдѣланъ былъ первый опытъ ботанической оранжереи профессоромъ Стефани (находившемся тогда въ Москвѣ), но этотъ зародышъ не могъ обѣщать въ скоромъ времени богатыхъ плодовъ; преемникомъ Стефани былъ докторъ Редовской (слишкомъ рано для наукъ умершій въ Камчаткѣ); перепискою своею съ славнѣйшими ботаниками того времени, преимущественно съ англійскими садоводами, доставилъ онъ вскорѣ начатому дѣлу благоприятное направленіе и собраніе растений обогатилъ множествомъ новыхъ предметовъ. Еще до путешествія своего съ русскимъ посольствомъ въ Китай, для котораго нарочно вызванъ онъ былъ президентомъ Петербургской академіи наукъ, въ помощники къ нему поступилъ докторъ Фишеръ (о которомъ было уже упомянуть) приглашенный въ Москву изъ Гальберштата, по рекомендаціи доктора Шпренгеля. Приведеннымъ въ совершенство богатствомъ рас-

(*) Въ продолженіе 10 лѣтъ.

теній, пристойнымъ и искуснымъ содержаніемъ, своимъ Горенковскій садъ обязанъ былъ единственно заботливой дѣятельности Гр. Ив. Фишера. Изъ всего этого видно, какіе успѣхи могутъ произойти отъ глубокаго знанія своего дѣла, соединеннаго съ любовію и влеченіемъ къ нему. Научныя знанія свои употреблялъ Фишеръ не только технически, но съ истиннымъ философскимъ духомъ; нигдѣ, кажется, не обращалось столько вниманія на физиологію растений и на взаимныя ихъ отношенія, какъ въ Горенковскомъ саду.

Для распространенія и обогащенія сада растеніями, командировались Графомъ ученые ботаники во всю глубину и въ окраины Россіи, богатой своими природными сокровищами въ этомъ отношеніи.

Доктору Фишеру данъ былъ въ помощники докторъ Лондесъ изъ Геттингена, но онъ вскорѣ умеръ на пути къ Кавказу. Изъ числа находившихся въ сѣверной Сибири путешественниковъ, докторъ Таушеръ доставилъ богатую добычу изъ окрестностей Индерскаго солянаго озера, находящагося въ Киргизской степи. Къ этимъ соревнователямъ улучшенія сада прибавимъ служившаго въ московскомъ университетѣ Гельма. Подъ управленіемъ Фишера трудился весьма искусный садовникъ Пельцель, изъ Франконіи; съ нимъ работали 34 садовника, боль-

шею частію крѣпостные люди Графа; сверхъ того каждое лѣто болѣе 70 работниковъ занимались украшеніемъ англійскаго сада, извивавшагося чрезъ большой паркъ (*) многими кривыми дорожками; (**) англійской садъ былъ также богатъ прекрасными прудами и каналами, съ перекинутыми чрезъ нихъ фигурными мостиками.

Ежегодное содержаніе сада стоило Графу болѣе 50,000 тыс. рублей; но цѣна всего этого заведенія простиралась до полумиліона, не полагая въ этотъ счетъ построенія увесилительнаго, обширнаго, каменнаго, въ три этажа съ флигелями и службами дома. Устроеніе англійскаго сада, звѣринца и пр. цѣнили болѣе миліона рублей. Одна кора для грядъ, привозимая туда во многихъ сотняхъ воевъ изъ московскихъ кожевенъ, стоила болѣе 2000 руд. въ годъ, не считая дровъ, которые вывозились изъ собственныхъ лѣсовъ Графа; ихъ употреблялось собственно для ботаническихъ теп-

(*) *Паркъ* (сл. франц.) отличается отъ сада: онъ есть продолженіе сада, состоящаго изъ чистой рощи. Въ старинное время подъ этимъ словомъ означался звѣринецъ, огороженный чѣмъ-нибудь.

(**) По строгимъ правиламъ украшенія садовъ, дорожки не удовлетворяли эстетическому вкусу; ихъ сравнивали съ зигзагами шатающагося человѣка.

лицъ болѣе двухъ тысячъ сажень; одно доставленіе ихъ на мѣсто составляло издержку, простиравшуюся до 15 тыс. руб.

Въ 1810 г. доктора: Фишеръ, Гофманъ и Либошицъ, соединенными стараніями съ лучшими учеными мужами въ Европѣ, учредили *фитографическое общество* (*), чтобы расширить полезный кругъ ботаническихъ занятій и чтобы доставить въ нихъ участіе всѣмъ, занимающимся этою наукою и распространять свѣдѣнія посредствомъ тѣснѣйшей связи съ ботаниками всѣхъ странъ свѣта. При всемъ томъ въ Горенкахъ устроена была, содержимая въ наилучшемъ порядкѣ, больница съ аптекою. Учрежденіе этого заведенія служитъ доказательствомъ тому, что графъ Разумовскій, стараясь увеличить и довести до цвѣтущаго состоянія Горенки, не упускалъ изъ вида помогать страждущему человѣчеству. При аптекѣ постоянно находился докторъ. Въ особомъ отдѣленіи флигеля помѣщено было богатое собраніе минераловъ, расположенное въ систематическомъ порядкѣ.

По смерти Графа, этотъ садъ сталъ клониться къ упадку: гербаріи и библіотека были оттуда вывезены, а профессоръ Фишеръ отозванъ въ Петер-

(*) *Фитосъ* сл. греч., знач. растеніе; Фитографическое общество занималось описаніемъ растеній вообще.

бургъ, гдѣ порученъ былъ въ его вѣдѣніе, находившійся на Аптекарскомъ острову, огромный ботаническій садъ. Въ 1812 г. Горенковскій садъ много потерпѣлъ отъ непріятелей и послѣ остался безъ поправокъ и дополненій.

Въ заключеніе описанія этого образцоваго сада замѣтимъ, что Московскіе жители имѣютъ побудительныя причины, преимущественно предъ другими, питать любовь къ растеніямъ при хорошихъ пособіяхъ науки и при богатствѣ московской флоры; но охота, влеченіе къ познанію травы и цвѣтовъ тогда водворяются, тогда принимаютъ полное развитіе, когда ими занимаются, какъ наукою, систематически.

Графъ самъ привозилъ и приглашалъ къ себѣ въ Горенки знакомыхъ своихъ гулять и гостить, кушать плоды: оранжевыя дыни, пудовой арбузъ кроваваго цвѣта, янтарный виноградъ, пушистыя персики и абрикозы, не только лѣтомъ, но и зимою; можно представить себѣ, какъ пріятно поражены были посѣтители этой мѣстности, проѣзжая снѣжныя сугробы, осыпанные снѣжною мятелью или охваченные вѣтрянымъ ураганомъ — входя въ зимній садъ громадной Горенковской галереи, дышащей тепломъ и благоуханіемъ разныхъ цвѣтовъ и видя предъ собой тропическій лѣсъ, въ которомъ мелькали созрѣвшіе плоды: золотистые

лы помнятъ, сколько ломалось колесъ у почтовыхъ

Въ Азiи она распространилась повсюду, въ Китаѣ, даже въ Японiи, а послѣ перешла въ Европу, въ Грецію и въ Римскую имперiю, а по разрушенiи этой громадной все-свѣтной имперiи, почта водворилась во всѣхъ осколкахъ ея: въ Германiи, во Францiи и т. д. Въ Россiи, въ древнiя времена, когда кто ѣхалъ за Государевымъ дѣломъ, то долженъ былъ исполнить это на свое иждивенiе, но посланникамъ давали отъ города до города подводы, которые брали съ городскихъ обывателей, за что имъ выдавались небольшiе прогоны. Изъ древней выписки (найденной въ дѣлахъ бывшей Ямской канцелярiи) видно, что правильная *Ямская гоньба* была учреждена въ началѣ XVII ст., но только по самымъ нужнѣйшимъ дорогамъ, и простиралась даже до Тобольска; отъ Казани она была отправляема Татарами. Въ смутныя времена, до воцаренiя Царя Михаила, о дѣйствiяхъ ея ничего не извѣстно. Въ самые первые года правленiя этого Государя, по записной книгѣ извѣстно, что въ 1627 г. повелѣно было составить роспись, кому сколько выдавать подводы: духовнымъ, военнымъ, придворнымъ и гражданскимъ чинамъ; почтовое управленiе тогда получило наименованiе *Ямскаго приказа*, о которомъ упоминается въ книгѣ о московскомъ осадномъ сидѣнiи. Въ 1666 г., для сношенiя Россiи съ чужими краями, учреждена *Нѣмецкая почта*. При Петрѣ Вел. въ 1723 г., Ямской приказъ переименованъ въ *Ямскую канцелярiю*. Между тѣмъ еще въ 1717 г. въ Петербургѣ учрежденъ Почтамтъ; по положительно, когда въ Москвѣ учрежденъ Почтамтъ,

брычекъ и телѣгъ, сколько проклятій пронизывало

неизвѣстно, по причинѣ бывшаго въ ней въ 1734 г. пожара, во время котораго всё дѣла его сгорѣли. Вскорѣ потомъ Петербургской почтамтъ переименованъ *Генеральнымъ*. Въ 1759 г. почтовая дирекція поступила въ управленіе Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Колясочная почта учреждена въ 1770 г. отъ Петербурга до Парвы; послѣ стали уже заводиться въ городахъ почтовые конторы; въ послѣдствіи времени главная надъ почтами дирекція отдава была въ вѣдѣніе Гр. Безбородко и въ 1782 г. Ямская канцелярія уничтожилась. Въ началѣ текущаго столѣтія главными директорами почтъ были: Гр. Ростопчинъ, Гр. Паленъ и Троицкой. Мало по малу стали обращать вниманіе и на состояніе большихъ дорогъ, усаживать ихъ березками, копать по краямъ рвы, для стека воды, держать въ исправности мосты, но все это было недостаточно; вѣроятно старинные капитанъ-исправники были не совсѣмъ исправны и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока стали шоссировать дороги,—но не скоро, не вдругъ и не всё. Иногда путешественники должны были сворочивать на проселочныя дороги, но осторожно, чтобъ не задѣть пахотныхъ полей и травяныхъ луговъ; часто происходили ссоры, доходившія до дракъ между туземными крестьянами и ямщиками, портившими земли. А сколько отслужено было напутственныхъ молебновъ при предстоящемъ имъ пути! Сколько проваливалось мостовъ, сколько надсаживалось грудей, при понуканіи измученныхъ лошадей, сколько раздавалось междометій, выражавшихъ испугъ при спускахъ

окрестность при оврагахъ, при выбоинахъ, при переѣздѣ чрезъ бревенчатую настилку, на которой повозки, вздрагивая, подпрыгивали, какъ будто ѣхали по кочкамъ.

Предъ наступленіемъ ярмарки, у Московскихъ купцовъ поднималась страшная суета и хлопоты; сами *домовики*, большаки (хозяева) выѣзжали по слѣ своихъ подчиненныхъ; они распоряжались на грузкой и отправкой товаровъ. Берега Волги запружены уже были судами, прибывшими къ Макарью изъ разныхъ странъ, купцы *ладили* на биржѣ дѣла свои и выбирали надежныхъ прикащиковъ, которымъ ввѣряли свое имущество. Да не одни купцы собирались ѣхать на ярмарку; въ числѣ отправавшихся туда много было предпріимчивыхъ спекуляторовъ, шулеровъ, зубодерговъ, бродячихъ музыкантовъ, привилегированныхъ и простыхъ любителей азартной карточной игры и пр. Тогда проигравшіеся въ карты говорили: «меня ограбили кавалеры четырехъ мастей.» Карточного игрока звали: «кумъ вору.» Разные артисты, фокусники, лицедѣи, виверы, любители разнообразія и

съ горь, при кособокой ѣздѣ и при встрѣчѣ съ недобрыми людьми, «горе—горы, но не лучше ихъ и воры, ѣзди, но не развѣшивай губы, а то какъ разъ встрѣтятся душегубы», говорили тогда.

чаръ жизни, раскидывали тамъ, какъ Бедуины, временные шатры свои. Чего, чего, бывало не насмотрятся тамъ диковиннаго, чего, чего не испытаютъ, какимъ только шарлатанствомъ не обморочивались тамъ. Встарину показывали на этой ярмаркѣ панорамы всего міра, да кажется и то, чего во всемъ мірѣ нѣтъ и не было, что-то въ родѣ того, что можетъ быть происходило за недѣлю до сотворенія міра. Да не толи же происходитъ и въ наше время? Какой-то мудрецъ сказалъ: «всякое новое есть ничто иное, какъ забытое старое».

Между тѣмъ въ Рогожской ямской слободѣ шли свои приготовленія; тамъ у постоянныхъ дворовъ стояли помѣстительные тарантасы со вздернутыми вверхъ оглоблями, тамъ откармливались овсомъ прыткіе бѣгуны тройки, и отпаивались нанимателями сами лихачи-троечники. Тамъ же собирались въ дальній путь-дороженьку *въ одиночку*, на какомъ-нибудь невзрачномъ лошадиномъ остовѣ съ верблюжьимъ терпѣніемъ, ямщики на долгихъ, гуськомъ, цѣлою цѣпью тѣлѣгъ, съ неприхотливыми сѣдоками. Разница между тѣми и другими, разумѣется, была большая: первые летѣли въ облакахъ пыли или облѣпленные комками грязи, перенося боколомные толчки съ стоическимъ терпѣніемъ. Часто въ обгонъ съ другими тройками, они бились объ закладъ, кто кого перегонитъ:

лихачъ, онъ же балясникъ и прибаутникъ, (таковыхъ вмѣстѣ съ лошадьми брали на прокатъ;) какъ приберетъ возжи, да гаркнетъ: грабятъ!...—и шарахнутся кони его, коренникъ рвется изъ оглоблей, пристяжны заманежатся, зарюютъ мордой землю, колокольчикъ захлебнется... «Что, какво?» восклицаетъ ямщикъ, «видишь: всѣ позади остаются кто намъ на встрѣчу ѣдетъ!» Иногда ктонибудь изъ пассажировъ сорветъ съ ямщика шапку, взбросить ее на себя и самъ начнетъ править лошадьми. У иной повозки сломится ось—тогда и вспомнятъ они пословицу: «тише ѣдешь, дальше будешь». У иныхъ кибитки и тарантасы убраны были березками, какъ подвижныя бесѣдки. Тогда ямщики пѣвали пѣсню:

Ѣдетъ милый изъ Казани.
Съ козырями мчатся сани,
Конь размашистой, лихой,
Колокольчикъ подъ дугой....

У постоянныхъ дворовъ тройки встрѣчаемы были хозяевами съ подобающею имъ честію, ворота растворялись для нихъ во все полотевце, а одиночники продовольствовались на дорогѣ въ шалашахъ, покрытыхъ рогожами, чѣмъ Богъ послалъ. Пассажирамъ, пріѣхавшимъ на тройкахъ, стлали бѣлую скатерть съ красными, вышитыми пѣтухами по угламъ ея, на нее ставили рѣзную солоницу, ков-

ригу хлѣба и варевосъсвѣжиной (говядина), яичню, и отвѣшивали поясные поклоны. Пассажиры, входя, говорили: «что есть въ печи, все на столъ мечи, на шесткѣ не уступивай, ѣдоковъ не останавливай, напой, накорми, съ голоду не умори; мы отъ сахара сыты, отъ винограда пьяны, отъ ласковаго слова почтены; здравствуйте хозяинъ съ хозяюшкой и со всѣми чадами и домочадцами, настоящими и будущими »

Встарину не на всѣхъ постоянныхъ дворахъ были самовары (самогрѣи); эпидемическое питье чаю въ селахъ и деревняхъ начало вступать въ права свои только въ текущемъ столѣтїи, и потому нѣкоторые путешественники возили самовары съ собою, такой формы, какую теперь можно видѣть у сбитеньщиковъ, а у кого ихъ не было, тѣмъ кипятили воду для заварки чая, въ большихъ горшкахъ, въ родѣ котловъ, особливо для купцовъ, пьющихъ чай (крестьяне говорили *чвай*) до седьмаго пота, чайный же приборъ у зажиточныхъ хозяевъ съ конопатымъ чайникомъ красовался на постоянныхъ дворахъ въ стеклянныхъ шкапахъ, внутри оклеенныхъ обоями, вмѣстѣ съ разными фарфоровыми куколками. Стѣны свѣтлицъ, приготовленныхъ для почтенныхъ постояльцевъ, нестрѣли лубочными картинами, изъ которыхъ тогда самая модная была: *Изгнаніе Адама и Евы изъ рая*.

Кстати замѣтимъ, что въ то время находились и такія личности, которыя почитали за грѣхъ пить чай; они продовольствовались какой-то *душенарочкой*, изъ смѣси разныхъ травъ.

Благодушествовали люди торговой статьи и закликалы, отбросивъ свои аршины или уложивъ ихъ съ собою въ чемоданы и вырвавшись на свободу; иные изъ нихъ, встрѣтивъ на дорогѣ круговые хороводы, выскакивали изъ повозокъ и принимали въ нихъ участіе, покупали дѣвкамъ орѣховъ и пряниковъ, а парнямъ вина. Потомъ ямщики, выписывая кнутомъ вензеля въ воздухъ, лихо подкатывались къ постояннымъ дворамъ на отдыхъ. И тогда говорили: если купеческій прикащикъ ѣдетъ на лихачѣ, то хозяинъ его скоро пѣшкомъ пойдетъ. И въ то время между прикащиками были франты, слѣдовавшіе модѣ: на головахъ ихъ возвышались, какъ каланчи, высокія шляпы или въ родѣ опрокинутыхъ цвѣточныхъ горшковъ; сертуки длинные до пятокъ, съ пуговицами чуть не съ печныя вьюшки, съ таліей на лопаткахъ, козловые сапоги, сверхъ панталонъ, дудками, съ кисточками и со скрипцомъ, а въ жилетномъ карманѣ находились томпаковые часы (стукальцы) съ семилеровыми печатками; головы у нихъ были жирно намажены, хоть тѣсто мѣси на нихъ, а у иныхъ просто примоченные кваскомъ; между тѣмъ какъ нѣ-

которые изъ хозяевъ ихъ, съ стриженными маковками, носили старинные кафтаны на барахъ и тумбообразные картузы, бороды лопатообразныя, какъ у пиковаго короля.

Что было на ярмаркѣ, то до насъ не касается вѣроятно тоже, что творится и теперь; настанетъ время и зашевелятся: арлекины, паяцы, карлики, плясуны, пѣвуны и пр.; объ этомъ можно прочесть въ юмористическихъ журналахъ. Наторговавшись прибыльно и насмотрѣвшись тамъ разныхъ диковинокъ: на карликовъ, на курицу о двухъ головахъ, или на то, какъ фокусники пускали у себя на головѣ фейерверкъ, какъ пили они растопленный свинецъ, по жирали горящую паклю, или — вѣнецъ диковинокъ: какой-то непромокаемый водолазъ, устроивъ на плотахъ мѣста для зрителей, во всемъ платьѣ, съ разбѣга, бросался въ воду, нырялъ и выплывалъ изъ воды, переряженный въ другое платье — купцы, съ оттопыренными отъ денегъ карманами, самодовольно возвращались въ Москву, тоже на лихихъ тройкахъ (*), а не на ползункахъ, какъ

(*) Въ Рогововой славился въ старину своими конями ямщикъ Ширяевъ, жалованный кафтаномъ еще Имп. Екатериною II-й. А въ Тверской-Ямской Кокоринъ, тоже жалованный кафтаномъ Имп. Александромъ I-мъ.

на ярмарку, съ женами и свиданье, при встрѣчи возвращавшихся оттуда комерсантовъ. Сердобольныя жены знали, что въ этомъ трактирѣ было много контрабандныхъ искушеній и потому ревниво слѣдили за поведеніемъ своихъ благовѣрныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые возвращались въ Москву съ значительными барышами. Но эта женская полиція не всегда спасала нравственность и карманы своихъ супруговъ; тамъ устроено было особое отдѣленіе и мезонинъ, куда не допускались не посвященные въ таинства приманчиваго зданія.

Всегда и вездѣ человекъ жилъ, живетъ и будетъ жить своими пятью чувствами. Сметливый содержатель перовскаго трактира зналъ наизусть богатыхъ (и не скупыхъ,) поддававшихся искушенію московскихъ купцовъ; къ пріѣзду ихъ приготовлено уже было все то, что льстило ихъ вкусу и прочему, небезгрѣшному влеченію; тамъ въ садкѣ шевелилась уже рыба, какъ груда серебра: голубоперый распластаный осетръ, бѣлогубая, жировая, аршинная стерлядь, пироги-чемоданы, пудовые арбузы, батареи бутылокъ съ толстыми и узкими таліями, подъ разными свинцовыми шапочками, (изысканныхъ яствъ въ родѣ устриць, артишоковъ и пр. они не любили). Разумѣется тамъ ѣли до объяденья, пили до пресыщенья и зло подшучивали надъ тѣми, кто прежде всѣхъ

ослабѣвалъ, созрѣвалъ и увязалъ въ креслахъ. До шампанскаго тогда не совсѣмъ были охотники старинные торгашы: «намъ-бы чего нибудь позабористѣе, а шампанское, питье панское,» говорили они.

Богатыри минувшихъ лѣтъ
Ужъ вамъ давно простылъ и слѣдъ.

И давно спите вы непробудно въ сосновыхъ халатахъ, въ подземныхъ палатахъ.....

Впрочемъ и въ наше время найдутся непромокаемые съ неустрашимыми желудками, подобныя герои, на бутылкахъ выходящіе на поединокъ. Ко времени возвращенія ярмарочныхъ дѣятелей, пріѣзжали въ трактиръ, тоже возвращавшіеся оттуда, потѣшники цѣлой фалангой. Тамъ были уже артистки въ фантастическихъ костюмахъ и между ними пѣвица, какая-то крашенная нѣмка (по виду похожая болѣе на израильское племя), не такая сантименталья дочь Германіи, которая при лунѣ поетъ съ обращеннымъ кверху носомъ: *ach mein Herz, mein Herz, ach mein armes Herz!* (охъ мое сердце, мое сердце, охъ мое бѣдное сердце!) не такая нѣмочка, которая на небѣ видитъ только звѣзды, а на землѣ забудки, да картофель. Можетъ быть маститые старожилы помнятъ крашеную пѣвицу въ аломъ спензерѣ, съ рыжими наклад-

ными буклями, горласто пѣвшую съ иностраннымъ акцентомъ только что вышедшую тогда пѣснь:

*Ти не повѣришь, ти не повѣришь,
ти не повѣришь, какъ ти мила.*

Встарину болѣе веселились, потому что менѣе занимались серьезнымъ дѣломъ; тамъ оркестръ игралъ развеселыя пѣсни и балъную или лучше сказать: большую музыку по заказу, акомпанируемую хрипыми голосами пировавшихъ; литавры разсыпали дробь, взвизгивали скрипки, мѣдныя тарелки пронзительно звучали, тулумбасы гремѣли—и бѣ тамъ радость и веселіе многое.

Еще къ характеристикѣ того времени принадлежали шуты (хотя они и теперь не перевелись); ихъ довольно было въ купеческомъ сословіи. Для примѣра представимъ одного, нѣкогда давно бывшего богача, имѣвшего нѣсколько лавокъ въ разныхъ рядахъ и торговавшего цѣнными товарами: Якутскими соболями и дорогими, плотными какъ лубокъ, атласами. По рассказамъ, сперва онъ былъ картежнымъ игрокомъ, и предался послѣ оптомъ постоянному пьянству, вслѣдствіе чего обанкрутился и названъ былъ, на техническомъ ѣзыкѣ купцовъ, *прогорѣлымъ*. Между тѣмъ, какъ прежде въ почетномъ своемъ состояніи, онъ велъ самую строгую жизнь: не пилъ никакого вина, «въ винѣ бо есть блудъ» говорилъ онъ, вмѣсто чаю пилъ сушеную

малину, въ посты съ изюминками, помогаль бѣднымъ, принималь юродивыхъ и даже хотѣль удалиться въ монастырь, на Аѳонскія горы. Онъ былъ бездѣтенъ, наконецъ лишился и жены — и послѣ всего этого какъ то вдругъ обрушился, оборвался; но по какой причинѣ, тайну эту унесъ онъ съ собою въ могилу. Заимодавцы не преслѣдовали его формою суда, потому что нечего съ него было взять, а стали преслѣдовать его разными злыми подшучиваніями; онъ былъ кротокъ, какъ агнецъ, и унижено выпрашиваль у нихъ денегъ на выпивку; но когда доводилось ему напиваться досыта хмѣльной влагой, то онъ былъ очень раздражителенъ и злился на своихъ гонителей съ пѣною у рта. Его прозвали: Иванъ «Царевичъ, купеческій сынокъ» и брали съ собою на кутежь, для потѣхи. Такимъ образомъ ѣзжалъ онъ съ купцами и на ярмарку. Назовемъ его хоть: *несчастный*; нельзя было смотрѣть безъ состраданія на этого старика, но грубое невѣжество не щадило его: то обольють бывалоего водою, то обрѣжутъ у хмѣльнаго половину бороды, то заставятъ пить вино соломенкой и то съ намордникомъ; однажды, когда онъ, хмѣльной, приклонивъ голову къ столу, спалъ, ему припечатали остатокъ бороды его къ столу сургучомъ, то начнутъ язвить его самыми обидными словами, и т. д.

Если онъ въ азартѣ побѣжитъ за кѣмъ нибудь, да упадетъ, ему кричатъ хоромъ: «поди сюда, я подыму», или: «не вставай, не вставай, а то долго промѣшкаешь». Этотъ несчастный при всѣхъ своихъ грустныхъ обстоятельствахъ былъ очень не глупъ и самъ золъ и остеръ на языкъ. Бывало какой нибудь широкій, квадратный купецъ назоветъ его клячей, а онъ отвѣтитъ: «вотъ ты дюжь и дородень, а ни на что не пригодень, ты можеть быть только отъ того въ яму не попадешь, что и бокомъ въ дверь не пройдешь, я и хотъ невзраченъ, но на все удаченъ». — «А помнишь, какъ тебя пивьками выгнали изъ Троицкаго трактира?» спросить его. — «Такъ чтожь», возразить онъ, «развѣ это въ первый разъ?» Прожилъ онъ милыоны и умеръ на соломѣ.

Много темныхъ продѣлокъ совершалось въ этомъ трактирѣ; бывало когда начнетъ собираться въ походъ съ нашего полушарія старуха зима и настанеть Сборное воскресенье (на первой недѣлѣ Великаго поста), трактиръ оживится, послышится лай мордатыхъ псовъ, въ ожиданіи кровавой схватки съ *босовикомъ топтыжнымъ* (съ медвѣдемъ); въ этотъ день наѣзжало на травлю много охотниковъ до этой забавы, тамъ устроенъ былъ для нихъ амфитеатръ; но прежде, отправлялись они на перепутье къ гостепріимному вѣмцу, поминутно

снимавшему колпакъ свой предъ посѣтителами. У него происходили по праздничнымъ днямъ свои оригинальные спектакли, а именно, между нами сказать: азартныя игры въ карты, въ гусекъ, или въ фортунку (*), бой пѣтуховъ и гусей. Нѣкоторыя игры и увеселенія людей чуть не что иное, какъ каррикатуры на тѣ забавы, которыя основаны на наслажденіи, доставляемомъ изящными искусствами. Нѣкоторыя каррикатурныя игры превращались въ прихоть и роскошь, на примѣръ: французскій праздникъ дураковъ, нѣмецкій Ивановъ день съ огнями вѣдьмъ, а гораздо прежде: бои гладиаторовъ, ужасныя сцены Ипподрома, въ Римѣ арена цирка обогрелась кровію львовъ, леопардовъ и людей, въ Индіи тигровъ и слоновъ, въ Китаѣ бой перепелокъ, въ Испаніи быковъ и людей. Но за что травить кроткихъ животныхъ, на примѣръ зайцевъ на садкѣ? Мы, къ удивленію, видимъ и доселѣ, что въ землѣ просвѣщенной пѣтушій бой составляетъ большую потѣху для зрителей — это происходитъ въ Англіи,—при каковомъ зрѣлищѣ чопорные сыны Альбіона держатъ большіе заклады, какъ на скачкахъ.

Къ довершенію описанія мѣстностей за Рогожской заставой, включимъ въ нихъ деревни, подъ

(*) Карты на столъ, разсудокъ подъ столъ.

общимъ названіемъ: *Гуслицы*, извѣстныя не со-
всѣмъ доброй славой; по Володимеркѣ же влчатъ
свои цѣпи и арестанты, принимая достойную мзду
за дѣла свои; пожалѣемъ о нравственномъ безоб-
разіи подобныхъ людей. На 16-й верстѣ (въ сто-
рону отъ большой дороги, около двухъ верстѣ) на-
ходится селеніе *Реутово* купца Мазурина, съ бу-
маго-прядильной фабрикой; можно тамъ найти и
дачи.

ГЛАВА XXI.

Ближнія дачи за Мюзской заставой:

Бутырки, Петровское-Разумовское съ окрестностями, Ар-
хангельское, Ильинское.

За Бутырской или Мюсскою заставой идетъ
дорога въ городъ Дмитровъ (*); въ полуверстѣ отъ
нея находятся Бутырки, изобилующія дачами.
Встарину назывались они Бутырскою слободой,
получившею свое названіе отъ квартировавшаго
здѣсь Бутырскаго полка; она издревле считалась
пригородьемъ Москвы, и потому всѣ обыватели ея

(*) По немъ и улица въ Москвѣ называется Дмитровкой.
На Дмитровкѣ церковь Рождество *вз Путинкага* знаме-
нуетъ, что здѣсь находится *путь* изъ Дмитрова въ Москву.

платили городскія поземельныя подати, а также и питейная продажа отдавалась въ ней на откупъ вмѣстѣ съ московскою. Въ 1805 году комитетъ для учрежденія въ Москвѣ городскихъ повинностей положилъ, чтобы денегъ съ земель, находившихся за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, не брать; поэтому и Бутырки были отъ городскихъ повинностей освобождены. Съ тѣхъ поръ земли ихъ стали отдаваться священникомъ и церковнымъ старостою церкви Рождества Богородицы въ наемъ (*) и употреблялись на церковныя надобности.

Въ послѣдствіи Бутырки совершенно вошли въ районъ Москвы, и нынѣ состоятъ они Суцевской части, 6-го квартала.

Лица, проживавшія встарину на Бутыркахъ, были большею частію изъ простаго званія; когда Университетскую типографію, находившуюся прежде на Тверской, въ Газетномъ переулкѣ (**), перевели въ нынѣшнее ея помѣщеніе и отдали въ аренду Ридигеру и Клаудію, со всѣми принадле-

(*) Слишкомъ за 700 дес. земли брали 1.435 р. ассигн. См. *матеріалы сравнительной статистики Москвы 1841 года.*

(**) Послѣ въ этомъ домѣ находился университетскій пансіонъ. Въ Газетномъ же переулкѣ находилась и межевая канцелярія, переведенная оттуда въ Кремль.

жавшими къ ней рабочими, зависѣвшими отъ университета, тогда наборщики, батырщики и тередорщики стали селиться на Бутыркахъ, гдѣ были въ отношеніи найма квартиръ снисходительныя цѣны.

Встарину Бутырки славились производствомъ баранокъ, отъ самыхъ крупныхъ, такъ-называемыхъ *обручей*, до самыхъ мелкихъ *бусъ*, и соперничали съ крестовскими и переяславскими сайками и тверскими калачами.

На Бутыркахъ нѣкогда находился генеральный военный судъ (Кригсратъ). Чрезъ Бутырки неоднократно проѣзжала изъ Петровскаго дворца, на пути къ Троицѣ, Великая Екатерина; на Бутырки по праздникамъ, особенно лѣтомъ, съѣзжалось изъ Москвы множество народа, московскіе градоначальники или, какъ называли тогда, *градодержатели*, лѣтомъ проживали въ Коломенскомъ, но болѣе въ Петровскомъ дворцѣ, и оттуда ѣзжали къ обѣднѣ на Бутырки. Въ концѣ прошедшаго столѣтія градоначальникомъ въ Москвѣ былъ генераль-аншефъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій (*); онъ завелъ прекрасный хоръ пѣвчихъ, называв-

(*) Главными начальниками Москвы, съ открытія Московской губерніи, были: графъ Чернышовъ (съ 1782 г.); далѣе слѣдуютъ: гр. Брюсъ, ген. Еропкинь, кн. Прозоров-

шихся *гусарскими*, и они обязательно по праздникамъ въ лѣтнее время пѣвали на Бутыркахъ. Князь прѣзжалъ туда парадно, съ большою свитой и съ отрядомъ полицейскихъ драгунъ (*); впереди его въ церковь входили рослые гайдуки съ блестящими булавами, расчищая дорогу для князя. Пѣвчіе были одѣты въ красные кафтаны, блестящіе золотыми кистями.

На Бутыркахъ, 8 сентября (день Рождества Богородицы), встарину была людная ярмарка. На средней, главной улицѣ красовались шатры и балаганы, развѣвались флаги и дребезжали барабаны въ лубочныхъ комедіяхъ. Отъ Москвы и Петровскаго дворца Бутырки были заслонены лѣсомъ,

скій, дѣйств. тайн. сов. Измайловъ, кн. Долгорукій, гр. Салтыковъ, ген. Беклешовъ, ген. Тутолминъ, фельдм. Гудовичъ, гр. Растопчинъ, гр. Тормазовъ; съ 1820 года кн. Дим. Влад. Голицынъ. Канцелярія ихъ учреждена въ 1786 году.

(*) Московская Управа Благочинія открыта въ 1782 году; при ней состояло 180 другунъ, а въ 1788 году учреждены еще два гусарскіе эскадрона; они сформировались изъ праздношатающихся разночинцевъ и вербовкою изъ вольноопредѣляющихся. Сперва полицейскіе чиновники одѣты были въ красные мундиры съ эполетани, на которыхъ изображень былъ Св. Георгій Побѣдоносецъ. *Матеріалы для полн. стат. Москвы* и изъ разсказовъ старожиловъ.

сквозь который, мѣстами, едва были видны его вычурныя башни.

За Бутырками пролегаетъ дорога къ Петровскому-Разумовскому; это село, вмѣствъ съ Кунцевымъ, долго было во владѣннй Нарышкиныхъ и, какъ дв-довская отчина, перешло въ наслѣдство Петру I. Тамъ часто гуливалъ онъ и его семейство, особенно Елизавета. Въ 1776 году фельдмаршалъ Гр. Кирил. Григор. Разумовскій женился на боярышнѣ Нарышкиной и Государыня Екатерина II дала въ приданое за нею эту царскую отчину. Сынъ Кирилла Григорьевича разбилъ тамъ садъ, выкопалъ пруды, устроилъ конный заводъ и другое сельцо (теперь уже не существующее) Амстердамово (*) Петровское-Разумовское окружено было густымъ лѣсомъ; почти до самой Москвы (въ протяженнй 7 верствъ) красовалась тогда Дубовая роща; часть ея примыкала ко Всесвятскому, въ ней находился и звѣринецъ. Лѣтнй домъ графа, опираясь на свои массивныя колонны, былъ величавой архитектуры; его посѣщала Императрица Екатерина II; жаль что тамъ мѣсто низко, сыро и болотно.

Въ 1812 году въ Петровскомъ порядочно похозяйничали непріатели: они поломали въ домѣ всю

(*) *Московскія Губернскія Вѣдомости* 1855 года, № 45.

Самое людное и торжественное гулянье въ Петровскомъ-Разумовскомъ бывало въ Петровъ день, 29 іюня, и при Графѣ и послѣ него, когда оно принадлежало (въ 20-хъ годахъ) Князю Юрію Влад. Долгорукому; тѣнистыя аллеи его оглашались роговою музыкой, а обширный лугъ предъ домомъ и садъ были ярко иллюминированы; въ воздухѣ крутились и кипѣли фейерверки, осыпая окрестность искрами, летавшими подобно огненнымъ мухамъ.

Послѣ вся эта мѣстность была куплена г. Шульцомъ, содержавшимъ аптеку на Тверской, очень за сходную цѣну: онъ вырубилъ прекрасный, массивный дубовый лѣсъ и вообще съ тѣхъ поръ Петровское стало клониться къ упадку; деревья та-

ковинами; тамъ бывали общественныя гулянья, оглашаемая музыкою и хоромъ крестьянъ во время сѣнокоса. Нынѣ бывший Разумовской домъ вмѣщаетъ въ себѣ малолѣтнее отдѣленіе Воспитательнаго дома, а Демидова Елизаветинскій институтъ. Замѣтимъ еще что домъ графа Разумовскаго находится на Воздвиженкѣ (нынѣ Гр. Шереметева, гдѣ помѣщается Дума); тамъ у него ежедневно бывалъ пріемъ гостей званыхъ и незваныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; обѣденный столъ его былъ накрытъ слишкомъ на 100 кувертовъ, для лицъ привилегированнаго званія; туда являлись къ нему гости, облаченные въ полныя мундирныя формы.

отъ Лихоборъ стоитъ тоже дачное село *Владычное* (*), на солнпекъ; это какой-то открытый ящикъ, стѣны котораго состоятъ изъ горъ; на одной изъ нихъ высится церковь; посрединѣ села скромно пробирается рѣчка. Лѣвѣе село *Егунино* съ церковью во имя Бориса и Глѣба; оно расположено въ оврагахъ и на пригоркахъ.

Гораздо замѣчательнѣе по Дмитровской дорогѣ, въ 30 верстахъ отъ Москвы (на половинѣ пути къ Дмитрову), село *Марьино* (**). Направо большой дороги (4 версты въ сторону) стоитъ столбъ съ надписью: *поворотъ къ селу Марьину*. Прежде оно принадлежало Графу Петру Ивановичу Салтыкову,

(*) Часть тамошнихъ земель, особенно луговъ, принадлежитъ московскому Богоявленскому монастырю; во время сѣнокоса монахи прїѣзжаютъ туда убирать сѣно.

(**) Не доѣзжая до Владычнаго, стоитъ другое невзрачное селеніе—деревушка *Марьино*, по сосѣдству съ Остапкинскимъ; оно принадлежало Графу Панину; часть земель, окружающихъ его, также принадлежитъ Богоявленскому монастырю; предъ этимъ селеніемъ высился красивый, декоративный лѣсъ, но монастырское начальство распорядилось вырубить его. За деревней, на такъ-называемомъ Паниномъ лугу, въ недавнемъ времени выстроены гулевой трактиръ, раекъ для марьинскихъ крестьянъ.

сыну фельдмаршала Петра Ивановича, бывшего главнокомандующаго въ Москвѣ; огромный домъ его былъ на Тверской, послѣ Мятлевой, а другой, загородный, на Вожедомкѣ, съ большимъ садомъ, гдѣ содержалась у него большая стая охотничьихъ собакъ. Домъ въ Марѣинѣ съ флигелями кудрявой, узорчатой архитектуры; тамъ находились фабрики: ковровая, слесарная и салфеточная. Тамъ протекаетъ рѣка Куча, съ находящимися на ней островками, на одномъ изъ которыхъ высился еще небольшой домъ; сады въ Марѣинѣ тѣнисты и красиво расположены, церковь въ селѣ во имя Рождества Богородицы лѣтняя и зимняя. 29 іюня (въ Петровъ день) къ именинамъ хозяина съѣзжалось къ нему много гостей, какъ изъ окрестностей, такъ и изъ Москвы, по старинному обычаю, на нѣсколько дней. Для крестьянъ своихъ и вообще для престопаго, разставлены были столы съ изобильнымъ угощеніемъ, а въ сторонѣ высились золоченые столбы съ висящими на нихъ разными призами и лакомствами, заѣдками или, какъ тогда называли, *верховытомъ*. Удаальцы, въ потѣху гостямъ, лазили на столбы и, при общемъ аплодисментѣ, доставали призы. Послѣ водили хороводы и плясали подъ дуду-загуду.

Въ послѣдствіи времени Марѣино было куплено Графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ Орловымъ,

который отдалъ его въ приданое за дочью своею, вышедшею замужъ за Графа Панина.

Новые владѣльцы Марѣина улучшили его, построили тамъ виллы и коттеджи и устроили театръ, въ которомъ участвовалъ Карамзинъ, также сверстникъ и сослуживецъ И. И. Дмитріева, В. Л. Пушкинъ. (*) Непріятели въ 1812 году произвели въ Марѣинѣ большой разгромъ; съ тѣхъ поръ оно стало приходиться въ упадокъ.

Въ 18 верстахъ отъ Москвы, за Прѣсяенскою заставой, красуется село *Архангельское*, принадлежавшее прежде князьямъ Голицынымъ, нынѣ князю Юсупову; оно прекрасно не только мѣстностью своею, но и садами, съ растеніями тропическихъ странъ, съ просѣками, въ которыхъ находятся бюсты, изображающіе Сильвановъ, Дриадъ и Наядъ. Это село обтекаетъ Москва-рѣка, струистая, полногрудая; домъ тамъ изящной постройки, съ большими террасами, залами, украшенными прекрасными картинами, статуями и разными антиками. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ имѣлъ тамъ собраніе древнихъ историческихъ рукописей; (**) а князь Николай Ворисовичъ Юсуповъ

(*) Которому писалъ А. С. Пушкинъ: *Ты дядя мой и на Парнассѣ.*

(**) Въ запискахъ Карамзина сказано, что эти рукописи проданы за бездѣлицу въ разныя руки.

составилъ замѣчательную библіотеку изъ иностранныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ находятся книги-фоліанты на италіянскомъ и испанскомъ языкахъ. Въ одной изъ тамошнихъ библіотечныхъ залъ находится автоматъ, представленный сидящимъ за столомъ и держащимъ въ рукахъ книгу, — онъ поворачиваетъ голову изъ стороны въ сторону, какъ бы читая ее. У Кн. Н. Б. Юсупова въ Москвѣ, на Никитской (въ домѣ, бывшемъ Познякова) былъ собственный театръ съ славными танцовщицами и пѣвицами; въ селѣ Архангельскомъ, въ саду, былъ тоже театръ, въ которомъ сохранялись декораціи, писанныя Гонзагомъ.

Самъ Князь Николай Борисовичъ (бывшій президентъ кремлевской экспедиціи) рѣдко посѣщалъ Архангельское; (*) но князь Д. М. Голицынъ жила въ лѣтомъ въ этой своей подмосковной дачѣ и къ нему съѣзжалась туда вся знать изъ Москвы на хлѣбосольные обѣды и погостить. (**) Въ насто-

(*) Домъ кн. Юсупова съ садомъ находился у Харитонія въ Огородникахъ, гдѣ нынѣ рабочій домъ, пріютъ для нищихъ.

(**) Это тотъ самый князь Голицынъ, который въ ту минуту, когда императрица Анна, при радостныхъ восклицаніяхъ двора, разорвала договоръ, заключенный ею съ тайнымъ совѣтомъ при восшествіи своемъ на престоль,

ящее время въ Архангельскомъ отдаются дачи; тамъ полная сельская обстановка: рѣка, лѣса и вообще красивая мѣстность.

Въ 2 верстахъ отъ Архангельска (въ 20 отъ Москвы) находится село *Ильинское*, принадлежавшее также князьямъ Голицынымъ, нынѣ улучшенная вертоградная дача съ изящно построеннымъ дворцомъ императрицы Маріи Александровны. Это — *московское Царское село*. Садъ тамъ превосходный, мѣстоположеніе живописное, какъ и всѣ мѣстности на Звенигородкѣ: горы, лѣса и разстилающіяся долины, — праздникъ для глазъ художниковъ и поэтовъ. Въ Ильинъ день Кн. Голицынъ дѣлалъ въ этомъ селѣ большой праздникъ; тамъ на лугу танцевали у него крестьянскія дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ; ихъ обучали театральные артисты разнымъ танцамъ; одѣты они были въ спензеры и въ курточки, противъ дома устроены были иллюминированные арки, а берега Москвы-рѣки смоляными бочками. Кромѣ того художникъ Рамазановъ устроилъ въ саду живыя картины. Въ 1853 г. въ Ильинъ день, во время празднества, получена была

о раздѣленіи съ нимъ власти, воскликнулъ, обратясь къ паредворцамъ: «Господа; пиръ былъ изготовленъ, гости созваны, но никто не явился. Прощайте!» *Записки о Москвѣ Карамзина.*

изъ Петербурга телеграмма, что сынъ князя въ этотъ день утонулъ, на паромѣ; но отъ самаго князя скрыли это извѣстіе.

ГЛАВА XXI.

Очеркъ исторіи земледѣлія, садовъ и украшенія ихъ съ древнѣйшихъ временъ.

Мысленно осмотрѣвъ въ Московскихъ окрестностяхъ дачи и мѣстности за всѣми заставами, также очеркнувъ значеніе растеній вообще, отъ великана дуба до простой былинки, кстати считаю не лишнимъ сказать любознательнымъ дачникамъ, живущимъ въ тѣсныхъ объятіяхъ природы: о началѣ, о происхожденіи садовъ и объ украшеніи ихъ древнѣйшими народами.

Безъ поэтическихъ вымысловъ миѳологическихъ временъ, пойдемъ по этому пути со свѣтильникомъ исторіи въ рукахъ.

Цицеронъ (въ книгахъ о должностяхъ) говоритъ, что изъ всѣхъ полезныхъ изобрѣтеній, земледѣліе есть лучшее и достойнѣйшее занятіе для человека; онъ представляетъ въ примѣръ Цинцината, который изъ земледѣльцевъ былъ избранъ въ диктаторы и прибавляетъ, что сами сенаторы римскіе занимались земледѣліемъ. Катонъ сказалъ, что изъ

среды земледѣльцевъ бываютъ самые храбрые воины. Плиній повѣствуетъ, что римскимъ цензорамъ вмѣнялось въ безчестіе, если они худо воздѣлывали свою землю, а напротивъ, тѣмъ воздавали похвалу, кто почитался хорошимъ земледѣльцемъ. И это было не въ одной римской республикѣ, а и у другихъ древнихъ народовъ сами цари воздѣлывали землю. Горацій и Виргилій (въ Георгикахъ) тоже въ стихахъ своихъ прославляютъ земледѣліе. Діодоръ утверждаетъ, что земледѣліе изобрѣлъ Озирисъ (царь и послѣ богъ Египетскій): «онъ воздѣлалъ нѣжную землю твердымъ желѣзомъ, посѣялъ сѣмена и собиралъ плоды съ *невѣдомыхъ* еще деревьевъ». Плутархъ пишетъ о Нумѣ Помпиліѣ, что онъ побуждалъ римлянъ заниматься земледѣліемъ и давалъ отличавшимся въ этомъ искусствѣ особыя награды (*).

По преданію древнихъ историковъ, отечествомъ пшеницы была Сицилія; объ этомъ повѣствуетъ Діодоръ Сицилійскій, который подтверждаетъ въ томъ свидѣтельство Гомера (**). Діодоръ пишетъ, что и въ его время хлѣбъ въ Сициліи росъ дикій,

(*) Впослѣдствіи времени римскіе историки стали укорять римлянъ за то, что они промѣняли земледѣліе на пиры, празднества и роскошь, появившуюся въ ихъ вилахъ.

(**) *Odyss. lib. IX.*

т. е. самъ собою; онъ упоминаетъ именно о поляхъ Леонтійскихъ. У Гомера же читаемъ: «Циклопы, полагаясь на боговъ, не насаждаютъ руками своими растеній, не орутъ, не засѣваютъ и не вспахиваютъ нивы; они сами собою производятъ пшеницу и ячмень». На островѣ Сициліи была особенно обожаема Церера. Полагаютъ, что оттуда Триптоль принесъ въ Грецію сѣмена пшеницы и ввелъ тамъ земледѣліе.

Древніе писатели утверждаютъ, что многія полевыя растенія, употребляемыя въ пищу, принадлежатъ Персіи и Индіи, въ которыхъ они произрастали сами собою. Лѣтняя пшеница, по свидѣтельству Страбона, произвольно растетъ въ сѣверной Индіи; нѣкоторые же писатели не вѣрятъ существованію дикорастущаго хлѣба въ Азіи; они полагаютъ, что онъ сдѣлался дикимъ уже послѣ, а первоначально былъ сѣянъ; но это мнѣніе отвергаетъ Шпренгель, который удостовѣрился, что хлѣбъ, одичавшій въ Европѣ, не можетъ продолжать бытія своего на одномъ мѣстѣ. Гумбольдтъ думалъ также вопреки мнѣнію Шпренгеля, но послѣ самъ сознался въ своемъ заблужденіи.

Нѣкоторые любознательные путешественники пишутъ, что въ Вавилоніи, т. е. на равнинѣ, лежащей между рѣками Тигромъ и Евфратомъ (въ Месопотаміи) растутъ сами собою: дикая пшеви.

ца, ячмень, чечевица и бобы. Ботаникъ Мишо, путешествовавшій по Арменіи и Мессопотаміи, удостовѣряетъ, что онъ видѣлъ дикую пшеницу близь Гемадона и что находилъ солому въ главѣ Немвродова столба. По свидѣтельству Геменія, ячмень (*antiquissimum*) растетъ также произвольно на берегахъ Аракса или Куры въ Грузіи, а по словамъ Марка Поля—въ Баласкіанѣ, въ области сѣверной Индіи. Чрезъ посредство торговли это растеніе привезено изъ Индіи во Фригію, а послѣ въ Аттику, въ которой, преимущественно предъ всѣми греческими областями, введенъ былъ порядокъ общежитія и цивилизаціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Теокрытъ.

При отправленіи элевзинскихъ празднествъ, атлетамъ, одержавшимъ побѣду, выдавали въ награду по мѣркѣ ячменя, собраннаго на сосѣднихъ поляхъ, жители которыхъ, наученные Церерою, прежде всѣхъ начали сѣять это растеніе. Плиній пишетъ, что изъ всѣхъ растеній, извѣстныхъ въ хлѣбопашествѣ, люди прежде всего начали употреблять ячмень.

Пшеница (*Triticum durum*), полагаютъ, въ глубокой древности вывезена была изъ Африки въ Италію, и въ продолженіи трехъ вѣковъ она одна была пищею у Римлянъ, у которыхъ она наиболѣе извѣстна подъ названіемъ *faradorium*; о ней

пишетъ Овидій въ своемъ календарѣ. Напротивъ того рожь (*Secale*) принадлежитъ сѣверу; по удовольвенію Плиція, ее сѣяли Таврины (альпійскій народъ); римляне узнали ее гораздо позднѣе. Еще другой родъ пшеницы, названный римлянами *агіпеа*, есть египетское растеніе; ее то разумѣетъ Діодоръ, говоря, что Изида нашла ячмень и пшеницу между дикими растеніями и научила египтянъ сѣять ихъ.

Теперь взглянемъ на происхожденіе и вмѣстѣ на украшеніе садовъ.

Какой же садъ можетъ назваться прародителемъ всѣхъ садовъ? Священное Писаніе повѣствуетъ намъ, что *первый садъ*, по сотвореніи міра, былъ богонасаженный Эдемъ (въ Мессопотаміи,) куда Богъ ввелъ Адама, завѣщавъ ему хранить, блюсти его, о чемъ значитса въ 1-й книгѣ Моисея во 2-й и въ 3-й главахъ. Изъ этого мы видимъ, что удовольствіе имѣть садъ природный свойственно всякому человѣку. Изъ Священнаго же Писанія усматриваемъ мы, какое тщательное занятіе и глубокое свѣдѣніе въ обработкѣ сада имѣлъ мудрый Соломонъ; онъ въ книгѣ своей (*Экклезіастъ*, гл. 2, ст. 5 и 6-й) пишетъ: «Сотворилъ вертограды и сады и насадилъ въ нихъ дерева всякаго плода, сотворилъ еси купели водныя, еже напоити прозябеніе деревьевъ и пр.» О любви и пристрастіи

этого царя къ садамъ читаемъ мы еще въ 3-й книгѣ Царствъ (въ гл. 4-й, ст. 33 и 34-й): «И изглагола Соломонъ три тысячи притчей, и быша пѣсни его пяти тысячъ, и глагола о древѣхъ отъ кедра, иже въ Ливанѣ и даже до Иссопа, исходящаго изъ стѣны, и глагола о скотѣхъ, о птицахъ и о гадѣхъ и о рыбахъ.» Изъ всего этого видно, что сады были извѣстны еще въ библейскія времена.

Планы и расположенія древнѣйшихъ азіатскихъ садовъ намъ мало извѣстны; изъ всѣхъ ихъ, по свидѣтельству исторіи, самые замѣчательные сады были вавилонской царицы Семирамиды; она оставляла для нихъ многія важныя предпріятія свои и даже употребляла войска, для украшенія садами отдаленныхъ мѣстъ своего государства. Планы ея садовъ съ точностію не означены, но можно полагать, что въ томъ искусствѣ имѣла она большой вкусъ и дарованіе, судя по положенію мѣстъ, въ которыхъ эти сады устраивались. Что расположеніе садовъ въ восточныхъ странахъ не вездѣ было одинаково, мы видимъ тому примѣръ именно въ висячихъ вавилонскихъ садахъ помянутой царицы; но эти сады имѣютъ свое происхожденіе отъ влеченія ея къ дикой красотѣ природы. Извѣстно, что удивительный и трудный опытъ въ устройствѣ висячихъ садовъ сдѣланъ былъ Новухо-

доносоромъ изъ любви и угодливости къ женѣ своей, Семирамидѣ, которая, бывъ рождена въ гористой Мидіи, съ грустію вспоминала о своей родинѣ, поросшей лѣсами, и сожалѣя о ней, не могла равнодушно смотрѣть на однообразную, плоскую равнину Вавилонскую. Новуходносоръ, въ самыхъ стѣнахъ города Вавилона, при содѣйствіи жены своей, измѣнилъ природу, развелъ рощи и террасы, чтобы сколько нибудь уподобить это искусственное произведеніе дико-прекрасной Мидіи. Но онъ не зналъ того, что тайная, совершенная сила красоты можетъ принадлежать только самой природѣ.

Во владѣніяхъ мидовъ и персовъ сады во многихъ мѣстахъ распространены были для охоты. Квинтъ Курцій повѣствуетъ, что во времена Александра Великаго тѣ, которые обладали подобными садами, почитались богачами. Такимъ образомъ тогда всякій располагалъ ими по своему вкусу и желанію, впрочемъ, не выпуская изъ вида природныя красоты ихъ. Мѣста для садовъ избирались тамъ, гдѣ разбѣгалось множество ручьевъ. Садъ, принадлежавшій младшему Киру, раздѣленъ былъ рѣкою Меандромъ, источники которой выходили изъ дворца его. Въ царскомъ саду въ Пасаргадѣ (въ Персеполѣ, столицѣ персовъ) находилась гробница Кира великаго: это была башня, осѣненная вокругъ густыми развѣсами деревьевъ; тамъ земля

Чемберса, замѣчательны китайскіе сады. Хотя китайцы не имѣли и не имѣютъ тонкаго вкуса въ отношеніи украшенія садовъ, но въ расположеніи ихъ они достойны подражанія. Извѣстно, что еще въ самой глубокой древности, китайцы и индѣйцы являются представителями образованія, но съ тѣхъ поръ они почти не двинулись впередъ. Избалованные прекраснымъ климатомъ и обильными дарами почвы, они болѣе-удовлетворяли своимъ прихотямъ, и такимъ образомъ у китайцевъ составилъ свой оригинальный вкусъ въ расположеніи и украшеніи садовъ, чему можно видѣть примѣры и въ настоящее время. Китайцевъ берутъ за образецъ и стараются въ точности подражать прекрасному ихъ искусству. Во первыхъ они обращаютъ вниманіе на качество мѣста, каково оно: ровное, покатое или холмистое, открытое ли со всѣхъ сторонъ или нѣтъ, сухое ли оно или влажное, изобилующее источниками и ручьями или имѣющее недостатокъ въ водѣ. Эти обстоятельства наблюдаютъ они внимательно и располагаютъ садъ такимъ образомъ, чтобъ все соотвѣтствовало качеству земли и требовало бы какъ можно менѣе издержекъ; при томъ они стараются утаить недостатки и худыя качества, а естественныя выгоды сада показать въ самомъ лучшемъ видѣ.

Китайцы не любятъ прогуливаться пѣшкомъ, и

потому рѣдко бываютъ у нихъ широкія дорожки, которыя встрѣчаются въ европейскихъ садахъ. Вся мѣстность сада раздѣляется у нихъ на разныя сцены; кривыя дорожки, просѣченныя сквозь кустарники, обыкновенно ведутъ къ какимъ нибудь пріятнымъ сюрпризнымъ видамъ, гдѣ представляются взорамъ: или красивое зданіе, или другой предметъ, достойный замѣчанія.

Совершенство ихъ садовъ состоитъ въ изящности и разнообразіи сценъ; китайскіе садовники, подобно европейскимъ живописцамъ, собираютъ разбросанные въ природѣ пріятные предметы и стараются соединить ихъ такимъ образомъ, чтобы каждый изъ нихъ казался хорошимъ самъ по себѣ и чтобы изъ соединенія всѣхъ составлялось изящное цѣлое. Китайцы раздѣляютъ сцены свои на три рода: *веселыя, ужасныя и очаровательныя*; они знаютъ много способовъ приводить въ пріятное изумленіе: иногда скрываютъ они журчащій ручей подъ землею, для того, чтобы гуляющій въ саду, стоя близъ него, не могъ догадаться откуда происходитъ журчаніе; иногда дѣлаютъ они стѣну изъ утеса; иногда въ зданіяхъ и другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію сада, дѣлаютъ они отверстія, въ которыхъ порывы вѣтра производятъ страшные звуки. Къ этимъ сценамъ стараются они подбирать самыя рѣдкія деревья и растенія;

устраиваютъ въ нихъ разные отголоски и содержатъ тамъ рѣдкихъ птицъ и звѣрей.

Ужасныя сцены состоятъ у китайцевъ изъ нависшихъ скалъ, изъ мрачныхъ пещеръ, изъ шумящихъ водопадовъ, низвергающихся со скалъ. Тамъ насажены искривленныя деревья, которыя кажутся изломанными бурей; въ иномъ мѣстѣ опрокинутыя деревья лежатъ въ рѣкѣ и какъ будто несутся ея струями; въ другомъ мѣстѣ представляются деревья, какъ будто опаленныя молніею. Зданія же, находящіяся въ тѣхъ мѣстахъ, представляютъ развалины или видъ пожараща; на холмахъ разсѣяны хижины—бѣдные пріюты людей, потомъ, въ противоположность—вдругъ представляется прежняя роскошь. Китайцы художники умѣютъ наблюдать скорость перехода и противоположность между сценами, какъ въ формахъ, такъ въ краскахъ, въ свѣтѣ и въ тѣни. Ежели обширность мѣста благопріятствуетъ разнообразію, то каждая сцена у нихъ имѣетъ свой особый отдѣльный видъ; въ случаѣ же тѣсноты, китайцы умѣютъ недостатокъ мѣста замѣнить искусствомъ; они располагаютъ это такимъ образомъ, что предметы съ разныхъ сторонъ представляютъ для зрителя разные виды. Искусство ихъ въ этомъ родѣ такъ велико, что одно мѣсто кажется совершенно другимъ, когда смотришь на него съ другой точки.

Въ большихъ садахъ располагають сцены, со-
отвѣтственно переменѣнамъ дня и строятъ тамъ зда-
нiя, удобныя для прiятнаго препровожденiя вре-
мени утреннихъ, полуденныхъ или вечернихъ ча-
совъ. По причинѣ теплаго климата въ Китаѣ, ста-
раются въ тамошнихъ садахъ имѣть какъ можно
болѣе воды; разнообразiе же въ украшенiи садовъ
состоить тамъ въ островахъ и возвышающихся уте-
сахъ. Вообще тамошнiе сады изобилуютъ рѣвками,
озерами и каналами, берега которыхъ, смотря по
свойству земли, иногда бываютъ песчаные и ка-
менистые, иногда усаженные деревьями, украшенны
цвѣтами и красивыми кустарниками; въ другихъ
мѣстахъ обставлены они крутыми утесами, съ
которыхъ вода стремительно льется въ пещеры и
впадины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся равнины, на
которыхъ пасутся ручныя животныя; тамъ, покры-
тая сарачинскимъ пшеномъ, поля образуютъ излу-
чистый берегъ, между мысами котораго плавають
лодки; здѣсь древесные кусты пересѣкаются пото-
ками, по которымъ несутся легкiе челны. По бе-
регамъ потоковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ обѣ-
ихъ сторонъ, растутъ вѣтвистыя деревья; подъ
сводомъ сплетшихся ихъ вѣтвей можно плавать и
наслаждаться отрадною тѣнью и прохладю. Стрем-
ленiе потока ведетъ къ какому нибудь прiятному

нахъ гуляли въ садахъ Керамика (*); тамъ было два керамика, одинъ изъ нихъ посвященъ былъ тѣнямъ воиновъ, полукладбище (**), другой садъ — керамикъ находился внутри города; онъ назначенъ былъ для публичнаго гулянья съ гетерами и украшенъ былъ множествомъ великолѣпныхъ зданій: храмовъ, портиковъ, театровъ и пр.

Въ этомъ саду происходили оргіи, оглашавшіяся звуками музыки; гетеръ на гуляньяхъ можно было узнавать по миртовымъ вѣткамъ, которыя они держали въ рукахъ; цвѣты и гирлянды изъ цвѣтовъ, особенно изъ розъ, въ изобиліи, декоративно развѣшивались въ садахъ передъ пріютами, назначенными для отдохновенія гетеръ. Кромѣ гетеръ, на производимыхъ тамъ пирушкахъ находились

(*) Происходитъ отъ греческаго слова *керамосъ*, знач. *глина*, потому что Коребъ изобрѣлъ тамъ способъ дѣлать изъ глины разные сосуды.

(**) Опо было въ предмѣстіи Аѳинъ, обширное загородное, прославленное садомъ Академа и множествомъ гробницъ и статуй, воздвигнутыхъ въ честь гражданъ, умершихъ за спасеніе отечества. Этотъ садъ также назначенъ былъ для прогулки учащихся въ Академіи; все напоминало имъ о доблестяхъ ихъ главныхъ соотечественниковъ, которые могли служить имъ образцами, въ отношеніи заслугъ своей родины.

танцовщицы, пѣвицы и *Амфитриды* (женщины, и гравшія на двойныхъ флейтахъ).

Древніе римляне превзошли всѣхъ современниковъ своихъ въ садоводствѣ; Плиній въ особенности восхваляетъ значеніе и пользу деревьевъ. «На деревьяхъ», говоритъ онъ, мы переплываемъ моря, изъ нихъ созидаемъ зданія, изваянія боговъ и пр. Извѣстно, что нѣкоторыя деревья рождаются не во всѣхъ странахъ: не всякая земля все производитъ. Вишни привезены были въ Италію Лукулломъ, послѣ побѣды надъ Митридатомъ, изъ Понта и изъ Арменіи (въ 680 г. послѣ построенія Рима); зизифы — изъ Сиріи, а туберы; родъ яблокъ, изъ Африки, въ царствованіе Августа привезъ въ Римъ Папиній. Прочія плодовые деревья, по сказанію Плиція, неизвѣстно откуда доставлены. (Персики, полагають, изъ Персіи, абрикосы — изъ Азіи.) Первое, чужестранное дерево, привезенное изъ Іоніи (изъ Малой Азіи), было *яворовое* для осѣненія гробницы Діомида; оттуда оно перешло въ Сицилію. Діонисій, сицилійскій тиранъ, привезъ яворы въ городъ Регію и посадилъ ихъ, какъ диковинку, на своемъ дворѣ. Яблоки разныхъ родовъ и груши не почитались въ Италіи рѣдкостью; нѣкоторыя яблоки назывались по имени тѣхъ, кто ихъ привезъ, напр. Аппіевы и Папи-

жить себѣ на голову. Оно имѣло будто бы въ себѣ столько цѣлебныхъ силъ, что изъ вѣтвей его плели вѣнки для бога медицины, Эскулапа. Лавровое дерево не смѣли жечь на алтаряхъ; въ немъ хранился духъ пророчества и поэтическіе восторги. Пучки или связки, носимыя въ Римѣ предъ главными чиновниками: диктаторами, консулами и преторами, были увѣнчаны лаврами.

Что уважалось древними, то въ небреженіи у новыхъ народовъ; мало по малу вышло изъ обыкновенія украшать вѣнками живыхъ героевъ; лавровое дерево, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, почти утратило свою священную важность; оно теперь сдѣлалось принадлежностью кухни.

Масличное дерево, символъ мира, не такъ было славно какъ лавровое, но оно полезнѣе людямъ; листья его не обагрѣлись кровію и не орошались слезами.

О римскихъ садахъ мало упоминается до времени Лукулла; онъ началъ избирать пріятныя мѣстности для загородныхъ домовъ и сталъ роскошно украшать ихъ; впрочемъ, это прекрасное искусство римляне стали употреблять во зло, что можно видѣть изъ упрековъ Горация въ его одахъ. Римляне, какъ будто умышленно, старались всю Италію превратить въ бесплодные, увеселительные сады, заботливо расчесанные, пышно убран-

ные. Нельзя утвердительно сказать, чтобы римляне не умѣли цѣнить истинную красоту въ ландшафтѣ, но въ дѣло ихъ вмѣшались честолюбіе и роскошь; они почитали важнымъ подвигомъ преодолѣвать большія затрудненія, подчинять себѣ природу, что искажало ихъ вкусъ. Описаніе Плиніемъ загороднаго двора своего можетъ служить примѣромъ, какія картинныя изображенія дѣлались изъ гибкихъ зеленыхъ вѣтвей. Нѣкоторыя искусственныя украшенія въ садахъ римскихъ были изобрѣтены позднѣе; впрочемъ водѣ оставляли свойственный ей видъ. Въ древнія времена римскаго могущества не упоминается о четырехъугольныхъ прудахъ прежде Ахиллеса Тація (чрезъ 800 лѣтъ по основаніи Рима); изысканные замыслы для украшенія садовъ умножились въ слѣдующіе вѣка, напр: позолоченные орлы съ распростертыми крыльями, фонтаны, журчащіе сквозь горла птицъ, съ подражаніемъ природныхъ ихъ голосовъ и т. д. ¹⁾.

Самыя роскошныя, изысканныя пиршества у римлянъ производилась на виллахъ ихъ, въ садахъ, прилежащихъ къ великолѣпнымъ полямъ, въ родѣ бесѣдокъ-игрушекъ, особенно у тщеславнаго, ра-

¹⁾ Нѣкоторые историки приписываютъ неестественныя затѣи въ садахъ голландцамъ.

сточительнаго Лукулла (въ 74 г. по Р. Хр.). Туда къ нему на пиръ въ *Тускуланумъ*²⁾, послѣ прохладительной ванны являлись приглашенные гости въ своихъ богатыхъ, яркоцвѣтныхъ *синтезахъ* (короткая одежда); тамъ, въ ожиданіи лакомаго обѣда, гости прогуливались по *кентусу* (крытая галерея) обсаженному цвѣтами и любовались прекрасными окрестностями. Почетныхъ гостей несли на золоченныхъ носилкахъ въ *гестацій* (тѣнистая аллея), гдѣ желающіе играли въ мячъ. По сторонамъ этой аллеи разстилались гряды пышныхъ розъ, доставившихъ садоводству Лукулла всемірную славу. Мѣстами цвѣли тамъ фіалки и бархатные нарциссы, орошаемые струями и брызгами водометныхъ трубъ и разливая свое нѣжное благоуханіе по окрестности. Тамъ была живая мозаика изъ цвѣтовъ, выписанныхъ изъ далекихъ частей свѣта, которыя посылали свою дань расточительному Лукуллу.

Другая невысокая кустарная кипарисная аллея приводила къ звѣринцу; вдали отъ него виднѣлись островки, гдѣ содержались лакомыя улитки, орошаемыя искусственно проведенною къ нимъ водой.

²⁾ Такъ называлась вилла Лукулла, близь Баули; еще до нынѣ показываютъ остатки великолѣпной залы ея и мѣсто сада.

Мы видимъ изъ этого описанія, что и римляне умѣли цѣнить цвѣты, умѣли извлекать изъ нихъ эстетическое наслажденіе. Когда наставало время обѣда ¹⁾, красивые отроки, увѣнчанные розами, въ короткихъ *туникахъ* ²⁾, являлись къ гостямъ съ приглашеніемъ на пиръ; въ это время быстро взвивались занавѣсы *триклиніума* ³⁾ и самъ Лукулль, въ вѣнокъ изъ дамасскихъ розъ и миртъ — представлялся своимъ гостямъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, рабы хозяина, умывъ гостямъ руки шафранною водой и развязавъ имъ сандаліи ⁴⁾, вводили ихъ въ обѣденную залу. Отроки, прислуживавшіе гостямъ, были увѣнчаны плющемъ. Во время обѣда, при звукахъ музыки, раздвигался потолокъ

¹⁾ Обѣденнымъ часомъ у римлянъ былъ 9-й часъ дня, т. е. 2 часа 31 мин. пополудни лѣтомъ и 2 ч. 29 м. пополудни зимой.

²⁾ Нижнее одѣяніе, въ родѣ кафтана или монашескаго подрясника.

³⁾ Имя столовой залы у древнихъ римлянъ; названо такъ отъ трехъ кроватей, поставленныхъ около стола, на которыхъ они, въ подражаніе грекамъ, обѣдали, лежа. По числу гостей иногда ставили много подобныхъ кроватей; каждая кровать вмѣщала въ себѣ три мѣста для обѣдавшихъ.

⁴⁾ Старинная обувь, состоявшая изъ подошвы, которую привязывали къ плюсю́ ремнемъ.

залы и оттуда на пирующихъ сыпался ливень листовъ бѣлыхъ и алыхъ розъ....

Сказавъ о лаврахъ, нельзя умолчать и о важномъ значеніи розъ и другихъ цвѣтовъ у народовъ; у грековъ и у римлянъ эти прекрасныя произведенія весны почитались необходимою принадлежностію богослужебныхъ обрядовъ и общественныхъ праздниковъ. Розу называли звѣздою цвѣтовъ; мифологія производитъ розу отъ крови Адониса; она была чтима и въ языческія времена. Древніе поэты повѣствуютъ, что Амуръ на Олимпѣ, среди рѣзвыхъ игръ и плясокъ, уронилъ чашу съ нектаромъ и ароматическое румяное питье боговъ, пролившись на бѣлыя розы, сообщило имъ запахъ и цвѣтъ свой. По баснословному преданію, въ Индіи, одна изъ жень Вишну, была найдена въ розѣ. Магометане вѣрятъ, что розы, какъ и пшено, родились отъ пота ихъ пророка. Іезуитъ Катру пишетъ въ исторіи Могола, что принцесса Нурмагала наполнила розовою водою цѣлый каналъ, по которому плавала съ великимъ Моголомъ; солнечная теплота отдѣляла отъ розовой воды масляныя частицы ея, которыя всплыли на верхъ воды и съ того времени сдѣлано открытіе розовой эссенціи. Островъ Родосъ обязанъ своимъ именемъ множеству розъ, растущихъ на немъ. На главу языческихъ первосвященниковъ возлагали розу;

Маркъ Антоній молилъ Клеопатру курить ароматы надъ его могилою и сыпать на нее розы. Въ Римѣ, въ церкви св. Сусанны, представлено мозаическое изображеніе колѣнопреклоненнаго Карла Великаго, принимающаго отъ святаго мужа знамя, усѣянное розами.

Древніе народы полагали, что жукъ имѣетъ антипатію къ розамъ и что запахъ этого цвѣтка причиняетъ ему смерть; поэтому, для изображенія человѣка, изнуреннаго страстями, представляли аллегорически въ видѣ жука, умирающаго на розѣ. Анакреонъ и Сафо воспѣвали похвалы розѣ ¹⁾.

Кто читалъ Анакреона и Горація, тотъ знаетъ, что древніе народы на веселыхъ пиршествахъ украшали голову, грудь и шею розовыми цвѣтами, особенно въ то время, когда принимались за сладкія вина и за вкусные плоды. Во время праздника и прогулки на водѣ въ Баэхъ, все Лукринское озеро казалось устланнымъ розовыми цвѣтами ²⁾. Чтобы и въ зимнюю пору можно было наслаждаться цвѣтами, устроены были у нихъ теплицы, которыя нагревались посредствомъ трубъ съ горячею водою и здѣсь выращивали въ декабрѣ мѣ-

¹⁾ Въ Персіи, вмѣсто пробки, затыкаютъ сосуды съ питьемъ розой и гвоздикой.

²⁾ Sent Epist. 51.

сяцѣ розы и лиліи. Сенека, съ обыкновенною своею угрюмостью, жаловался на эти невиданныя изобрѣтенія. Римляне довели свои теплицы до такого совершенства, что когда, въ царствованіе Домиціана, египтяне, ко дню рожденія императрицы, на диво, зимою, прислали розъ, то подарокъ ихъ никого не удивилъ: «У насъ постоянная весна», говорилъ Марціалъ въ одной своей эпиграммѣ: «вездѣ видны у насъ пышные цвѣты изъ свѣжихъ розъ; пришлите-ка намъ лучше хлѣба, египтяне, и возьмите назадъ свои розы».

Римляне держали цвѣты въ горшкахъ на окнахъ; объ этомъ тоже пишетъ Марціалъ, говоря: «я получилъ отъ своего скупаго благодѣтеля скудный даръ: моя дача, что на окнахъ, больше ¹⁾».

Цвѣтами украшали и гробницы; у грековъ употреблялись для того амарантъ и мирты, а у римлянъ—лиліи, шафранъ и розы. Золотоокъ (*Asphodelus*) имѣлъ между ними свое мѣсто, какъ цвѣтъ посвященный Плутону. Иногда украшали могилы буксомъ. Цвѣты росли подлѣ памятниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ хранились остатки праха. Римляне

¹⁾ Въ Римѣ дѣлаютъ золотую розу или золотой розовый кустъ, который, по торжественномъ освященіи, отсылается наною къ государямъ. Иногда такими розами папа дарилъ королей, посѣщавшихъ Римъ.

весьма далеко простирали свою заботливость объ угожденіи тѣнямъ умершихъ: въ завѣщаніяхъ своихъ предназначали они цѣлые сады, изъ которыхъ надлежало брать цвѣты, для украшенія гробницъ; ужасныя проклятія угрожали тѣмъ; кто дерзнулъ бы разрушить эти священные завѣты. Наслѣдники, въ день смерти завѣщателя, собирались у гробницы его, совершали тамъ пиршество и украшались вѣнками изъ розъ, растущихъ близъ урны. Можно думать, что этимъ обыкновеніемъ хотѣли облегчить скорбь живыхъ въ образѣ прекраснаго цвѣтка, представляя имъ скоропроходящія блага міра сего; а можетъ быть цвѣты, украшавшія гробницы, означали приношеніе въ честь адскихъ божествъ.

Замѣтимъ, что турки какъ будто бы удержали нѣкоторые обычаи древнихъ римлянъ; они подражаютъ имъ въ украшеніи цвѣтами гробницъ своихъ родственниковъ. Современные греки менѣе озабочиваютъ себя украшеніемъ кладбищъ, но въ Анатоліи могилы покойниковъ усаживаютъ символическими дремотными кипарисами и золотоокомъ. Первые христіане не хотѣли видѣть цвѣтовъ ни на пиршествахъ, ни на могилахъ покойниковъ, боясь уподобиться язычникамъ. Тертуллианъ написалъ цѣлую книгу противъ цѣпей и вѣнковъ цвѣточныхъ. Климентъ Александрійскій не совѣ-

туеть христіанамъ украшаться вѣнками изъ розъ, потому что Спаситель увѣнчанъ былъ терніемъ. Но послѣ, мало по малу, стали отступать отъ этихъ строгихъ правилъ и поэтъ Пруденцій приглашаетъ братію осыпать цвѣтами, орошать благовоніями надгробные памятники.

Что касается, по мнѣнію садоводовъ съ развитымъ вкусомъ, вообще до украшенія садовъ, то можно сказать, что расположеніе ихъ должно согласоваться съ свойствомъ мѣста; мы примѣчаемъ, что иногда беспорядокъ ихъ происходитъ онъ излишества предметовъ, наполняющихъ садъ. Часто противоположности представляютъ красоту, хотя по свойству мѣста они не могли бы тамъ находиться; это болѣе относится до внутренняго расположенія рощей: разные повороты дорогъ, видъ высокихъ деревьевъ и внезапный переходъ отъ сумрачной тѣни къ свѣту — могутъ напечатлѣть въ воображеніи пріятныя и великія идеи. Можно почесть ошибкою неумѣренную разсадку сосны въ садахъ; фигуры конической формы представляютъ унылый видъ; онѣ не должны находиться между кудрявыми макушками дубовъ, онѣ производятъ большій эффектъ, если находятся однѣ и не на большомъ пространствѣ; впрочемъ, употребленіе ихъ, въ различныхъ отношеніяхъ должно прямо относиться къ художеству, для изображенія изящной лѣсной картины.

Кустарники и цвѣтники должны тоже имѣть свои предѣлы; если они слишкомъ распространены, тогда является перевѣсъ роскоши надъ красотою. Иные полагаютъ, что порядокъ долженъ быть наблюдаемъ въ той части сада, которая примыкаетъ къ дому; но хорошо ли заслонять красивый фасадъ его? Сверхъ того, лишняя тѣнь дѣлаетъ зданіе влажнымъ, слѣдственно нездоровымъ для жилья. Превращеніе лѣсовъ въ рощи даетъ открытый видъ на окружающіе ихъ предметы. Лѣта деревьевъ тоже должны быть приняты во вниманіе: особенно не должно очищать мелкій лѣсъ, который находится подъ небольшими буковыми деревьями, иначе они будутъ походить на метлы. Часто мы видимъ въ садовыхъ строеніяхъ отсутствіе связи съ мѣстами, которыя они занимаютъ, напримѣръ: зданія, сдѣланныя изъ корней посреди цвѣтниковъ, богато украшенные эрмитажи и т. п.; что же касается до разныхъ столбовъ иobeliskовъ, то они воздвигаются болѣе для тщеславія. Нѣкоторые полагаютъ, что кривыя дорожки похожи на слѣды шатающагося человѣка.

Надобно знать, осмыслить, въ какомъ мѣстѣ размѣстить деревья: величественный кедръ, пирамидальную ель, миловидную бѣлоствольную березу, шатровую липу, трепетную осину, лапчатый клень, сумрачный кипарисъ, плакучую иву и т. п. Са-

довое искусство сильно дѣйствуетъ на душу. Дознано опытомъ, что жители красивыхъ мѣстъ гораздо веселѣе и бодрѣе духомъ, нежели жители угрюмыхъ мѣстъ. Учиться садовому искусству дачникамъ должно посреди самой природы, гуляя по полямъ, по рощамъ, по холмамъ, по пустыннымъ равнинамъ. Тамъ разбросаны порознь красоты ея, которыя въ садахъ собраны въ одно мѣсто. Должно располагать эстетическимъ чувствомъ каждую изъ этихъ красотъ. Какъ историческій живописецъ наблюдаетъ разныя физиогноміи, положеніе тѣла, движенія, такъ и садоводъ обогащаетъ воображеніе свое пріятными видами и мѣстами съ тѣмъ, чтобы употребить ихъ въ свою пользу. Но приобретенное богатство воображенія должно быть расточаемо съ разсудительностію, съ правилами тонкаго вкуса: украшеніе пещерою не должно ставить въ цвѣтникѣ или темному кустарнику назначать мѣсто предъ главнымъ зданіемъ. Въ увеселительномъ саду должны быть соединены въ пріятномъ разнообразіи открытыя мѣста съ закрытыми пріятныя съ дикими, свѣтлыя съ темными; цѣлое расположеніе сада должно устроить такимъ образомъ, чтобы не вдругъ можно было обнять взоромъ садъ; здѣсь садоводъ долженъ поступать вопреки зодчему, который вездѣ наблюдаетъ соотвѣтственность въ размѣрѣ, все дѣлаетъ по масшта-

бу по прямой и отвѣсной линіи; садоводъ долженъ остерегаться этихъ правильностей; онъ долженъ подражать природѣ, которая рѣдко производитъ прямизну и ровность. Истинный любитель природы невысоко цѣнитъ тѣ сады, которые состоятъ изъ гладкихъ и выровненныхъ дорожекъ, изъ выглаженныхъ куртинъ, подобныхъ полированнымъ каменнымъ стѣнамъ или изъ частей, сдѣланныхъ на подобіе комнатъ, гостинныхъ, залъ, театровъ и т. п., или наконецъ изъ деревьевъ, франтовски подстриженныхъ, представляющихся въ видѣ животныхъ.

Ни въ одномъ изящномъ искусствѣ нѣтъ такихъ отступленій отъ истинныхъ правилъ, какъ въ садоводствѣ. Многіе владѣльцы садовъ думали, что они тѣмъ болѣе разукрасили свой садъ, чѣмъ болѣе вытѣснили изъ него природу, на примѣръ: нѣкоторые дѣлаютъ кустарники изъ сухихъ деревьевъ, а равнины изъ коралловъ; многія прекрасныя мѣстности, искаженныя посредствомъ изысканнаго искусства, и при большихъ издержкахъ, превращаютъ въ бесплодныя и скучныя, не смотря на всю пышную уборку ихъ.

Рѣки и ручьи въ садахъ текутъ не прямо, но извилисто, чуть журча; при томъ въ одномъ мѣстѣ узко, сжатые берегами, въ другомъ свободно, широко, ропотно, шумно; украшеніемъ имъ слу-

жать: тростникъ, водяныя лиліи и пр.; иногда мельницы и разныя гидравлическія машины шумнымъ движеніемъ своимъ одушевляютъ окрестность и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ прекрасную картину.

Эти замѣчанія относятся къ большимъ увеселительнымъ садамъ, въ которыхъ соединяются всѣ сельскіе виды. Чтобы положить основаніе правильной теоріи садоводства, надобно сперва опредѣлить разные роды садовъ и пользу ихъ. Есть большіе сады публичныя; есть и частныя, разводимыя для удовольствія и для хозяйственныхъ выгодъ. Садоводъ долженъ основательно знать различныя свойства земли, дѣйствія ихъ на растенія, также имѣть свѣдѣнія о цвѣтахъ и о лѣсныхъ деревьяхъ, т. е. наружный видъ каждаго растенія, способъ прозябанія и долготу жизни его. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ назначить для каждаго растенія приличное мѣсто, для того, чтобы каждое годовое время доставляло ему желаемое удовольствіе или выгоду. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, во времена Адиссона, Франція и Италія превосходили, особенно въ украшенія садовъ, всѣ прочія европейскія государства. Во Франціи славный Ленотръ завелъ прекрасныя сады при Людовикѣ XIV, но излишняя затѣйливость и регулярность ихъ не всѣмъ нравилась. Теперь отдають преимущество англійскимъ

между наблюденіями природы и добродѣтелями сердца существуетъ неразрывная связь; добродѣтель, говоритъ Сенека, полагаетъ связь любви между Богомъ и человѣкомъ.

ГЛАВА XXIII.

Общій взглядъ на весеннія и лѣтнія гулянья и праздники;
разныя преданія объ нихъ.

Что такое гулянье?—У разныхъ націй, званій и возрастовъ это слово имѣетъ и цѣль и значеніе совершенно разное. Совершать прогулку можно на лошадяхъ, пожалуй на оленяхъ, на самокатахъ и по чугунной скатерти желѣзной дороги. Китайскій мандаринъ и упитанный чалмоносецъ, отяжелѣвшіе отъ опиума и бездѣйствія, не любятъ ходить пѣшкомъ; да и каково ихъ благоутробію передвигать поштучно части своего тѣла. Встарину была поговорка: «сидѣть лучше, нежели стоять, лежать лучше, нежели сидѣть, а спать лучше, нежели просто лежать». Впослѣдствіи времени появилось новое присловье: «лучше хромать, нежели сиднемъ быть, расправляй-ка ножки, по дальней дорожкѣ». Предки наши важнаго сана (по татарскому обычаю) тоже не любили ходить пѣшкомъ внѣ своего дома; они считали это постыднымъ для

себя; для пѣшеходной ходьбы заведены были у нихъ скороходы. Пѣшеходное гулянье вошло у насъ въ обыкновеніе между высшимъ классомъ со временъ царствованія Императора Александра I-го; тогда устроились на мостовыхъ и *ходники* (тротуары), а въ прошедшемъ столѣтїи отъ скачущихъ экипажей трудно было уберечься и прижимаясь къ строениямъ, прыгая съ камышка на камышекъ; между тѣмъ, какъ движеніе, разумѣется не до изнеможенія, въ гигиеническомъ отношеніи есть лучшее лекарство отъ многихъ болѣзней, (особенно послѣ снѣжныхъ заметухъ): оно истребляетъ въ тѣлѣ зародыши недуговъ, укрѣпляетъ его и дѣлаетъ способнымъ къ перенесенію трудовъ. Есть особенное, медицинское гулянье, по совѣту докторовъ больнымъ, которымъ часовая стрѣлка, какъ указательный перстъ, опредѣляетъ срокъ и время для выходовъ, выѣздовъ и домосидѣнья. Тогда и доморощенные врачи-знахари говорили своимъ, вѣровавшимъ въ нихъ паціентамъ: «домашній воздухъ тяжелъ и мутенъ, пройдишь, погуляй, да не возьметъ тебя *утинъ* (*)».

Гулянье есть не что иное, какъ полезное и прїятное препровожденіе времени или отдохновеніе послѣ трудовъ; цѣль ихъ различна: иные гуляютъ

(*) Такъ называлась встарину болѣзнь геморрой.

для удовольствія, другіе для разсвѣянiя, иные отъ праздности, безотчетно, катаются себѣ, какъ шары на биліардѣ, иные гуляютъ въ публикѣ эгоистически, чтобъ показать свои наряды, фантастическія моды, или просто чтобъ выказать себя и другихъ осмотрѣть, т. е. снять съ когонибудь мѣрку глазами. Иные ходятъ спѣшными и какими-то хищными шагами: по приказу, по особому порученію, или по побужденію своихъ обстоятельствъ, на примѣръ, посмотрите: иногда вамъ встрѣтится на улицѣ до ста человѣкъ съ озабоченнымъ видомъ, изъ нихъ 99 бѣгутъ, ищутъ достать денегъ; изъ этого числа людей непременно одинъ достанетъ. Слова: гулять и прогуливаться, ходить и прохаживаться имѣютъ большіе оттънки въ своемъ значеніи. Вообще гулянья можно раздѣлить на *внутреннія* и *внѣшнія*, на *городскія* и *загородныя*, на *общественныя* и *частныя*. Гуляя въ Петровскомъ паркѣ или въ Сокольникахъ и тому подобныхъ мѣстахъ, вообще по приглашенію спекуляторовъ на разные спектакли — есть больше увеселеніе, прогулка, а не гулянье. Иные спѣшатъ жить, гуляя всю жизнь; изъ нихъ нѣкоторые живутъ вдвойнѣ, гуляя и день и ночь.

Современныя гулянья всѣмъ извѣстны: они совершаются большею частію на дачахъ, въ Москвѣ; я не говорю уже о городскихъ бульварныхъ

гуляньяхъ, этихъ хронически скучныхъ передвиженій взадъ и впередъ; но встарину и въ самой Москвѣ и за городомъ было болѣе гуляній, потому что народъ не развѣзжался въ такомъ большомъ количествѣ на разныя дачи, какъ въ настоящее время; онъ находилъ отраду и отдохновеніе и у своихъ пенатовъ, подъ тѣнью собственныхъ садовъ. Изъ старинныхъ гуляній, болѣе простонародныхъ, многія остались и донынѣ, напри-мѣръ: Вербное воскресенье, самое первое весеннее гулянье около Вознесенскаго монастыря, не только внѣ города, но и въ самомъ въ немъ, на террасахъ, около келій, гдѣ бѣлички продавали искусственные цвѣты (*), во время святой недѣли подъ *Новинскимъ*, на Новинскомъ валу, около бывшаго Новинскаго монастыря (**) и у Богоявленія въ *Елоховь* (гдѣ существовалъ лѣсокъ изъ елей) въ Пятницу же на этой недѣлѣ, въ день Живоноснаго

(*) Въ это же время ходили въ *Червленый* (красный) рядъ, близъ какой нибудь заставы покупать разныя деревья и кустарники.

(**) Новинское гулянье (названное такъ отъ церкви Иисуса Навина) началось не прежде, какъ около 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, а до того времени на Святой недѣли ставили качели на большихъ площадяхъ: на Лубянкѣ, близъ Покровской слободы и на прочихъ свободныхъ отъ строекъ мѣстахъ.

источника подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, куда съѣзжалось много и барскихъ экипажей; также 13 и 23 іюля, въ день Смоленской Божіей Матери, мая 21 и іюня 23, въ дни празднованія Владимірской Божіей Матери у Срѣтенскихъ воротъ, близъ Срѣтенскаго монастыря, гдѣ не было еще бульваровъ, и тамъ, на пустыряхъ, гдѣ стояли кузницы и блинни съ выносными очагами, для приготовления невзыскательныхъ кушаній, ставили шатры; (о 1-мъ маѣ и семикѣ уже было сказано). Въ Вознесеніе на Гороховомъ полѣ, въ Троицынъ день происходило людное гулянье въ Дворцовомъ саду (куда допускалась только чистая публика) и за Дорогомиловскимъ мостомъ въ слободѣ, на лугу, и на живомъ мосту (особенно въ клечальную субботу, на канунъ Троицынаго дня, гдѣ дѣвушки загадывали вѣнками, бросая ихъ съ моста въ Моску-рѣку и замѣчая, въ какую сторону они поплывутъ, туда ихъ и замужъ отдадутъ). Въ этотъ же день и въ Духовъ на Каланчевскомъ полѣ, близъ Краснаго пруда; іюня 24 на Трехъ горахъ, а 29, въ день Петра и Павла—въ Преображенской слободѣ; іюля 20—у Ильи Пророка, на Воронцовомъ полѣ; августа 1 на Трубѣ, по берегамъ Неглинной, по канавѣ, гдѣ нынѣ Цвѣтной садъ (*) и подъ Симоновымъ монастыремъ, вни-

(*) Эта канава была обложена дикимъ камнемъ, который

зу подь горою; авг. 6—у Спаса на Новомъ, 15 на Остоженкѣ (*), 17—у Андроньяго монастыря, 19 около огряды Донскаго монастыря, 26 въ день Адриана и Наталіи—у Сухаревой башни. Это гулянье захватывало часть Переяславской слободы и Черкасскихъ огородовъ (гдѣ нынѣ садъ Шереметевской больницы), 8 сент. въ Бутырской солдатской слободѣ и у Зачатейскаго монастыря, оно простиралось до лѣснаго ряда, на покатости къ Москвѣ-рѣкѣ (**); сент. 14, въ день Воздвиженія Животворящаго Креста—въ тѣснотѣ, въ оградѣ бывшаго Воздвиженскаго монастыря, на Воздвиженкѣ и у Тихвинской Божіей Матери въ Красномъ селѣ, на большомъ просторѣ (гдѣ нынѣ Алексѣевскій монастырь). Октября 1—у Покрова, что въ Покровскомъ; на Масляницѣ на Москвѣ-рѣкѣ, у Воспитательнаго дома и также въ Покровскомъ селѣ, во всю зиму по праздничнымъ днямъ былъ большой съѣздъ и разъѣздъ экипажей, начиная отъ Старой

послѣ употреблень былъ на постройку дома Шульгина близъ Тверскихъ воротъ, (нынѣ домъ г. Исакова).

(*) Правильнѣе *Стоженка*; тамъ встарину было обширное поле, на которомъ стояли *стоги* сѣна.

(**) Тогда правительство снисходительно смотрѣло на то, что, во время гулянья, у монастырей гуль рѣзкихъ голосовъ разгулявшихся соединялся съ колокольнымъ звономъ.

Басманной, мимо Разгуляя (*), вдоль по всему протяженію улицы до Семеновской заставы.

Въ лѣтнее время дѣды наши любили прогуливаться по кладбищамъ, особенно (съ 20-хъ годовъ) на Ваганьковомъ кладбищѣ, гдѣ стараніями Моск. Об.-Полицмейстера Шульгиса устроена была новая церковь, во имя Акилины. Это кладбище было болѣе похоже на чистый садъ и паркъ; тамъ во множествѣ расхаживали разнощики съ разными съѣдобными продуктами и съ квасами, а на могилахъ происходило обильное чаепитіе, съ подливками, похожее болѣе на пированье, нежели на поминки, гдѣ звуки разныхъ голосовъ, часто веселыхъ, смѣшивались съ протяжнымъ панихиднымъ пѣніемъ и плачевными причитаньями тоскующихъ, осиротѣлыхъ.... Нынѣ все это значительно измѣнилось, какъ и характеристика всѣхъ гуляній вообще; но кладбища, эти *нивы Божьи*, посѣщаются и доселѣ, только въ скромныхъ предѣлахъ.

Замѣчательно, что нѣкоторые старожилы — простолюдины имѣли общественныя народныя гулянья

(*) Это урочище названо такъ потому, что на распутиѣ нѣсколькихъ дорогъ, близъ Елохова моста, находился веселый кабачекъ, гдѣ пѣли фабричныя пѣсельники и гуслисты потѣшными посѣтителей своею музыкою.

не столько подъ сѣнію деревъ, сколько подъ сѣнію шатровъ, раскинутыхъ на открытыхъ поляхъ и лугахъ. Вотъ не бѣлые-то снѣги въ полѣ бѣлылись. . . .

Москвитяне также любили посѣщать лѣтомъ святыя мѣста: Троицкую Лавру, Новый Іерусалимъ (Воскресенскъ), Звенигородской монастырь и разныя пустыни.

Кое-гдѣ въ дальнихъ мѣстностяхъ отъ обѣихъ столицъ можно еще видѣть остатки старины. Бывало не только деревенскіе, но частію и городскіе жители почитали всю Ѳоминую недѣлю за самую благопріятную для свадебъ; Ѳоминъ понедѣльникъ былъ изстари днемъ веселія, днемъ, посвященнымъ любви. Св. Ѳому называли *незвѣрнымъ*, потому что онъ не повѣрилъ Воскресенію Христа; можно допустить, что и таинства языческой Венеры, не совсѣмъ *звѣрной* своему безобразному супругу, народъ присоединилъ къ Ѳомину дню. Въ это время, особенно въ селеніяхъ, священники едва успѣвали вѣнчать бракосочетавшихся. (Тогда вѣнчали чуть не дѣтей, парней 15, и дѣвочекъ 13 лѣтъ, по желанію помѣщиковъ, для умноженія семействъ). Съ *Егорія вешняго* (23 Апр.) начинается и пастушій праздникъ: пастухи, въ этотъ день, убравъ шляпы свои подснѣжниками, первыми весенними цвѣтами, съ ранней заріи играютъ на берестяныхъ рожкахъ

вызываютъ изъ полугодоваго заключенья въ душ-ныхъ клѣткахъ мшонникахъ скотину на пастбище, встрѣчающую ихъ радостнымъ ревомъ и прыжками. Въ этотъ день бываетъ сытное угощеніе блюстителемъ стадъ, на сборное мѣсто хозяева скотины приносятъ, кто что можетъ: вино, брагу, яичницу, пироги, короваи и пр. Пастухи усаживаются въ круговую, ихъ усердно подчуютъ и просятъ сберечь скотину, чтобъ *неладный* звѣрь, волкъ или медвѣдь-пыхтунъ не похитили ее. Во время трапезы молодежи и дѣвицы водятъ вокругъ пирующихъ хороводъ и поютъ:

Коровушка, буренушка,
Пеструшечка моя,
По травушкѣ,
Муравушкѣ,
Броди себѣ, гуляй,
А въ темный лѣсъ, въ дубравушку,
Не заноси ноги,
Тамъ сѣрый волкъ, прожорливый,
Тебя подстережетъ.

Въ *Никольщину*, т. е. въ Николинъ день, 9-го Мая, поселяне въ нѣкоторыхъ деревняхъ дѣлаютъ складчину, особенно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ бываетъ приходской праздникъ; сперва на часть собранныхъ денегъ ставятъ чтимому Угоднику мірскую свѣчу, потомъ каждый селянинъ созываетъ

изъ другихъ, иногда дальнихъ, деревень гостей; къ радушнымъ хозяевамъ могутъ приходять и незваные. Тогда, въ благопріятную погоду, ставятъ столы кругомъ погоста, а на нихъ разныя яства и питье. Гости разсаживаются, говоря: *наше почтеніе, ваше угощеніе*; иногда эта пирушка продолжается нѣсколько дней; если вполнѣ *угостившіеся* гости, вставая изъ за стола помощію своихъ или чужихъ рукъ, не находятъ своихъ шапокъ, то хозяева бывають этимъ очень довольны: это означаетъ *почетъ* гостей къ хозяевамъ. Эта пирушка кончается хороводами; въ нихъ участвуютъ съ дѣвцами и молодицы, которыя недавно *бабятъ*, т. е. недавно замужемъ; къ нимъ присоединяются и парни, по выраженію поселянъ, еще *не мочившіе рыла въ винь*. (Вѣроятно немного находится такихъ.)

Игры, празднества и увеселенія происходятъ и на *русальной* недѣлѣ (предѣ Троицынымъ днемъ). Съ незапамятныхъ временъ въ русскихъ преданіяхъ и мифахъ существуетъ понятіе о *русалкахъ*. Это какіе-то полудухи женскаго рода, земноводные, будто бы обитающіе въ рѣкахъ и въ густыхъ лѣсахъ, молодые, коварно красивые, трогательно, мелодически поющіе. Всѣ древніе народы имѣли особенное уваженіе къ рѣкамъ, (Индійцы къ Гангесу, Египтяне къ Нилу, Славяне къ Дуваю и т. д.);

цвѣтами, пляшутъ, другія отнимаютъ у нихъ чу-
чель, послѣ рвутъ, ломаютъ ихъ и возвращаясь
съ пѣснями домой, воображаютъ, что они *прово-*
дили русалокъ и можно безопасно купаться въ рѣ-
кахъ и гулять въ лѣсахъ. Иные увѣряютъ, что
въ это время слышится визгливый голосъ русалокъ
и плескъ воды, въ которой они скрывались. Поче-
му нибудь ведется же пословица: *въ тихомъ ому-*
ть черти водятся. При этомъ поется пѣснь:

Русалочки земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли и т. д.

Между тѣмъ надобно замѣтить, что *студеницы*,
эти самородные ключи съ живою, цѣлительною во-
дою, всегда уважалась русскимъ народомъ. Въ Мо-
сквѣ, близъ Москворѣцкаго студенца на *Ваганько-*
вомъ полѣ, встарину также были игрища (слово
ваганить, по областному словарю Вологодской гу-
берніи, значить играть). При этихъ игрищахъ
пѣли:

У святаго студенца
Земля мхами поросла,
У сосѣдей яровое
Уродится наливное,
А сиротская та нива
Поросла одной крапивой.

Русской Май мѣсяць въ древности весь былъ
составленъ изъ народныхъ праздниковъ: цвѣтвыхъ,

день *св. Агриппины*, (·) Въ ночь на Ивановъ день поселяне, искупавшись въ рѣкѣ и опоясавшись сплетеными изъ травъ поясами, въ цвѣточныхъ вѣнкахъ выходили въ чистыхъ платьяхъ на берега озеръ или рѣкѣ, складывали изъ древесныхъ вѣтвей костры и зажигали ихъ огнемъ, получаемымъ отъ тренія; во время горѣнія костра, они, взявшись за руки, кружились около него и пѣли обрядныя купальскія пѣсни; потомъ перепрыгивали чрезъ него. Нѣкоторые-же совершали поэтическую прогулку своего рода въ какое нибудь дикое, пустынное мѣсто, къ лѣсному озеру, гдѣ отъ бурелома лежали повергнутыя на землю деревья, гдѣ днемъ тихо, а ночью лихо; въ эту ночь, по мнѣнію глубоко укоренившася въ народѣ суевѣрія, нечистая сила строго караулитъ въ лѣсу чародѣйственныя травы: *колюку*, дымомъ которой если окурить ружье, то никакой колдунъ заговорить его не можетъ; травку *душицу*, *ворожейку*, особенно *разрывъ* — траву, иначе называемую *ревунъ*, ска-

римски называется *Акула*, слѣдовательно Акулина зн. *орлиная*. Старики замѣчали, что въ этотъ день появлялись во множествѣ орлы и клевали посѣянные зерна гречихи.

(·) Славяне въ этотъ день совершали праздникъ *Купалы*, почему эта святая и называется *Агриппина купальница*. — *Купало* — языческой богъ плодовъ.

кунь, прыгунь, плакунь. (*) Эти родственныя и чудодѣйственныя по силѣ своей травы заставляютъ плакать злыхъ духовъ, выгоняютъ изъ дому домовыхъ и кикоморъ (**), посредствомъ ихъ отыскиваютъ кладъ и главное, безъ ключа, отъ одного прикосновенія, отмыкаютъ всякіе замки. Между суевѣрными есть преданіе, что если лошадь, ходя по полю съ желѣзными путлами, наступитъ на эту траву, то они тотчасъ-же отпадутъ.

Нечистые духи въ эту ночь бываютъ будто-бы услужливы для тѣхъ, кто выдержитъ страшное испытаніе, не поддастся страху, тогда проси у нихъ чего хочешь. И вотъ, лишь только настанетъ таинственная полночь, вострепетаетъ вѣтеръ, въ лѣ-

(*) Эти травы извѣстны подъ общимъ именемъ *напортника*.

(**) *Кикоморы* суть женщины (бываютъ и мужчины,) увеселенныя въ младенчествѣ нечистыми духами и посаженныя неблагонамѣренными знахарями въ какой нибудь домъ, гдѣ они бываютъ невидимы. за то ихъ слышать, когда они производятъ какую нибудь домашнюю работу и причиняютъ страхъ и безпокойства хозяевамъ; впрочемъ будто бы они никакого вреда никому не дѣлаютъ. Другіе, подъ именемъ кикоморы понимаютъ просто *домоваго*, котораго хозяева домовъ сами упрашиваютъ беречь ихъ жилища отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

су подымется шумъ и гулъ, точно хохоть лѣшаго съ откликами раздается въ немъ, дрогнетъ окрестность, деревья закрипятъ, откуда ни возьмись появятся на вѣтвяхъ ихъ и начнутъ раскачиваться русалки, длиноволося, въ рубашкахъ безъ поясовъ и такъ жалобно запоюгъ, какъ ихъ, умершихъ младенцами, некрещеныхъ, положили глубоко въ сырую землю... Между тѣмъ лѣсное озеро отъ вѣтра замечетъ въ своей тинистой люлькѣ, вода заблещетъ фосфорическимъ свѣтомъ, звѣзды загорятся на небѣ, какъ будто кто начнетъ раздувать ихъ; для пущаго ужаса искателей травки, причудливое воображеніе представитъ имъ избушку чудной постройки, въ которой обитаетъ пугало, *непосѣдная* Баба Яга, вѣчная старуха, русская сивилла; растянувшись изъ угла въ уголь, упираясь острымъ носомъ въ потолокъ или занимаясь своей гимнастикой, кувырканиемъ чрезъ 12 ножей. При ней въ эту ночь находится и вся свита ея: филинъ, вертящій огненными глазами, черный котъ, совушка-вдовушка и прѣзжіе гости—духи: *моряны, лѣсяны, поляны* и пр. Смѣльчакъ не долженъ ни на что обращать вниманіе, онъ пригнется къ землѣ, прислушивается—и если въ нѣдрахъ ея подастъ голосъ ревунъ—трава, потомъ, вытянувшись изъ земли, вспыхнетъ алымъ огнемъ, должно немедля рвать ее и бѣжать безъ ог-

лядки. Много есть подобныхъ разсказовъ съ варьяціями въ русской демонологіи.

Обряды Троицына дня изстари смѣшивали съ празднествомъ нашей церкви; (*) въ Москвѣ великолѣпно торжествовался этотъ праздникъ царями. Государь, во всѣмъ царскомъ облаченіи своемъ, выходилъ изъ дворца въ Успенской соборъ; его сопровождала большая свита бояръ въ пышныхъ одеждахъ, стольники несли за нимъ пукъ цвѣтовъ и листья безъ стебельковъ (**); когда послѣ обѣдни начиналась троицкая вечерня, соборные ключари подносили Государю *листъ* отъ патріарха и смѣшавъ его съ Государевымъ *листомъ*, настилали имъ царское мѣсто и кропили *гуляфною* розовою водою. На этомъ благовонномъ *листе*, во время моленія, Государь совершалъ колѣнопреклоненіе и *лицеземное поклоненіе*.

Троицкіе цвѣты сохранялись и сохраняются нѣкоторыми доселѣ, какъ лечебное средство противъ разныхъ недуговъ Въ этотъ день также выбираютъ для гулянья цвѣточный лугъ или рощу, и, закусивши добропорядочно, приласкавъ желудокъ, чтобы онъ понукалъ ноги, водятъ хороводъ и поютъ:

(*) О 1-мъ Маѣ упомянуто было въ описаніи Сокольниковъ, а объ Семикѣ въ описаніи Марьиной рощи.

(**) Древняя русская Виел. XI—140.

были Ивановскіе; ихъ особенно осуждаетъ Стоглавъ какъ бѣсовскія игры (гдѣ бываетъ головой киваніе, и хребтомъ вихляніе). Въ это время, не смотрѣли и на погоду, а веселилися и пѣли:

Какъ на улицѣ дождикъ покряпываетъ,
А въ хороводъ красныя дѣвки все прибываютъ,
да прибываютъ.

Старики не осуждали молодыхъ за ихъ излишнее веселье; тутъ былъ выборъ невѣсть и жениховъ, старухи говорили дочерямъ своимъ: *скачи, пляши, дитятко, жируй моя милая, у молодцевъ: ясныя очи заглядчивы на краснолицныхъ дѣвушекъ, пусть наглядятся они на запасъ.*

*Игры, пляски, воля,
Созданы для поля,
Мы не горожане,
Есть, гдѣ развернуться!...*

говорятъ и поютъ играющіе.

Между обрядными и любовными пѣснями въ хороводъ были и сатирическіе, переборные, напр. парни пѣли:

Вздорожали молодья бабы,
На овсяный блинъ по три бабы
А четвертая на придачу

А молодежи бабы отвѣчали имъ:

Вздорожали добры молодцы,
Восемь молодцовъ на полденьки.

А девятый провожатый,
А десятый на придачу.

А дѣвицы пѣли:

Вздешевили красны дѣвицы,
По сту рублей каждая,
А по тысячѣ дѣвицъ на косицу.

Насладительна жизнь лѣтомъ, въ деревнѣ,
вездѣ ало и лазорево.

Въ концѣ Іюля и въ началѣ Августа, послѣ
обычной молитвы о будущемъ урожаѣ озимаго
хлѣба, поселяне новою теплою молитвою идуть въ
поле и между разными играми и пѣснями, какъ
будто нечаянно, захвативъ самаго дороднаго му-
жика, тормашатъ и роняютъ его на землю, припѣ-
вая съ громкимъ смѣхомъ:

Тучень ты, тучень, дядя Гома,
Пусть-де все такіе и будутъ снопы.

Это остатокъ поклоненія языческой *Съва*, (*) бо-
гинѣ всѣхъ произрастеній и плодовъ; Съва была
кроткая и благодѣтельная богиня, но алтари ея
въ языческія времена обагрязились человѣческою
кровію.

Не смотря на многія языческіе празднества и
предразсудки, москвитяне (конечно, на свѣтѣ не

(*) Съва изображалось въ видѣ миловидной нагой
женщины, волосы ея висѣли до колѣнъ, въ правой рукѣ
держала она яблоко, а въ лѣвой виноградную вѣтвь.

безъ урода) всегда имѣли и имѣютъ твердое убѣжденіе въ постановленіи нашей религіи и въ патриотизмѣ, доходящемъ до самоотверженіи. О томъ свидѣтельствуется исторія и настоящія, современные намъ событія. Конечно, многое измѣнилось въ обычаяхъ простонародія, (я не говорю о роскоши горожанъ, особенно горожанокъ, чтобы гусей не раздражить). Взгляните, живши на дачѣ, на подмосковныхъ поселеніяхъ: они также стремятся къ прогрессу; они также жаждутъ цивилизаціи внѣшнимъ образомъ; нѣкоторые изъ нихъ, вмѣсто кафтановъ со схватцами, носятъ что-то на подобіе сюртука-пальто, а вмѣсто поярковой шляпы съ павлинымъ перомъ, щеголевато вскинутой на одно ухо, картузь, сшитый изъ суконныхъ доскутьевъ, курятъ бумажныя дудочки и даже стригутъ волосы *по нѣмецкому*; а женской полъ, отбросивъ старовѣрческія шубки или бабушкины сарафаны и кисейныя рубашки съ запонкой, носятъ платья изъ линючаго ситцу или изъ бумажнаго кашемира, сшитыя *по модному*. Теперь у всѣхъ шикать самовары, теперь ужъ почти нѣтъ у нихъ для угощенія и медовыхъ коврижекъ; они замѣнились конфетами изъ картофельной патоки. Что касается до Московскихъ мѣщанокъ, прежде мало отличавшихся отъ поселенокъ, многія изъ нихъ носятъ шелковыя платья и модныя шляпки, какой-

то свитокъ кисей на маковкѣ въ родѣ колпачковъ; они ужъ не заплетаютъ косъ, а убираютъ ихъ подъ гребенку, которую стариннаго покроя люди называли *чортовой рогаткой*, а надъ головой или въ рукахъ своихъ держатъ *тѣнникъ* (зонтикъ). Подражаніемъ модѣ многія изъ нихъ стараются подражать *запраескиль* барышнямъ; бажется кто-то сказать: *это русское тѣсто вышется на французскихъ дрожжахъ*.

Ѣздивши по желѣзнымъ дорогамъ, читатель, изъ оконъ вагона вы увидите только силуэты разныхъ прекрасныхъ мѣстностей. Нѣтъ, если хотите вы-смотреть Москвскія окрестности (эту почти вторую Москву) достойныя вниманія, особенно тѣ, кто любитъ свое отечество, то возьмите посохъ и предлагаемую вамъ книгу въ путеводители и отправьтесь пѣшкомъ за разныя заставы; работы вашимъ глазамъ и любознательности будетъ много, достанетъ на все дѣто. Это самое лучшее гулянье.

И такъ, съ Богомъ въ дорогу, счастливый путь!..

К о в е ц ъ .

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
7	16	клѣти	
11	24	сами	самыя
15	4	отнятыхъ	отнятымъ
17	2	извертливый	изворотливый
19	21	Стрѣльны	Стрѣльнѣ
20	15	почта	почти
25	17	сострилъ	съострилъ
29	15	какою	какою-то
43	7	шпалеры	шпалеры
50	22	полушкой	полушками
59	27	подсадокъ	подсадокъ
81	25	Новику	Новикову
82	24	ажѣ	даже
84	22	воарда	варода
88	8	провоажать	провоажать
94	6	вскрѣчавшіе	встрѣчавшіе
106	9	основанія	основаніе
127	9	преждѣ	прежде
131	12	обильницъ	обильный
136	10	стекларусомъ	стеклярусомъ
139	11	думоу	душоу
142	7	Семеновско	Семеновской
148	10	музыкѣ	музыки
—	11	палатѣ	палатѣ
151	7	получалъ	получилъ
152	6	церкви	по церкви
—	10	зямнее	зямня,
156	1	вурдовъ	прудовъ

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать</i>
156	5	рыбчій	рыбачій
173	25	изображавшя	изображавшія
189	23	быль обдѣленъ	не былъ обдѣленъ
194	6	пустырами	пустырями
—	20	недавнее	недавнее
195	26	Отряды	Отрады
196	17	Констанъ	Константиновичъ
206	1	лѣтъ	мѣтъ
209	5	покривившимся	покорившимся
212	14	состоитъ	состоялъ
217	8	заимтвуетъ	заимствуетъ
222	12	наукъ	наукѣ
226	2	берегми	берегами
226	20	клеящій	птичій
242	27	оно	она
253	3	торгашы	торгаша
257	6	чуть	суть
263	16	Дмитріевскаго	Дмитріева
264	21	находится	находился
265	8	а	и
268	25	на Парнасъ	на Парвасѣ
272	7	а у другихъ,	но и у другихъ



ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова



2 000001 042274

во всё стороны на неоглядную даль, — чудное, величественное зрѣлище.

Вотъ кончается и *великое говѣно* (великій-постъ), пройдено семь поприщъ (семь недѣль поста) за ними стоитъ *золотая верста* — Свѣтлое Христово Воскресенье (*); это самый яркій вѣнецъ наступившей весны. Тогда и въ деревняхъ бываетъ суета немалая: бабы готовятъ муку на куличи, на перепечи, красятъ яйца сандаломъ или луковичной шелухой и березовыми листьями, бѣгаютъ въ подъязбицы за разными припасами, а нѣкоторые поютъ уже *великодепные* (пасхальные) ирмосы. Всѣмъ истиннымъ христіанамъ такъ легко дышется, такъ отрадно, весело, обняли бы они не только другъ-друга, но весь міръ Божій. Одни только малыя дѣти, которыхъ моютъ въ корытахъ къ великому дню, изъявляютъ свой протестъ громкимъ ревомъ.

Въ Апрѣлѣ, съ Красной горки, начинаются въ селеніяхъ первыя весеннія гулянья, развертывается широкій хороводъ, раздаются горластыя пѣсни подъ открытымъ небомъ — и пойдутъ они съ отзвуками по горамъ, по лѣсамъ, по доламъ, далеко, далеко (**). . . . иные захотятъ и плечо размять — задать выпляску.

(*) Старинное русское выраженіе.

(**) Встрѣча весны продолжается до *Ярилы* (баснослов-

Послѣ поселяне справляютъ *Родуницу* или *родительскую* (поминовение мертвыхъ сродниковъ.)

Наконецъ наступаетъ и поэтический Май: разнощики давно уже, расхаживая по улицамъ, кричать: *цвѣты-цвѣточки*, или *птицы пьвчїя*, *набиты въ клеткахъ*, за столами гастрономовъ появляются новыя новинки: сморчки и, искусственно взлѣблянные въ теплицахъ, ягоды; въ палисадникахъ, на лоскуткахъ земли, отвсюду стѣсненныхъ камнями, вытягиваются, зеленѣютъ хохолки свѣжей травы, а между ними, какъ огненные искорки, алѣютъ гвоздички.— Пора, пора, весна начинаетъ гнать, вышнрать столичныхъ жителей изъ города—и вотъ потянутся по улицамъ и по извилистымъ переулкамъ, переваливаясь съ бока на бокъ, скрипучіе воза, загроможденные пузатыми комодами, башенными шкафами, опрокинутыми вверхъ ногами стульями, и прочимъ домашнимъ скарбомъ; ихъ конвоируютъ иногда кормилицы коровы или галопирующія козы. Жаль что только къ немногимъ дачамъ ведутъ хорошія дороги, большею частію на нихъ всгрѣчаются: то рыгвины, то нырки, то моховыя болота и зыбкія трясины, то коч-

ный и саміи гуливый богъ), до всесвятскаго заговѣнья. За Красной горкой (или *толщцею*) на гуляньяхъ нарнии выбираютъ себѣ невѣсть.

смотрѣли на фейерверкъ. Государыня со всѣмъ своимъ семействомъ неоднократно посѣщала Ходынку; праздникъ продолжался нѣсколько дней (*).

Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтїя, на Ходынскомъ полѣ устроенъ былъ амфитеатръ, въ которомъ происходили въ праздничные дни медвѣжья травля (переведенныя послѣ за Рогожскую заставу); тамъ, въ дикую потѣху народную, пускали и шары съ живыми медвѣжатами, устраивали заячьи садки и кипѣли ожесточенные кулачные бои. Охотники до этого зрѣлища держали дороги пари, каждый за своего бойца, изъ которыхъ особенно славился тогда своею силою и ловкостью старикъ, лѣтъ 60-ти, прозванный *Колотушкинымъ*.

До устройства Петровскаго парка, въ будничные дни, вся эта мѣстность (кромѣ большой Петербургской дороги) была пустыня; до того времени самая людная гулянья происходили въ Нескучномъ саду (**); тамъ устроенъ былъ воздушный

(*) Подробное описаніе Ходынскаго праздника можно прочесть въ книгѣ моей: *Отголоски старины* и въ *Соврем. летописи* при Моск. Вѣдомостяхъ, 1865.

(**) Также на Тверскомъ бульварѣ, который въ царскіе дни былъ блистательно иллюминированъ; тамъ, при стройныхъ аккордахъ музыки, бывали аристократическія гулянья; у входовъ его толпились кареты, особенно по вторникамъ и пятницамъ; по понедѣльникамъ же и четвергамъ гуляли

и рощами. Одна изъ нихъ, при въздѣ въ Останкино изъ Москвы называется армянскою рощею, потому что туда нѣкогда съѣзжались армяне пировать, варить свой плавъ и прогуливаться по сосѣдней дубовой рощѣ.

Обращенный къ саду фасъ дома имѣеть другую фizioномію; съ нимъ какъ будто сочетались между собой: бесѣдка и великолѣпные чертоги. Этотъ домъ не совсѣмъ приспособленъ къ жилью. Въ 1856 г., предъ коронаціею нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра II, онъ реставрированъ, для Его лѣтняго пребыванія тамъ. (*) Въ настоящее время домъ исправленъ еще прочнѣе, особенно фундаментъ и деревянные стѣны его.

Церковь въ Останкинѣ также замѣчательна по старинной, оригинальной и прекрасной архитектурѣ своей; она сооружена Кн. Михаиломъ Александр. Черкасскимъ и освящена въ царствованіе Царя Алексѣя Мих. въ 1688 г., при Патріархѣ Іосифѣ. (**) Графъ Петръ Борис. Шереметевъ, женив-

(*) Съ того времени Останкинской домъ, когда Государь со своимъ Семействомъ удостоилъ его своимъ пребываніемъ, сталъ называться *дворцомъ*; подлѣ него сохраняется еще выстроенная въ то время гауптвахта.

(**) Подъ церковью въ подвалѣ сохраняются мортиры, вѣсомъ въ 5 пудъ каждая. Главная церковь тамъ сооружена во имя св. Живонач. Троицы.

Александръ! Елизавета!

Восхищаете вы насъ!

Въ 1817 г. прибыла въ Москву вся царская фамилія, къ этому времени столица, послѣ неприятельскаго разгрома, убралась и снарядилась встрѣтить новобрачныхъ: В. Кн. Николая Павловича и В. Княг. Александру Ѳеодоровну. Этотъ годъ и слѣдующій замѣчательны своими эпохами для Москвы. На лобномъ мѣстѣ поставленъ былъ памятникъ Минину и Пожарскому и произошла закладка храма во имя Спасителя на Воробьевыхъ горахъ. 1818 г. (Апрѣля 17) ознаменованъ былъ рожденіемъ нынѣ царствующаго Императора Александра Николаевича; по случаю этихъ событій прибылъ въ Москву и родитель новобрачной, прусскій король, Вильгельмъ III. Въ то время Гр. Ник. Петровичъ уже не существовалъ, а сынъ его, Гр. Дим. Ник., былъ еще несовершеннолѣтенъ и находился подъ опекой, и вотъ опекуны его, союзно съ дирекціею театра, вздумали отпраздновать рожденіе новаго члена царской фамиліи; они пригласили державныхъ посѣтителей Москвы въ Останкино на утренній спектакль. Это дѣло было дѣломъ, и потому рѣшились представить національный русской дивертисманъ, выбрали піесу *Семикъ или гулянье въ Марьиной рошѣ*. Сцену устроили въ большой залѣ дома и вмѣсто декорацій уста-

тарѣ, женщины вторили ей и изъ всего этого составлялся гармоническій хоръ; голосъ Степаниды покрывалъ всѣ инструменты, она запѣвала или оканчивала напѣвъъ každого куплета или подхватывала самыя интересныя, значительныя слова она пѣвала малороссійскія и польскія пѣсни. (*) Особенное впечатлѣніе производила она на слушателей, когда пѣла романсъ Жуковскаго: *Дубрава шумитъ, собираются тучи*;—какая тишина распространялась по залѣ въ то время, никто не смѣлъ дышать, у всѣхъ надрывались сердца, накопили слезы на глазахъ, когда она раздирающимъ голосомъ восклицала:

Жила и любила, и друга лишилась!....

Чтобъ почувствовать во всей силе красоту лирической поэзіи, чтобы понять языкъ страсти, надобно было слышать, какъ Степанида пѣла другой романсъ:

Мои другъ, хранитель ангелъ мой!—

Здѣсь каждое слово проникало въ душу. Этоъ

(*) Англійскій вояжеръ Голингвортъ, ѣхавшій изъ Индіи чрезъ Москву въ Англію, былъ пораженъ и восхищенъ, когда Степанида съ дочерью своею Ольгою запѣли: *Боже, Царя храни*, на знакомый ему голосъ: *God save the King*; онъ не могъ выдержать національнаго порыва своего и воскликнулъ: *superbe, délicieuse!* невольно присоединилъ къ нимъ свой голосъ.

романсъ пѣвала она иногда вдвоемъ съ своею дочерью (Ольгою), подь прекрасную музыку Кн. С. С. Голицына, она влагала чувство въ каждую мысль, мысль въ каждое слово. Старожилы рассказываютъ, что Степанида въ простонародныхъ пѣсняхъ показывала еще болѣе искусства и умѣнья управлять своимъ голосомъ, упадая вдругъ съ высокихъ тоновъ на низкіе, выдерживая всѣ измѣненія, сливая томные звуки съ веселыми.

Изъ репертуара пѣтыхъ Степанидой пѣсенъ отмѣтимъ самыя любимыя ею: *Я не знала ни о чемъ въ свѣтъ тужить.*— *Лучина, лучинушка березовая.*— *Ивушка, Ивушка, зеленая моя.*— *Чѣмъ тебя я огорчила.*— *Ты душа моя, красна дѣвица.*— *Ахъ чтожь ты, голубчикъ, не веселъ сидишь.*— *Не бушуйте вы, вѣтры буйныя*— *Ахъ ты молодость, моя молодость*— *Въ часъ разлуки пастушокъ.*— *Волга рѣченька глубока.*— *Ахъ, когда-бъ я прежде знала, что любовь родитъ бѣды.*— *Видѣлъ славный я дворецъ нашей матушки царицы.*— *Мѣста тобою украшенны* (Сумарокова) и пр. пр.

Кромѣ пѣнія, труппа Степаниды отличалась и пляскою; младшая дочь ея, Оленька, была очень граціозна въ плавной русской пляскѣ, а другія двѣ цыганки, въ своей національной, выказывали живость и ловкость мимики, не имѣя ничего общаго съ вакхическими и таборными цыганскими плясками

водопроводъ, устроенный для снабженія Москвы чистою водою, пашею полицею; (Императрица любила во многомъ слѣдовать примѣру древнихъ римлянъ, которые ничего не жалѣли для того, чтобы имѣть въ городахъ своихъ хорошую воду, необходимую для здоровья). До этого времени Москва пользовалась Трехгорною и Преображенскою водою, но за ней посылать было далеко, а московская вода и въ то время была уже мутна и нечиста. Екатерина поручила Ген. Бауру провести изъ Мытищенскихъ ключей въ Москву воду трубами. Далѣе, въ полуверстѣ отъ Алексѣевского (*) слѣдуетъ село *Ростокино*, расположенное на рѣкѣ *Яузѣ*; Яуза, нѣкогда ярая, полногрудая рѣка, упоминаемая въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, вытекаетъ изъ мытищенскихъ громовыхъ водоемовъ, течетъ излучиной мимо Тайнинскаго, Медвѣдкова, Свиблова, Леонова и протекаетъ въ Москву; нѣкогда чистыя кристалльныя воды ея полили московскихъ обывателей; но въ какомъ видѣ находится она теперь!—Это какая-то протечная, обмелѣвшая лужа, загаженная фабриками. Окрестности описываемыхъ мѣстностей издавна славились грабежами, въ нихъ свирѣпствовала богатырь—дѣвка, Танька, разбойница Ростокинская, съ своей шайкой, при-

(*) Прежде въ верстѣ заключалось не 500, а 700 сажень.

Цвѣтень), составленъ былъ изъ народныхъ праздни-
ковъ; въ это время славяне праздновали добрымъ
богамъ Лелю, Полелю и матери ихъ Ладо, (озна-
чающей любовь и согласіе, отъ этого имени про-
исходить и слово *ладно*.) Дѣвушки, кружась въ
хороводахъ, припѣвали: Ой, Дидо, (т. е. великій Ла-
до) лешельки Лѣли; это былъ радостный лепеть, не-
волью вырвавшійся изъ сердца, переполненнаго
счастьемъ, особенно при видѣ цвѣтущей, пышной,
живой декораціи природы. (*) Въ этотъ мѣсяць
начинались самыя людныя и веселыя загородныя
гулянья; къ нимъ принадлежитъ Семикъ и Трои-
цынъ день: завиванье и развиванье вѣнковъ.

Первомайское гулянье встарину было самое на-
родное: тамъ пестрѣли по краямъ большой дороги
разноцвѣтныя палатки съ золотыми маковицами
именитыхъ баръ, алыя, голубыя, зеленыя, точно
турецкій лагерь; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ гремѣла
музыка, болѣе роговая; между рамами исполин-
скихъ сосенъ церемоніально двигались и тянулись
одинъ за другимъ грузные экипажи, высокія, какъ
эшафотъ, кареты, берлины, съ крыльцами по бо-
камъ, сквозныя восьмистекольныя, запряженныя
пугомъ одномастныхъ породистыхъ лошадей: со-

(*) Съ давнихъ временъ: ведется на Руси пословица
*Когда у молодца сердечко залечить, его только красна
дѣвица залечить.*

терины II, имѣли право ѣздить цугомъ (съ 6 лошадей), шгабъ офицеры четверней, а оберъ-офицеры и статейные купцы парюю. По боковымъ дорогамъ Сокольниковъ появлялись дрожки съ фартуками (въ родѣ открытыхъ небольшихъ линейекъ); они назывались *монашескими* и дроги—войлочки, въ родѣ нынѣшнихъ бѣговыхъ; извощики съ холстинными номерами на спинахъ, волокли на нихъ своихъ сѣдоковъ, завѣшивая колѣна ихъ разными покрывками отъ пыли и брызжущей грязи; послѣ смѣнились эти дроги телѣжками (какъ говорили тогда, на березовыхъ рѣсорахъ) и наконецъ калибрами, по формѣ своей похожими на гитару. Полицейскіе, въ кожаныхъ каскахъ, съ черными султанчиками, чинно расхаживали по дорогамъ.

Изъ селъ: Краснаго, Семеновскаго и Преображенскаго, дѣвушки съ открытыми головами, въ серьгахъ съ подвѣсочками, въ цвѣтныхъ косникахъ подпоясанныя алыми лентами, а бабы молодицы въ лѣтнихъ продуванчикахъ и въ кикахъ съ дробницами, перемѣшиваясь съ парнями щеголями, пѣли пѣсни и водили по роцѣ хороводы. Разгулъ былъ полный.

Что же теперь представляютъ Сокольники и Ширяево поле, гдѣ настроены презентабельные дачи-дома съ фигурными балконами, съ галлерейми, украшенные рѣзной деревянной бахромой—это

комнаты расположены также крестомъ, сообразно наружности (*); въ центрѣ круглая зала, изъ нея четыре двери въ углы креста; противъ входа еще два зала, украшенны естѣнною живописью (al fresco) художника Скотти, другіе углы креста обращены въ нѣсколько небольшихъ комнатъ. Въ среднемъ этажѣ комнаты также расположены крестомъ, съ правой стороны ходъ въ 3-й этажъ. Расположеніе всѣхъ этажей образуетъ звѣзду. Виды оттуда прекрасны и разнообразны. Домъ этотъ построенъ въ 1801 г.; сюжетъ картины, украшающей плафонъ залы, взятъ изъ мифологіи.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дома расположены два двухъ-этажные флигеля, соединенные открытою галлереею; чрезъ нѣсколько сажень, лѣвѣе, находится каменный театръ, въ которомъ два раза въ недѣлю давались представленія; радушный хозяинъ самъ размѣщаль посѣтителей, толпами стекавшихся въ Люблино. Далѣе слѣдуетъ оранжерея, раздѣляющаяся на десять залъ, кромѣ цвѣточного отдѣленія; предъ оранжереями находятся парники. Всѣ строенія тамъ окружены рачищеннымъ лѣсомъ, версты на двѣ съ обѣихъ сто-

(*) Полагають, что Г. Дурасовъ, получивъ крестъ св. Анны 1-й степени, хотѣлъ увѣковѣчить это пріятное для него событіе и построилъ свой домъ въ видѣ Анненскаго ордена.

отправляются въ Кусково по нижегородскому тракту, за рогожской заставой, или чрезъ Перово, по рязанской. Вся эта описываемая мѣстность почти цѣлое прошедшее столѣтіе процвѣтала и была оживлена великолѣпными поѣздами русскихъ царей и царицъ, боярѣ и иноземныхъ государей. Въ то время въ Кусковѣ жили Графы Шереметевы, въ Перовѣ Разумовскіе, въ Троицкомъ—Румянцевы-Задунайскіе, въ Вишняковѣ—Одоевскіе. Въ настоящее время эти дороги полузабыты. Что касается собственно до Кускова, то объ немъ писали въ своихъ мемуарахъ многіе знатные путешественники, пріѣзжавшіе въ Россію, съ него снимали виды и рисовали зданія его въ альбомы, его описывали поэты и литераторы. (*) Отъ Кускова почти до Коломны простираются деревни Гр. Шереметева; кто не знаетъ этой старинной барской фамиліи, она принадлежитъ исторіи, она извѣстна съ XIV вѣка. Графскій титулъ получилъ отъ Пе-

(*) Въ 1803 г. Воейковъ, въ описаніи русскихъ садовъ, сказалъ:

Село Кусково, гдѣ бояринъ жилъ большой,
Любившій русское старинно хлѣбосольство,
Народны праздники и по трудамъ спокойство.

Макаровъ въ своихъ замѣчаніяхъ писалъ: «роскошь тогда только можетъ быть почтенною, когда она имѣетъ свою цѣлю общественную пользу и удовольствіе».

скаго Хана, Гирея; оно также переходила изъ рукъ въ руки; нынѣ оно полузабыто и принадлежитъ А. А. Торлецкому. Это селеніе для лѣтней жизни очень хорошо, тамъ есть и барской домъ со всѣми службами и прекрасный лѣсъ и рыбный прудъ и луга; оно простирается до большой Владимірской дороги. Близъ него находится дачная деревня *Тетерки*, названная такъ потому, что будто бы, во время прогулки Имп. Елизаветы въ этомъ мѣстѣ, вспорхнула предъ нею стая тетеревей.

Близъ Кускова и Косина находится подмосковная деревня *Бедрино*; она принадлежала литератору и памяtnому директору московскаго театра *Θ. Θ. Кокошкину*. Около 20-хъ годовъ послѣ *Г. Нарышкина*, театромъ управлялъ *Ап. Ал. Майковъ*, (въ 1779 г. театръ учрежденъ былъ отъ правительства). При *Майковѣ* и при *Кокошкинѣ* московской театръ находился въ цвѣтущемъ состояніи; кстати вспомнимъ объ этомъ времени. Въ 1814 г. развѣхавшіеся изъ Москвы артисты театра предъ нашествіемъ непріятеля въ Ярославль и Кострому, (*) возвратились въ столицу, но театръ, бывший на арбатской площади, сгорѣлъ (**). Въ 1814 г. открылись спектакли на

(*) Въ Костромѣ, въ домѣ тамошняго губернатора, *Пасынкова*, въ то время давались спектакли.

(**) Онъ выстроенъ былъ въ формѣ ротонды, на землѣ,

ГЛАВА XVIII.

Продолженіе описаніе окрестностей Кускова и Косина.

Села: Троцкое, Перовское и Зепино. Праздникъ въ Троицкомъ, въ честь прибытія въ него Императрицы Екатерины II.

Люберцы.

Ближе къ Москвѣ, не доѣзжая до Кускова, чрезъ ту-же Покровскую заставу, на рязанской дорогѣ, находится село *Перово*; нѣкогда оно тоже принадлежало князьямъ Черкасскимъ, послѣ присоединилось къ владѣніямъ Гр. Шереметевыхъ, а отъ нихъ къ Гр. Разумовскимъ. Съ этого времени началось цвѣтущее состояніе его. Имп. Елизавета, прїѣзжая въ Москву, любила посѣщать это село и даже проводить въ немъ по нѣскольку дней, забавляясь играми и хороводами тамошнихъ поселянъ. Изъ Перова Государыня выѣзжала на охоту въ Измайловской звѣринецъ по устроенному для нее проспекту, начинавшемуся отъ церкви (съ коронной на главѣ) (*). Изъ простаго селенія преобразилось Перово; тамъ, на большомъ пространствѣ, разведенъ былъ англійской садъ, въ видѣ парка, съ цвѣтниками тропическихъ растений, съ кипящими, брызжущими водометами и краси-

(*) Слѣды этого проспекта замѣтны и теперь.

и выкопаны пруды. Садъ и барской домъ съ своими службами пазываются *Кайнарджи*, а ферма, около версты отъ дома — *Кагуль*. (*) Мать героя Задунайскаго, Марья Андреевна, дочь боярина Матвѣева, друга царя Алек. Мих., очень любила Троицкое и жила въ немъ, хотя сынъ ея имѣлъ помѣстье въ лучшемъ климатѣ, въ Малороссіи.

Въ 1775 г., въ іюль мѣсяцѣ, послѣ заключенія выгоднаго для Россіи міра съ Турціею (**)

(*) Екатерина сама назвала домъ Гр. Румянцева Кайнарджи. Кагуломъ же названа ферма, которую выстроилъ старшій сынъ фельдмаршала, Гр. Пик. Петр., въ 1797 г.

(**) Гр. П. Александр., какъ главный виновникъ торжества и славы Россіи, получилъ въ это время шесть наградъ; первая побѣда его, одержанная надъ турками, была при рѣчкѣ Ларгѣ; Турки, соединясь съ крымскими татарами, составили 80-ти тысячное войско и окружили русскую армію, состоящую изъ 18-ти тысячъ. Румянцевъ, не ожидая натиска непріятелей, самъ двинулся на нихъ, и разбилъ ихъ; въ отнятомъ у нихъ лагерѣ, въ роскошной палаткѣ крымскаго хана, въ тотъ же день пѣли уже: *Тебѣ Бога хвалимъ*. Почти вся Европа, злорадно ожидавшая пораженія русскихъ, изумилась, тѣмъ болѣе, что турки въ то время продолжали еще быть грозой Европы; неистовые Спаги ихъ (конница) стремительно бросались на враговъ своихъ, а Янычары (Енгичары), лучшіе пѣхотные воины, составлявшіе гвардію султана, были еще неистовѣе, еще страшнѣе (одеж-

минація и начался фейерверкъ. Корпусъ гвардіи на ночь расположенъ былъ за Кагульской фермой.

Съ этого времени долго процвѣтало Троицкое, вмѣстѣ со смежнымъ съ нимъ *Зенинымъ* (*); его посѣщали и члены Императорскаго Дома. Въ послѣдствіи времени все измѣнилось: дремучіе лѣса, окружавшіе село, исчезли, на ихъ мѣстѣ видны теперь распаханная поля. Послѣ нашествія непріятелей на Москву, окончательно слава Троицкаго упала и широкая дорога, по которѣй ѣхала въ него Царица и послѣ ѣзжали почетные гости Задунайскаго, заросла быльемъ. . . . Явилось новое поколѣніе и воспоминаніе о Троицкомъ осталось только въ преданіяхъ. Впрочемъ, младшій сынъ Графа Петра Ан. Сергѣй Петровичъ, увѣковѣчилъ въ Троицкомъ память посѣщенія его Екатериною и поставилъ памятникъ въ Фениной, который краснорѣчиво выражаетъ идею славныхъ

иновъ, живущихъ въ Албаніи), Малороссійскіи Лубенскіи козацкіи (козаковъ тогда называли: и *битецъ*, и *пздецъ*, и *стрѣлецъ*), Абшеронскіи, Венгерскіи, Сербскіи, Острогжскіи Егерскіе (учрежд. въ 1765 г.) и пр., въ пробитыхъ пулями киверахъ и съ распущенными знаменами, обрызганными кровію.

(*) Въ старину оно называлось *Карнеевымъ*; тамошняя церковь давно уже упразднена, на ея мѣстѣ красуется кіоскъ въ восточномъ вкусѣ.

вель Петровичъ ѣздилъ въ сопровожденіи Румянцева въ Берлинъ, для обрученія съ Виртембергскою принцессой, нареченною Марією Теодоровной. Король Фридрихъ II-й просилъ русскаго героя показать ему Кагульское сраженіе въ маневрѣ изъ прусскихъ войскъ; онъ построилъ ихъ на Кагульскіе батальоны карре и отчетливо исполнилъ желаніе короля. Фридрихъ такъ доволенъ былъ этимъ, что снявъ съ себя ленту, возложилъ ее на Румянцева (*).

При начатіи новыхъ войнъ съ Турціею, Екатерина, путешествуя въ полуденную Россію, опять хотѣла поручить главное начальство надъ русскими войсками Румянцеву; но онъ, имѣя въ виду соперничество съ Потемкинымъ, отклонилъ отъ себя это назначеніе (**). Послѣ того, во время пребыванія Румянцева въ Малороссіи, гдѣ онъ былъ

(*) См. жизнь Ал. Петр. Румянцева, издан. 1802 г. — У сына его П. Ал. была картина, представляющая этотъ маневръ.

(**) Цесаревичъ просился участвовать въ грядущихъ войнахъ, но государыня не согласилась на то; «что скажетъ Европа, говоритъ онъ, если я не буду въ дѣйствиі?» — «Европа скажетъ, что ты послушный сынъ,» отвѣчала Екатерина.

Дьянія Екатерины II П. Колотова, изд. въ 1811 г.
и посвященныя *Имп. Александру I.*

саду устроена *дѣтская ферма*, (•) серьезная и полезная игрушка, отъ которой дѣти заимствуютъ практическая познанія по части сельскаго хозяйства: травосѣянія, хлѣбосѣянія, садоводства и домоводства. За фермой находится огромный паркъ, по которому пролегаетъ широкая дорога, огибая поля и букетныя рощицы; въ немъ находится то мѣсто, которое встарину извѣстно было подъ именемъ *Столы* (тамъ, на вышеписанномъ Троицкомъ праздникѣ, было угощеніе народа). Въроятно и въ Троицкомъ можно найти спокойныя дачи; тамъ можно вести жизнь аскетическую, вдали отъ людныхъ мѣстъ, за то въ прекрасной и здоровой мѣстности, въ какомъ нибудь зеленомъ уголкѣ, дружно съ природою.

По большой рязанской дорогѣ, за 16 верстъ отъ Москвы, находится деревня *Люберцы*, или *Панки*, нѣкогда (въ началѣ XVIII ст.) она принадлежала Князю Александру Даниловичу Меншикову, извѣстному любимцу Петра I-го (••) (нынѣ она казен-

(•) Тамъ находится и другая ферма — въ прекрасно устроенномъ скотномъ дворѣ.

(••) Государь, на многія вопіющія жалобы на Меншикова, отвѣчалъ: *Суди меня Богъ съ Данилычемъ*; онъ наединѣ управлялся съ нимъ: свидѣтельницай этого управления была только одна дубинка Петра.

Нижнихъ (или *Большихъ* и *Малыхъ*) *Котловъ*, то избы ихъ не приспособлены для дачъ да и открытая мѣстность и дальность лѣсовъ не представляютъ удобства для лѣтняго пріюта. Въ историческомъ отношеніи Котлы извѣстны тѣмъ, что тамъ сожженъ былъ трупъ загадочнаго перваго Димитрія Самозванца, появившагося въ Россіи, извѣстнаго народу подъ именемъ *Гришки* — *растрижки*; прахомъ этого недобраго гостя въ Котлахъ же зарядили пушку и выстрѣлили изъ нея въ под-облачное широкое—далекое пространство...

Серпуховская дорога, (•) она-же Тульская, Орловская и т. д., ведущая въ благословенный южный край Россіи—въ Малороссію и далѣе на Кавказъ, замѣчательна тѣмъ, что на ней неоднократно проходили русскія и вражескія дружины на смертоносныя битвы; (••) на ней за 7 верстъ отъ Москвы есть своя *Поклонная гора*, съ которой являются предъ взорами путешественниковъ сіяющіе золотые кресты московскихъ храмовъ и между ними, какъ будто плавающая въ голубомъ эфирѣ, глава колокольни великаго Ивана. За девять

(•) Городъ Серпуховъ былъ удѣльною отчиною Кн. Влад. Андр. храбраго, дяди Дим. Донскаго.

(••) Въ 1812 г. непріатели по этой дорогѣ не доходили далѣе села Отряды, принадлежавшаго Графу Орлову.

глашенію Петра, прибылъ въ Москву и напослѣдокъ въ Петербургъ, гдѣ, въ 1717 г., предъ второю женитьбою своею съ княжной Трубецкою, сбрилъ себѣ бороду, снялъ Молдавское платье и одѣлся въ европейскій костюмъ. Не исчисляю всѣхъ заслугъ его, оказанныхъ Россіи. Онъ умеръ въ 1723 г. въ селѣ своемъ Дмитровкѣ (·); бранные остатки его перевезены въ Москву и преданы земли въ нижней церкви греческаго Никольскаго монастыря.

Въ числѣ жалованныхъ Контемиру помѣстій, находилась подмосковная, подаренная Князю Петромъ; тамъ Кантемиръ, для лѣтняго убѣжища, выстроилъ себѣ обширныя деревянныя палаты, въ которыхъ сынъ его, извѣстный нашъ поэтъ, остроумный сатирикъ, Антиохъ, (··) воспитывался въ тишинѣ и въ уединеніи. Императрица Екатерина, обладая въ окрестности Петербурга прекраснымъ царскимъ селомъ, (···) желала и въ окрестности Москвы

(·) Кн. Дмитрій населилъ это помѣстье Малороссіянами и Валахами; оно названо такъ по его имени; въ 1782 г. Дмитровка обращена въ уѣздный городъ Орловской губерніи.

(··) Занимающій почетное мѣсто въ исторіи русской литературы.

(···) Принцъ де-Линь сказалъ: оно такъ хорошо, что надобно бы на него сдѣлать чахолъ, чтобъ лучше сберечь.

Вскорѣ послѣ этого работа закипѣла, какъ будто по манію волшебнаго жезла, который, говорили тогда, былъ всегда въ рукахъ Императрицы. Вмѣстѣ съ дворцомъ созидались галлеи, оперный домъ, мосты, ворота, все каменное и въ большихъ размѣрахъ, въ дивно прекрасной архитектурѣ. Вмѣстѣ съ этой постройкой проведена была къ Царицину изъ Коломенскаго широкая, укатанная дорога, обрамленная аллеею изъ березокъ на двѣ версты. (•)

На другой годъ покупки Царицына, (въ 1775 г.) Екатерина отправилась въ Москву праздновать Кудчукъ-Кайнарджскій миръ; кстати совершила она путешествіе въ Троицкую Лавру. (••) Возвратясь оттуда, посѣтила она нѣкоторыя окрестности Москвы, которыми всегда любовалась и вздумала осмотрѣть свое новое хозяйство въ Царицынѣ, гдѣ приготовленъ былъ для нея сельской праздникъ. И вотъ, въ назначенное время, изъ Коломенскаго, по направленію къ Царицину, показа-

(•) По смерти Государыни эта дорога не стала поддерживаться и такъ была запущена, что по ней трудно было пробираться и пѣшеходу отъ разрушенія мостовъ, нѣкогда твердыхъ и фигурно-красивыхъ, и потому въ Царицыно стали ѣздить изъ Москвы по старой Каширской дорогѣ; вначалѣ она однообразна при своемъ мелколѣсьѣ.

(••) О чемъ уже выше было сказано.

надлежали ямщикамъ: на нихъ красовались дачи московскихъ бояръ, съ фронтисписами на затѣйливыхъ домахъ, между которыми находились строенія и богатыхъ купцовъ. Постройками ихъ завѣдывалъ тоже *Каменный приказъ* до 1782 г. (*) Изъ Бѣлаго города всѣ неопрятныя строенія: амбары, лачужки, лавки съ известью и жерновымъ камнемъ неопрятныя блинныя, сбитенныя и всѣ заведенія, вредныя для здоровья жителей, приказано было сносить и размѣщать на Земляномъ городѣ. (**) За чертой тогдашняго города ютились въ перенесенныхъ изъ Бѣлаго лачужкахъ, проживавшіе въ тихомолочку разгульные, бѣглые и без-

(*) Большое пространство внѣ Бѣлаго города обнесено было деревянною стѣною, которая, когда пришла въ ветхость, замѣнилась (въ 1640 г.) землянымъ валомъ и всѣ мѣста отъ стѣны Бѣлаго города до землянаго вала назвались *Землянымъ городомъ*.

(**) Еще въ 1742 г. воспослѣдовалъ указъ Сената обвести Москву валомъ, потому что деревянные надомы разваливались, особливо въ полую воду и растаскивались, а частое заготовленіе ихъ стоило дорого; устроены же они были для того, чтобъ не допустить привоза неявленныхъ товаровъ и корчемныхъ питей, и чтобъ никто не могъ въѣзжать въ Москву и выѣзжать изъ нея мимо заставы. Тогда со всѣхъ возовъ собирали пошлину, кромѣ порожняка. Камеръ-коллегія, ведя этотъ валъ, имѣла въ виду от-

ныхъ предметовъ, при созерцаніи разнообразной игры и переливовъ красокъ ихъ (свѣтотѣни), поражается внѣшнею формою и симметриею; тогда-то, подѣ этимъ вліяніемъ, и художникъ развиваетъ свои таланты и производитъ истинно художественныя явленія.

Что такое садъ? — Въ обыкновенномъ понятіи садъ есть часть зелени, усаженная какими-нибудь растеніями, (*) или такая часть зелени, которую украшаютъ, наряжаютъ до кокетливости разными естественными предметами (**). Украшеніе садовъ есть та же живопись, садоводъ есть также мыслитель съ развитымъ вкусомъ, способный сочувствовать прекрасному и высокому въ произведеніяхъ природы; садоводъ же, знающій только названіе растеній и умѣющій разводить ихъ — не болѣе, какъ простой садовникъ. Рисунокъ есть обширная область, садоводство составляетъ одну изъ частей

(*) Усаженные берега р. Пеглинной ветлами, куда Царь Алекс. Мих, въ цвѣтоносную недѣлю Ваи, съ своими приближенными царедворцами ходилъ ломать вербу, также назывались садомъ.

(**) Напр. въ формахъ аллеи или куртинъ, газонами, площадками, лужайками, водометами, пещерами, статуями, гротами, мозаикою изъ цвѣтовъ, подобранныхъ гармонически, изящно, фонтанами, журчащими сквозь горла птицъ, съ подражаніемъ природныхъ ихъ голосовъ и т. п.

ананасы, померанцы и прочіе, молочно-бѣлыя, глянцовитыя, какъ атласъ лиліи, какъ алѣли, нѣжились и нѣжили собою взоры роскошныя, пышныя розы и пурпурныя гвоздики;—тамъ былъ, какъ будто остатокъ богонасажденнаго рая, вѣчная улыбочивая весна.

Въ настоящее время жрецы ботаники и всѣ любители растительнаго царства могутъ приходиться въ Горенки только, какъ на кладбище, для поклоненія, гдѣ похороненъ дорогой прахъ друзей ихъ... Оранжерей тамъ давно уже нѣтъ, впрочемъ остался еще прекрасный паркъ. Это селеніе принадлежитъ теперь г. Третьякову, у котораго заведена тамъ большая бумагопрядильная фабрика. *Sic transit gloria mundi!*.. Прежде всѣ тамошнія окрестныя деревни принадлежали Графу Разумовскому. Близъ Горенокъ, на Остромынской дорогѣ, нѣкогда существовалъ дворецъ Царя Алексѣя Мих.; слѣды его видны донынѣ; полагаютъ, что изъ развалинъ его тамъ выстроена церковь. Это село называется: *Пахра*, а близъ его находится село *Щитниково*, ничѣмъ особеннымъ незамѣчательное; говорится: иная деревня стоитъ хоть на горкѣ, да хлѣба въ ней нѣтъ ни корки, въ родѣ какой-нибудь мордовской деревушки.

Наконецъ, вспомнимъ, что въ Горенкахъ вѣнчался Князь Иванъ Долгорукій съ Натальей Борисовной, урожденной Графиней Шереметевой. (*)

(*) Прежде Горенки принадлежали Кн. Долгорукому; тамъ Петръ II-й увидалъ сестру Кн. Ив. Алексѣв. и влюбился въ нее.

Обратимся еще къ Володимеркѣ, дополнимъ эту мѣстность: было время, и не такъ давно, когда эта дорога была очень оживлена съ половины лѣта; многіе помнятъ какъ по ней ѣзжали на Макарьевскую ярмарку (*) разныя сословія народа въ то время, когда еще не устроилась желѣзная дорога и поѣзды отправлялись не въ котлѣ (такъ называли прежде вагоны) а въ тарантасахъ, кибиткахъ, на отлетныхъ тройкахъ и смиренно туда же тянулись скрипучіе длинные обозы, нагруженные разными товарами; они отправлялись заранѣе и ѣхали долго, особливо встарину, когда эти дороги поправлялись наизусть, кое какъ (**). Старожи-

(*) Прежде Нижегородская ярмарка называлась (да и доселѣ въ некоторыхъ называется) *Макарьевскою*, потому что она встарину происходила близъ Макарьевского монастыря, который находится по лѣвую сторону, по берегу рѣки Волги, въ разстояніи отъ Нижняго Повгорода на 60 версть.

(**) Необходимость сношенія разныхъ мѣстностей между собою должна быть причиною изобрѣтенія почтъ. Если вѣрить преданіямъ, первыми почтальонами были голуби, ласточки и собаки; подъ крылья голубей подвязывали письма, и если они на полетѣ своемъ не встрѣчали препятствій, то прилетали съ письмами въ свою голубятню. Почтовая гоньба извѣстна съ незапамятныхъ временъ: еще Геродотъ, жившій задолго до Рождества Христова, повѣствуетъ, что оно изобрѣтена Киромъ, царемъ персидскимъ.

другіе; они вспрыскивали другъ друга на каждой станціи, ужъ тутъ былъ на ихъ улицѣ праздникъ (**).

Недалеко отъ Рогожской заставы, по Володимеркѣ же, около бывшаго сахарнаго завода, на горѣ, близъ медвѣжьей травли, стоялъ трактиръ съ садикомъ, содержимый какимъ-то аклиматизированнымъ нѣмцемъ; тогда еще не было лѣтняго нѣмецкаго клуба, и къ хозяину трактира, какъ къ соотечественнику, съѣзжались на чистый воздухъ выпить кружку пива нѣмецкія семейства; мужчины попыхивали тамъ табачекъ *drei König* изъ бѣлыхъ глиняныхъ чубучковъ и фарфоровыхъ трубокъ, играли въ домино, въ кегли въ саду и вели жаркіе разговоры о своемъ *Vaterland*; трудолюбивыя жены ихъ пріѣзжали туда съ корзинками, въ которыхъ заключалась разная женская работа: вязанья, вышиванья и пр.; они тоже, сидя на галлерейкѣ, тянули пиво, чаекъ и лимонадъ. Въ этотъ трактиръ ѣзжали они и зимой прокатиться и отогрѣться пуншомъ и шнапсомъ. Въ немъ же происходило разставанье купцовъ, отправлявшихся

(**) Были и такіе торгаши, которые тайкомъ, спрятавшиеся въ баркахъ отъ преслѣдованія заимодавцевъ, пріѣзжали въ Москву околицею, не долюбивая даровой квартиры въ долговомъ отдѣленіи, называемой *ямою*; съ высоты степенства своего, да попасть въ такое углубленіе...

мебель, устраивая себѣ биваки, расхитили книги изъ библіотеки и ограбили церковь (*).

Графъ былъ гостепріимень, какъ и большая часть современныхъ ему вельможъ; у него былъ еще загородный домъ (нынѣ вошедшій въ районъ города), на Гороховомъ полѣ; онъ замѣчателень тѣмъ, что выстроенъ изъ брусчатаго лѣса (**), и потому, не смотря на давнишнее существованіе свое, до сихъ поръ стоитъ молодцомъ (**).

(*) Во имя св. Петра и Павла. У обѣдни въ этой церкви неоднократно бывалъ Великій Петръ.

(**) Другой домъ его, бывший на Тверской, гдѣ недавно помѣщался Англійскій клубъ, имѣеть пристройки съ боковъ также изъ брусчатаго лѣса, оштукатуренныя; прежде этотъ домъ принадлежалъ М. М. Хераскову, творцу поэмы *Rosciada*; онъ также, какъ и домъ Ив. Ив. Дмитріевскаго, бывшій у Харитонія въ Огородникахъ (послѣ купилъ онъ домъ на Спиридоновкѣ, нынѣ Г. Аксакова), назывался *Храмомъ музъ и Аполлона*. Въ Москвѣ существуетъ гретій брусчатый домъ подлѣ Басманнаго частнаго дома, Гр. Перовскаго. На сломку нѣкоторыхъ старинныхъ домовъ требовалось болѣе времени, нежели на постройку нынѣшнихъ.

(***) Садъ и остатокъ роши, находящіеся при этомъ домѣ, были прежде гораздо обширнѣе, въ 3½ версты; посреди ихъ излучисто протекаетъ Яуза. Садъ графа граничилъ съ домомъ и садомъ Мих. Пикит. Демидова, также обширнымъ, заключавшимъ въ себѣ чудные гроты, убранные ра-

мошная по сую сторону дома и сада была выселена за пруды, гдѣ теперь настроено много дачъ (выселки)—и наконецъ, въ недавнее время, куплена казною для Петровской Академіи. Есть старая дорога, ведущая къ Петровскому, близъ Парка; тамъ тоже настроено много дачъ около рощи, изстари называемой грибною и, прибавимъ, тоже грязною а сырою.

Надѣво отъ Петровскаго-Разумовскаго находится *Михалково* съ великолѣпнымъ домомъ, садомъ, прудами и паркомъ, бывшее Графа Панина; тамъ также настроено много дачъ.

По Дмитровской же дорогѣ и по сторонамъ ея встрѣчаются села и деревни съ лѣтными пріютами для дачниковъ, напримѣръ *Лихоборы* (*), получившія названіе свое отъ недоброй славы тамошнихъ лѣсныхъ бродягъ, которыхъ встарину называли *скоробогатовы*. Въ настоящее время лѣсъ, окружавшій эту деревню, почти весь вырубленъ (**). Недалеко

(*) Они были приписаны къ Алексѣевскому дѣвичьему монастырю, которому давали содержаніе.

(**) Также какъ при селѣ Спасскомъ, близъ Москвы, на лѣсистой Дмитровской дорогѣ, тамошній оврагъ доселѣ называется *банями*; въ немъ водились разбойники. Въ той мѣстности находится славная Гарднеровская фарфоровая фабрика. Англійскій купецъ Гарднеръ выстроилъ ее въ 1765 г.

орошена была живыми ключами воды, покрыта прекрасными зелеными лугами.

Древніе историки свидѣтельствуютъ, что персидскіе государи собственными руками сажали въ своихъ садахъ деревья; въ Священномъ Писаніи, въ книгѣ Есѣирь, въ главѣ 1-й, въ 5-мъ стихѣ, сказано объ Артаксерксѣ, персидскомъ царѣ, что онъ въ своемъ дворцѣ, въ городѣ Сузѣ, сдѣлалъ большое пиршество для всѣхъ языковъ, обрѣтавшихся тамъ. (*) Это пиршество продолжалось шесть дней; дворецъ его украшенъ былъ висонными (пурпурными) завѣсами, также шипками (розами). И въ другихъ библейскихъ книгахъ написано объ этомъ пиршествѣ, что оно происходило въ саду, предъ домомъ царя. (**)

Изъ азіатскихъ садовъ, по описанію садовода

(*) Арріа, кн. 6, гл. 29. «Царь сдѣлалъ пиршество своему народу отъ мала до велика, на пародномъ дворѣ огорода и сада древеснаго, который великолѣпно разсаженъ былъ царскими руками.» Въ другихъ историческихъ источникахъ значится, что когда у персидскихъ царей не было войнъ, то они упражнялись въ насажденіи садовыхъ деревьевъ.— Объ этомъ же повѣствуетъ и Ксенофонтъ въ преданіяхъ своихъ о младшемъ Кирѣ.

(**) Тоже самое пишетъ и замѣчательный садоводъ Фонъ-Роръ въ книгѣ своей о садовомъ искусствѣ.

мѣсту: къ пышному зданію, къ высокой насыпи, или къ уединенной хижинѣ, на островѣ, къ водопаду, къ пещерѣ и т. д.

У древнихъ грековъ были также увеселительные сады, но исторія не свидѣтельствуетъ о томъ, что садоводство достигло въ Греціи до той высокой степени, на которой находились у нихъ прочія изящныя искусства, напр. архитектура и валяніе. Академъ, гражданинъ города Аѳинъ, имѣя въ близости отъ города загородный домъ, насадилъ вокругъ его деревья, собственно для тѣни и между ними поставилъ статуи главныхъ мужей; но болѣе онъ не заботился, чтобы украсить это мѣсто какой нибудь изящной планировкой и цвѣтами (*). Изъ всего этого видно, что садоводство въ Греціи было не въ значительномъ развитіи, хотя цвѣты, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ, имѣли у грековъ символическія значенія. Въ древнихъ лѣтописяхъ находимъ мы еще, что у грековъ насажены были сады болѣе для пиршествъ, для прогулокъ и для тѣни, но о расположеніи ихъ почти ничего неизвѣстно. Въ Аѳи-

(*) Философъ Платонъ, переселившись жить въ это мѣсто, основалъ тамъ знаменитое ученіе, которое, по имени бывшаго хозяина Академа, названо *Академією*.

новы; другія же получили названіе свое по виду и вкусу, напр. *медовый наливъ* и т. д.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ деревьевъ было *лавровое*, появившееся сперва въ Коринѣѣ; по мнѣнію древнихъ народовъ, оно служило защитою противъ громовыхъ ударовъ, и поэтому его сажали у воротъ зданій. Тиверій и Цезарь во время грозы надѣвали лавровыя вѣнцы; у римлянъ въ особенности это дерево было символомъ радости или побѣды; оно навязываемо было на копья и на трубы воинскія и украшало собой императорскія регалии. Посвящено оно было Аполлону; простое употребленіе его для какого нибудь домашняго обихода почиталось большимъ преступленіемъ.

Лавровое дерево вообще у древнихъ народовъ было въ великомъ почтеніи; имъ награждались достоинство и добродѣтель; оно было знакомъ славы, употреблялось въ ихъ таинственномъ богослуженіи и листь его считался орудіемъ божественнаго вдохновенія: если онъ трещалъ на огнѣ, то предзнаменовалъ успѣхъ, а если горѣлъ тихо, то бѣду. Сажали лавровое дерево предъ зданіями еще съ тою цѣлію, чтобы умилостивить человѣка, живущаго въ немъ. Чтобы имѣть пріятныя сновидѣнія, надлежало хотя одинъ листокъ его поло-

садамъ, въ которыхъ съ большимъ вкусомъ собраны и расположены красоты природы и искусства.

Вылощенные, чистоплодные и красивые сады можно видѣть въ Голландіи, гдѣ искусство побѣдило природу, подчинило ее своей власти—и потому они представляютъ болѣе холодную картину, лишенную жизни и движенія; самый поразительный образъ подобной картины представляетъ садъ въ Эскуріалѣ (*). Находящіеся тамъ сады обширны, разведены на сухой, песчаной почвѣ; разведеніе этихъ садовъ стоило большихъ трудовъ, но въ нихъ тоже все безжизненно, мрачно и угрюмо: дороги широкія и прямыя; всѣ деревья подстрижены подъ одинъ узоръ; тамъ нѣтъ ни одного живаго цвѣтка, все изображаетъ тамъ какую-то остылую, замороженную жизнь, все напоминаетъ тамъ суровую, непреклонную волю основателя Эскуріала, этого каменнаго гроба.

У любителей садоводства должна преобладать сердечная теплота надъ холоднымъ разсудкомъ;

(*) Эскуріаль—монастырь и дворецъ, мрачной наружности, находится въ Испаніи, близъ Мадрида; испанцы называютъ его восьмымъ чудомъ свѣта; онъ сооруженъ въ 1563 году королемъ Филиппомъ II на пустынной, безводной равнинѣ. Эти зданія и садъ соответствовали характеру Филиппа, который никогда не улыбался.

отъ этого и произошло повѣрье, что находятся особья существа, господствующія надъ водою. Суевѣрные полагаютъ, что русалки суть не что иное, какъ младенцы мертворожденные или умершіе безъ крещенія, что будто бы души ихъ носятся въ видѣ мотыльковъ надъ цвѣтистыми полями и лугами и пьютъ ароматную влагу изъ чашечекъ цвѣтовъ. Но другіе мифологи думаютъ, что при паденіи сатаны, одни изъ нечистыхъ духовъ попали въ воду, а другіе въ лѣсъ. Названіе *русалокъ* производятъ отъ *русыхъ* волосъ ихъ или отъ *русла* рѣкъ; по повѣрью, они съ *зеленой недѣли* (съ Троицкой) до Петрова дня обитаютъ въ лѣсахъ и съ распущенными длинными волосами качаются на деревьяхъ и звонко хохочутъ, и потому въ это время легковѣрные боятся заходить далеко въ лѣсъ, потому что русалки обольстительно приманиваютъ къ себѣ неосторожныхъ и защищаютъ ихъ до смерти. Въ прочее время года они обитаютъ будто бы только въ водѣ, въ темномъ омутѣ. Въ простонародіи полагаютъ, что въ каждой рѣкѣ есть свои русалки (какъ напр. Днѣпровская), которыя также искусительно играютъ свои роли; ихъ называютъ *хохотуши-щекотуши*.

Послѣ русальной недѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи бывають *проводы* русалокъ: хороводницы съ соломенными чучелами въ рукахъ, украшенными

травяныхъ, посѣвныхъ, хороводныхъ и пр., подъ чистымъ лазоревымъ небомъ, начиная съ 1-го Мая, дня пророка *св. Іеремія* (·) (праздникъ). 13 день *св. Гликерія*, (**) 28 день *св. Никиты*, (***) 29 день *св. Θεодосіи*. (****) Лѣтнія празднества до рабочей поры суть: 13 Іюня — день *св. Акилины*, (*****) 23 —

(·) Онъ предсказалъ о рожденіи Іисуса Христа за 650 лѣтъ; празднованіе этому святому взято отъ грековъ.

(**) Имя *св. Мученицы* на греческомъ языкѣ означаетъ *усладу*; въ Москвѣ этотъ день встарину гуляли на Дѣвичьемъ полѣ.

(***) *Св. Угодникъ*, Епископъ Халкедонскій; онъ жилъ въ 828 г. по Рождествѣ Христовѣ. У римлянъ въ этотъ день торжествовали праздникъ лебедей, превращеніе Юпитера.

(****) Она именуется въ народѣ *Колосляницею*; въ переводѣ зн. *Богомъ данная*. Въ этотъ день поселяне выходили толпами въ поле съ пѣснью:

Пошелъ колось на ниву,

На бѣлую пшеницу.

Они молились, чтобъ родился *лчмень усатый*, а *пшеничка колосистая*, такъ какъ при посевѣ ржи, 2-го Мая, въ день *св. Бориса и Глѣба*, поселяне, крестьяне, говорили: *Милостивцы, Борисъ и Глѣбъ, возьмите наши хлѣбъ*; а при жатвѣ произносили: *св. Угодники, отдайте наши хлѣбъ сторицею*.

(*****) Въ этотъ день бываетъ посѣвъ гречихи; орелъ по-

Благослови Троица, Богородица,

Намъ въ лѣсъ иди.

Вънокъ сплести и т. д.

Хоровыя пѣсни, по красотамъ поэзіи и по содержанию своему, явно высказываютъ остатки славянскихъ празднествъ; они начались въ самой глубокой древности; съ веселыхъ пировъ Кн. Владимира стали разноситься пѣсни по всей Руси, а первоначальное значеніе хоровода никому не извѣстно. Хороводы занимаютъ собой три годовыя эпохи: весну, лѣто и осень. Поселяне веселятся только по праздникамъ, въ другіе дни имъ некогда веселиться; горожане досужливѣе ихъ: многіе изъ нихъ пользуются всѣмъ готовымъ. (*) Послѣдніе Троицкіе хороводы совершаютъ во Всесвятское гулянье, за ними слѣдуютъ Ивановскіе и Петровскіе; Пятницкіе отправляются въ десятую пятницу послѣ Пасхи. Встарину на перекресткахъ большихъ дорогъ стояли часовни; въ это время бывали проводы и встрѣчи родителей съ дѣтьми, когда послѣдніе приходили домой на всю рабочую пору или провожали ихъ на заработки въ дальнія стороны. Самыя людныя и древнія гулянья и празднества

(*) Это называлось *лежать на листу*.

(**) Къ числу ихъ принадлежали слобожане Тверской-Ямской, Дорогомиловской и Рогожской слободы.